

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторически журнал № 2 (53)
февраль, 2021

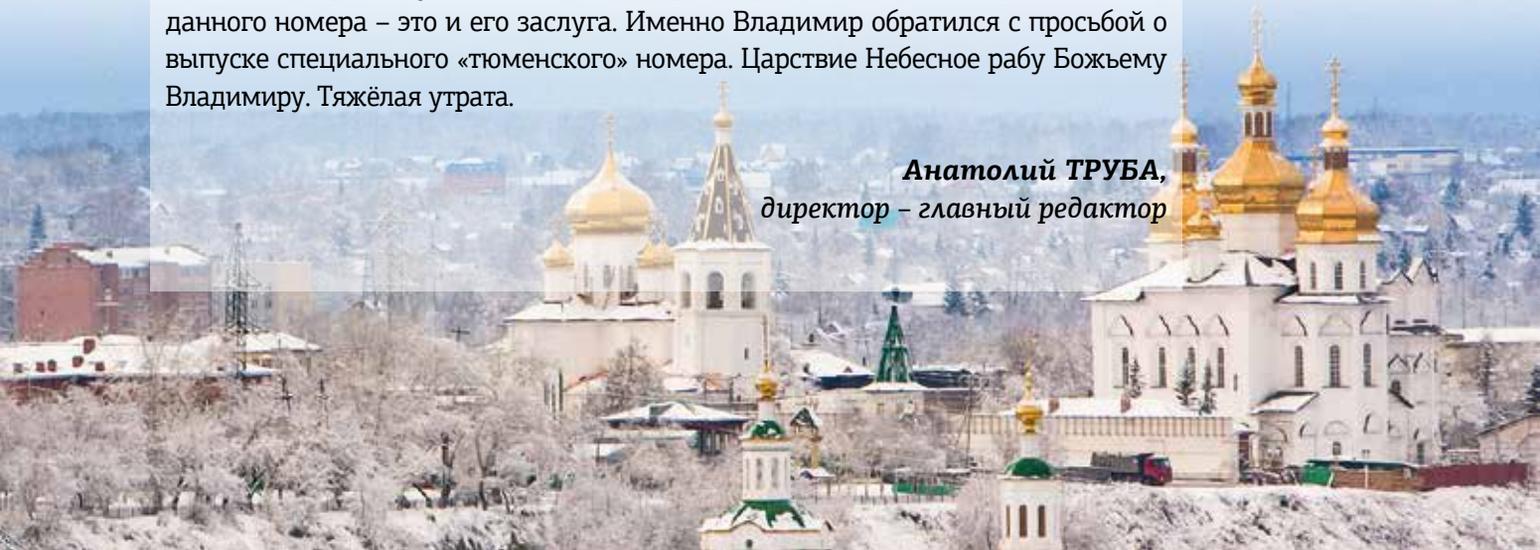

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вашему вниманию представлен февральский номер литературно-исторического журнала «Александръ», включивший в себя произведения писателей Тюменской области. Мы продолжаем добрую традицию знакомить вас с творчеством писателей из регионов России, и особые слова благодарности хотелось бы сказать руководителю Тюменского отделения Союза писателей России Леониду Кирилловичу Иванову, благодаря которому мы и имеем удовольствие знакомиться с замечательными произведениями писателей-сибиряков. Они отличаются разнообразием и индивидуальностью, а объединяет их любовь к родной земле.

Горькая новость о внезапной смерти Владимира Герасимова, замечательного писателя и неравнодушного человека, потрясла редакцию «Александра». Создание данного номера – это и его заслуга. Именно Владимир обратился с просьбой о выпуске специального «тюменского» номера. Царствие Небесное рабу Божьему Владимиру. Тяжёлая утрата.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

НЕ НЕФТЮ ЕДИНОЙ

Когда заводят разговор о Тюмени, у большинства собеседников сразу же возникают ассоциации с добываемыми в Западной Сибири нефтью и газом. Однако Тюменский край богат не только полезными ископаемыми, а ещё и своей уходящей в древние времена историей. И опять же – не только. Глубоко в прошлое уходит и литература Тюменского края. Она берёт начало с летописей Саввы Есипова, который приехал в Сибирь в начале XVII века и служил дьяком при трёх архиепископах Сибирских и Тобольских: Макарии, Нектарии, Герасиме.

В 1636 году Савва Есипов создал летопись о походе Ермака в Сибирь, она стала основой целого направления в сибирском летописании XVII–XVIII веков.

К основоположникам литературы Тюменского края необходимо отнести Семёна Шаховского, что некоторое время жил в Тобольске, отбывая в древней столице Сибири две ссылки и между ними будучи воеводой. Заметный след оставил в литературе идеолог старообрядчества, уроженец этих мест Мирон Галанин, один из основоположников крестьянской литературы XVIII века.

Наиболее известно среди других имя Панкратия Сумарокова. В 1789 году он основал ежемесячный журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», положивший начало периодическим изданиям Сибири, и стал его первым редактором. Одним из основных сотрудников этого журнала стал Иван Бахтин, чья литературная деятельность развернулась именно во время пребывания в Тобольске.

Век девятнадцатый украсил своими произведениями поэт, историк и публицист Пётр Словцов, хотя его поэтическое творчество и не было собрано и полноценно изучено. Нельзя не упомянуть уроженца Тобольска декабриста Гавриила Батенькова, прожившего короткую жизнь талантливого поэта Евгения Милькеева. Но жемчужиной литературы Тюменского края стал Пётр Ершов, чей «Конёк-Горбунок» и по сей день остаётся одной из самых читаемых в мире книг. А его имя носит литературный центр на родине писателя и Международный литературный конкурс для детей и юношества, что под эгидой Союза писателей России полтора десятилетия проходит в Ишиме, ежегодно привлекающая к творческому состязанию более четырёхсот участников практически со всех континентов.

Рядом с Петром Ершовым незаслуженно остаются в тени русский писатель, мемуарист, литератор, художник, карикатурист, археолог, этнограф, краевед Михаил Знаменский и первая в Сибири писательница Надежда Лухманова (Байкова), прожившая в Тюмени всего пять лет. Но именно очерки с описанием тюменской жизни в книге «В глухих местах» принесли ей широкую известность и признание как литератору.

Литературу Тюменского края XX века открыл своими произведениями писатель, журналист и этнограф Константин Носилов, хотя его первая книга «С Оби на Печору» и вышла на стыке веков, в конце 90-х годов позапрошлого столетия, в 1901 году он участвовал в коллективном сборнике вместе с Чеховым, Куприным, Буниным и другими известными писателями.

Одним из основоположников Тюменского отделения Союза писателей СССР был Иван Истомин. Он писал на русском, ненецком и коми языках. Инвалид с детства, он героически переносил свой тяжёлый недуг, работал в Салехарде, затем переехал в Тюмень, где был принят редактором национального отдела Тюменского книжного издательства. Печатался во многих популярных в то время журналах Советского Союза, выпустил в свет более полутора десятков книг.

Среди основателей тюменской писательской организации был Василий Еловских, чья проза переводилась на казахский, балкарский и латышский языки.

Константин Лагунов вошёл в историю тюменской литературы как один из самых ярких прозаиков прошлого века. В 1959 году К. Лагунов был принят в Союз писателей СССР во время его работы в Таджикистане. Там занимался наукой, защитил кандидатскую диссертацию по истории, а в 1961 году переехал на родину, в Тюмень. Два года возглавлял Тюменское книжное издательство и двадцать лет (с 1963 по 1983 год) был ответственным секретарём Тюменской областной писательской организации, создал целую школу творческих семинаров, которая помогла многим выйти на самостоятельную писательскую стезю. По некоторым произведениям К. Я. Лагунова снимались художественные фильмы.

Основой для художественных фильмов стали и произведения Зота Тоболкина. Спектакли по его пьесам шли на сценах многих, в том числе московских, театров. Прекрасный колоритный язык вызвал широчайший интерес к его произведениям по всей стране и сделал одним из самых популярных писателей, наряду с Валентином Распутиным, Василием Беловым, Виктором Астафьевым, Виктором Лихоносовым и другими признанными классиками советской литературы.

Творчество самобытного тюменского писателя Ивана Ермакова, автора сибирских сказов, не имеет ни последователей, ни подражателей благодаря уникальному, богатейшему образному языку, который в полной мере раскрылся и в публицистике автора, потому что этот язык можно впитать только с молоком матери, живя в глубинке, где в то время ещё сохранялась исконно русская речь. Этот язык украсил всё творчество писателя, будь то произведения на военную тему («Богиня в шинели»), о жизни сельских жителей («Кузнецы») или публицистика («Голубая стрелка» и «Володя-солнышко»).

В числе первых членов Союза писателей СССР на территории Тюменской области был очеркист, публицист Евгений Шерман (Ананьев). Он первым из тюменских писателей начал осваивать в своих очерках тему освоения месторождений Западной Сибири, побывав на большинстве строек и предприятий края. Его «Остров нефтяных робинзонов» стал первой в нашей литературе книгой о людях, которые открывали и осваивали тюменский

топливно-энергетический комплекс. С 1983 по 1987 год возглавлял Тюменское отделение Союза писателей РСФСР.

Семнадцать лет руководил писательской организацией прозаик Сергей Шумский. Во многом благодаря ему организация не распалась во время перестройки, а продолжала работать. Первая книга Шумского «Соболихинский баянист» была издана в Свердловске в 1973 году. Затем последовали сборники «Качели», «Посреди белой ночи» и другие. В 1993 году вышел сборник иронической прозы «Я есть (Письма из мусорной корзины)». В книгу «Пастуший стан» (Шадринск, 1998) Сергей Шумский включил отмеченную премией журнала «Молодая гвардия» повесть «Красавец и Байкал», автобиографическое повествование «Мои шесть братьев», написанную ещё в семидесятые годы пьесу «Судили знахарку», рассказы, очерки и публицистические выступления разных лет.

В годы перестройки произошло и деление организации на три, поскольку автономные округа стали самостоятельными субъектами Федерации, там были созданы свои органы власти и свои писательские организации. Тогда же параллельно с правопреемником Союза писателей ССР – Союзом писателей России – был создан Союз российских писателей, возглавил который известный поэт Николай Шамсутдинов.

Большой вклад в развитие тюменской литературы внёс поэт и прозаик Анатолий Васильев. Первый поэтический сборник он выпустил, ещё будучи студентом Омского медицинского института.

Но большую известность принесли исторические романы о декабристах и итоговый труд писателя «Отвоёванная Россия». А ещё литературно-художественный и историко-краеведческий альманах «Врата Сибири», который Анатолию Васильеву удалось создать в самые трудные для экономики современной России 90-е годы и полтора десятка лет быть его главным редактором. Довелось Анатолию Васильеву некоторое время и руководить писательской организацией.

После Васильева ответственным секретарём регионального отделения СПР был избран замечательный поэт Николай Денисов, чьи стихи полны лиризма, классически просты и всем понятны. Поэзию Николая Денисова, так же как Николая Рубцова, с которым они в одно время учились в Литературном институте, отличает любовь к малой родине, к России, любовь искренняя, без патетики.

Имена этих писателей присвоены библиотекам Тюмени и городов и районов области, что в последние годы стало одним из направлений деятельности писательской организации, руководит которой прозаик Леонид Иванов.

А творчество современных тюменских писателей представлено в этом номере журнала «Александр».

Леонид ИВАНОВ,
председатель Правления
Тюменского регионального отделения
Союза писателей России.

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ПУТЬ

Журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 2 (53), февраль 2021 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.02.2021 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом

в АО «Издательский дом «Мичуринск»,

393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,

ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 8** Леонид Иванов.
Купейный в прошлое без пересадки

ПОЭЗИЯ

- 16** Владимир Шугля
17 Ольга Гульятеева.
Время признать

ЮБИЛЕЙ

- 19** Анатолий Омельчук.
Путь Александра

ТЮМЕНСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

- 22** Анатолий Кондауров.
Русь беспредельная
25 Антонина Маркова
27 Ольга Ожгибесова.
Хочется жить

ПРИЗНАНИЕ

- 31** Ольга Ожгибесова.
Ершов нужен России

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 35** Василий Полушкин
36 Виталий Огородников
38 Леонид Ткачук

КЛАССИКИ

- 39** Татьяна Солодова.
«И мыслию высокой оживил...»
Пушкин и Ершов

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 48** Елена Русанова
50 Екатерина Володина
52 Наталья Бородкина
54 Екатерина Пионт

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

- 56** Валерий Пономарёв.
Ермак
57 Павел Плюхин.
Летописи о Сибири, Тюмени,
Югре и походе Ермака

ЛИРИКА

- 64** Сергей Перунов
67 Григорий Кайгородов

НОВОРОССИЯ

- 69** Дмитрий Сергеев.
Надежда

СУДЬБЫ

- 73** Андрей Маркиянов.
Видение

ДЕТЯМ

- 80** Ирина Андреева (Катова).
Марфуша

ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ

- 83** Аркадий Захаров.
Наина – хранительница очага
рода Яги

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** «Александръ» в Донбассе:
так победим!

КУПЕЙНЫЙ В ПРОШЛОЕ БЕЗ ПЕРЕСАДКИ

Я смалодушничал. Смалодушничал второй раз в жизни. Увидев её на перроне, я, кажется, даже втянул голову в плечи и поспешил спрятаться за спинами других пассажиров, что рекой текли на посадку сразу на два вскоре отходящих от Ярославского вокзала поезда.

Это чуть позже я начал сам для себя искать оправдания того, что не догнал, не подошёл поздороваться, спросить, как сложилась её судьба. Может, меня, два с лишним десятиле-

тия отдавшего журналистике и объездившего полмира, писавшего свои репортажи и статьи из арктических походов и горячих точек, имевшего откровенные беседы с героями войны и отпетыми преступниками, рассказывавшего о бандитских группировках и практически открыто работавших публичных домах, девочки которых бравировали своей профессией, вдруг охватила робость из-за того, что она, боясь не успеть в свой вагон, торопливо шагала, ведя

на поводу чемодан на колёсиках, которые недавно появились в продаже. А может, остановило то, что она шла с дочерью. Собственно, именно дочь я и увидел первой. Что это была дочь, я нисколько не сомневался, поскольку она была точной копией своей матери, с которой у меня был бурный роман в годы моей студенческой практики. Только моя любовь тогда была ещё совсем юной, а дочь выглядела повзрослевшей копией своей уверенным шагом идущей рядом матери.

Но скорее всего я просто струсил, испугался этой встречи со своим далёким прошлым, тем более что все эти годы, вспоминая студенческую практику, признавал себя виноватым перед той доверчивой и наивной девчонкой.

Не знаю, что меня остановило, но, увидев её, я будто остолбенел, и когда репродуктор объявил, что посадка на мой поезд окончена, я бросился к первому же вагону, показал сделавшей шаг в сторону проводнице билет и протиснулся в тамбур.

– Что же вы, мужчина? – укорила меня проводница. – Стоял, стоял, а потом чуть не под колёса сунулся. Ждали, что ли, кого?

– Да, – махнул я рукой. – Друг обещал проводить. У меня второй купейный. Я пройду к себе.

– Минут двадцать придётся подождать – вагон-ресторан ещё закрыт, не пройди.

– Я тут постою?

– Можно тут, а можно и перед рестораном. Лица на вас нет. Случилось что? Пойдёмте-ка давление померяю. Сама этим страдаю, поэтому всегда тонометр с собой вожу. Сумку-то вон на верхнюю полку забросьте, чтобы в проходе не мешала. Командированный, поди? Налегке-то только командированные и ездят. Не посмотрела в билете, далеко едете?

– До Обозерской. Там сегодня ночью пассажирский самолёт в лесу вынужденную посадку совершил.

– А! Слышала по радио, только подробностей никаких ещё нету. Родные кто на том самолёте летели?

– Слава Богу, нет.

– А чо тогда так заполошно кинулись-то?

– Писать с места события.

– Журналист, што ли?

– Журналист.

– Ну вот, журналист, давление-то какое высокое! Всегда такое, што ли?

– 120 на 80.

– А 160 на 100 не хочешь? – по-свойски перешла проводница на «ты». – Таблетки есть или мне свои дать?

– Да, пожалуйста, если есть.

– Ты с этим делом не шути. Особенно в дороге. На-ко я тебе чайку фирменного заварю. Сама в поездках только этим и спасаюсь. Пассажиры-то у нас иногда такие бывают, никаких нервов не хватит.

Леонид ИВАНОВ

Леонид Кириллович Иванов, автор двадцати художественных книг и нескольких книг документальной прозы. Лауреат международных и всероссийских литературных премий. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России.

В семнадцать лет с восьмью классами образования и несколькими написанными рассказами был принят литературным сотрудником в районную газету «Волна» Вологодской области и с тех пор всю жизнь занимался журналистикой. Работал в районной газете, на областном телевидении, в администрации области, полтора десятилетия – собственным корреспондентом газеты «Труд», пресс-атташе в Тюменском нефтегазовом университете. В настоящее время – главный редактор литературно-художественного альманаха «Врата Сибири». Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Тюмени.

Она достала из шкафчика стеклянную баночку из-под кофе, бросила в стакан щепотку травы, заварила кипятком. В служебном купе сразу запахло мятой и ещё чем-то напоминающим больницу.

– Посиди тут, чайку выпьешь – и полегчает. Только пусть сначала немного запрет. А я пойду билеты соберу.

Проводница взяла со столика сумочку с кармашками для билетов и отправилась вдоль вагона.

– Ты пей чай-то, пей, – вернувшись через некоторое время, посмотрела она на накрытый блюдечком стакан. – Хуже точно не будет. Не бойся, не приворотный, – засмеялась она, и добрая улыбка сделала её намного моложе.

– А мне бы и отворотный не помешал, – подхватил я шутку, но она разговор не поддержала.

– Пей чай-то да в своё купе иди, а то проводница сведения подаст, что место свободное. Вагон-ресторан с минуты на минуту открыть должны.

Я небольшими глотками выпил уже успевший немного остыть необычный для городского жителя травяной чай, встал.

– Сколько с меня?

– Да иди уже! Это мой личный, он не продаётся. А вишь, помогло вроде. Может, ещё раз давление померим? Хотя и так видно, что лучше стало, а то ведь лица на тебе не было.

– Спасибо вам огромное! Дорога дальняя, ещё на больших остановках увидимся.

Я прошёл по узким коридорам качающихся из стороны в сторону вагонов, переходя из одного в другой по соединяющим их лязгающим металлическим пластинам, где под ногами сплошной линией стремительно летели назад пропитанные чем-то чёрным шпалы. Добрался до своего вагона, отдал проводнице билет, она сверила его с паспортом.

– Третье купе. А я уж думала, отстал пассажир, сведения хотела передать, что одно место свободным осталось. Располагайтесь.

Я постучал, сдвинул в сторону дверь купе и остолбенел. Такое бывает только в примитивном кино по очень плохому сценарию. В купе была она.

Они с дочерью сидели у окна друг против друга и о чём-то оживлённо разговаривали.

– Здравствуйте! – выдавил я наконец. – Моё место девятое, но если хотите, я могу и на верхней полке.

– Нет-нет, что вы! – девушка торопливо встала и пересела к матери.

– Спасибо!

Я не знал, как себя вести. Обрадоваться встрече или делать вид, что мы не знакомы. Я заметил, что Владлена узнала меня в первую же секунду моего появления в купе, но не подала вида. Значит, так надо. От моего наблюдательного взгляда не укрылось то, что на её безымянном пальце правой руки блестело обручальное кольцо. Значит – замужем, и это опять же значит, что при дочери ей совсем ни к чему распространяться о встрече с прошлым.

– Роман, – представился я. – Роман Медведев, – добавил для пущей важности.

– Владлена, а это моя дочь Лада.

– Очень приятно! Красивое у вас имя!

– Это мама настояла, – улыбнулась девушка. А мой мозг будто пронзило из глубин памяти незабываемое, как я ласково называл Владлену Ладушкой. Тогда это имя практически не встречалось, зато много-много лет оставалась популярной песня в исполнении Вадима Мулермана, потом Эдуарда Хиля, которую так любил мой отец. Она по много раз звучала на всех семейных праздниках, потому что отец всегда именно так нежно называл мою мать.

Нам столетья не преграда,

И хочу я, чтоб опять

Позабытым словом Лада,

Позабытым словом Лада

Всех любимых стали звать.

Я не мог понять, как судьба через много лет, в разгар летних отпусков, когда народ стремится на юг, к тёплому морю, свела нас с Ладой в одном купе идущего на север поезда.

– Решили отпуск провести на южном побережье Ледовитого океана? – пошутил я.

– Нет, едем на родину мужа, – не поддержала шутку Владлена. – А вы куда без вещей?

– Ну как же без вещей? – показал я на сумку.

– В командировку, наверно?

– Да, – согласился я. – Ночью пассажирский самолёт в тайге упал, еду на место происшествия.

– А вы журналист? – оживилась Лада. Я молча покивал головой. – Как интересно! Мы в зале ожидания по телевизору сообщение видели, но там пока ничего не известно.

– Вот я и еду, потому что не известно. Когда все всё знают, ехать не за чем.

Владлена повернулась к окну, разглядывая пролетающую мимо полуразрушенную деревеньку. У покосившейся калитки будто припавшего на передние ноги домика, опираясь на кривой батог, подслеповато, из-под ладони всматриваясь в со свистом мчащиеся мимо вагоны, стояла сгорбленная старушка. Я много повидал таких населённых пунктов во время командировок в далёкую провинцию, но никак не мог привыкнуть, что точно такие же брошенные сёла находятся в сотне километров от столицы, да ещё у самой железной дороги, навевая тоску на проезжающих мимо путешественников. Впрочем, немалая часть этих едущих мимо людей наверняка видела их не только из окна поезда.

– Мама, ты что? – вывел меня из печальных раздумий голос Лады. Я посмотрел на Владлену – в её глазах стояли слёзы.

– Стариков жалко, которые доживают свой век вот в таких тущобах, – сказала Владлена. – Ведь наверняка у них всех есть дети. Не пойму, как можно бросать дорогих тебе людей.

– Ну я тебя, мамочка, никогда не брошу, – прижалась к матери девушка.

– Я знаю. Я не про тебя, я про других.

И снова отвернулась к окну.

Я время от времени вспоминал её все двадцать пять лет со дня нашего расставания. Первое время буквально бредил ею, от любви совсем потеряв голову. Я готов был жениться, но это было невозможно, потому что Владлене, моей Ладушке, как я её называл во время наших страстных объятий на благоухающем луговыми ароматами сеновале её родительского дома, стоящего на самой окраине районного центра, исполнилось только шестнадцать. Я

учился на втором курсе журфака, по окончании которого мне благодаря влиятельному отцу светила блестящая карьера. Ей предстояло ещё год учиться в школе.

Зашипел динамик поездного радио, потом, будто прочистив горло, заговорил соблазнительным женским голосом: «Уважаемые пассажиры! Мы с удовольствием приглашаем вас пообедать в вагоне-ресторане, где очаровательные официантки предложат вам вкусные блюда, приготовленные нашими замечательными мастерами кухни. Во время обеда вы также сможете посмотреть полную версию ещё не вышедшего на экраны фильма "Левиафан", съёмки которого проходили в суровых условиях русского Севера».

– Мам, может, сходим пообедаем?

– Иди, Ладушка, мне что-то не хочется.

Тем более, не хочу смотреть эту чернуху, про которую написано столько негативного.

– Может, тебе чего-нибудь принести?

– Нет, спасибо! Я потом, ближе к вечеру.

– Тогда пока-пока!

Девушка вышла, я накрыл ладонью сложенные на столике руки Владлены.

– Как ты живёшь, Лада?

Она убрала со стола руки, откинулась на спинку.

– Ещё помнишь?

– Я никогда и не забывал.

Она посмотрела мне в глаза, помолчала, словно обдумывая ответ.

– Нормально живу, как все, – потом поправилась: – Хорошо живу. Замужем за прекрасным человеком, дочь вот совсем взрослая. Надеюсь, встретит свою любовь, счастливо выйдет замуж, потом внуки появятся. А как вы?

– А почему на «вы»?

– Ну мы люди простые, а вы знаменитость.

– Перестань! Какая знаменитость?

– Да не скромничайте вы! Время от времени читаю ваши статьи. Даже по телевизору пару раз видела. Обручального кольца не вижу, до сих пор с цветка на цветок порхааете?

– Почему же? Женат. Даже дважды. Был. Понимаешь, я, наверно, по натуре своей – бродяга. А женщинам нужны верные домоседы.

– Может, вы и правы. Скорее всего, правы...
– Стихи пишешь? Может, уже признанной поэтессой стала? У тебя же был природный талант.

– Был да сплыл... Пелёнки-распашонки... Ладушка росла беспокойной, по ночам постоянно плакала. А тут ещё эта слава...

– Какая слава? – переспросил я после некоторого молчания.

– Ну как же?! Ученица в декретный пошла вместо десятого класса. Не хотела я ничего говорить, да уж ладно. Видно, так Богу было угодно, чтобы мы когда-то встретились, так чего скрывать. Откроюсь, коли судьбой эта встреча предначертана. Дочь-то мужа папой считает. Он почти на десять лет меня старше, то ли полюбил, то ли пожалел, до сих пор не пойму, но Ладушку своей родной дочерью считает. Своих у нас так и не получилось. А Ладушка даже характер от него унаследовала.

– Подожди! Это что? Лада – моя дочь? – Кажется, от этой страшной догадки у меня даже капельки холодного пота покатались между лопаток.

– Это как сказать... Родители ведь не те, кто родил, а те, кто вырастил и воспитал...

– А почему ты мне не сообщила? – как-то сипло выдавил я, потом откашлялся. – Почему не написала?

– Ну сначала не понимала, что забеременела, – я же совсем глупенькая была, а потом вы уже на мои письма не отвечали. Да и испугалась я, что у вас неприятности большие в университете будут.

– Какие неприятности? – не понял я.

– Ну как же! Соблазнил ученицу, обесчестил, с пюзом оставил.

– Не надо так грубо...

– У нас и похлеще говорили. Повторить? – уже почти зло сказала Владлена.

– Если тебе легче будет...

– Ладно, не буду.

Она замолчала, отвернувшись к окну.

Ошарашенный такой новостью, я тоже долго молчал, обдумывая неприятную для себя ситуацию. Надо же! Дочь! Взрослая дочь, существование которой я не мог даже предполагать.

...Тогда, на втором курсе, я приехал на практику в районную газету. Поездил по колхозам, написал несколько, как теперь понимаю, беспомощных корреспонденций. Мне, городскому жителю, был совсем непонятен этот мир, эти фермы, мастерские, даже эти люди, поэтому сочинить что-то путное не получалось. Понимая это состояние, однажды редактор передал мне школьную тетрадь, исписанную аккуратным округлым почерком.

– Ты стихи пишешь?

– Сам практически не пишу, но серьёзной поэзией увлекаюсь.

– Мы время от времени литературную страницу публикуем. Посмотри, тут у нас одна старшеклассница стихи пишет. Мне кажется, недурно. Только в редакции по стихам специалиста нет. У нас один с бухгалтерским образованием, второй – агроном, третий железнодорожный техникум окончил, четвёртый – машиностроительный. Как видишь, специалисты самого широкого профиля, но не литературного.

Я полагал, что эта тетрадь окажется исписанной стихами про любовь, которые так охотно и безграмотно пишут юные девушки, влюблённые в своих одноклассников. Они читают подружкам эти строки, написанные без малейшего представления о технике стихосложения, иногда даже отправляют предмету своих воздыханий, пишут друг другу в блокнотики, рядом со стихами Есенина и словами из ставших популярными песен. Но никак не ожидал, что это окажутся вполне добротные написанные стихи, хотя, конечно, требующие хорошей авторской или редакторской доработки. Я тогда так и сказал об этом редактору, внимательно прочитав все тексты.

– Вот и поработай с ней. У нас при школе работает поэтический кружок, ведёт его учительница литературы, она охотно пригласит на занятие студента журфака из самой Москвы. Не стану скрывать, учительница эта – моя жена, так что считай вопрос решённым. Можешь даже что-то типа лекции о современной поэзии приготовить. У вас же наверняка встречи с писателями проходят. Не может быть, чтобы не проходили.

– Проходят. У нас даже Евгений Евтушенко бывал.

– Даже если ты не дашь им каких-то советов, а расскажешь только об этом, им будет интересно. У нас тут, сам понимаешь, всё только по телевизору. Знаешь, есть такой анекдот про ночные клубы. Шведы ходят в эти клубы и развлекаются по полной программе. В Польше компания собирается, чтобы послушать рассказ приятеля, который ездил в Швецию и ходил в такой клуб. У нас в СССР компания собирается, чтобы послушать рассказ туриста, который в Польше слышал про такие клубы. Вот и у нас тут в лучшем случае люди могли только слышать, что у вас в Москве знаменитые поэты выступают в университетских аудиториях.

На встречу в школе пригласили сразу два класса. Минут пятнадцать я не знал, что говорить, хотя накануне старательно подготовил целую речь. Я очень часто выступал на коллоквиумах, как называли семинары некоторые наши преподаватели, но делал это в своей аудитории, а здесь просто растерялся. Выручила учительница. Она предложила своим ученикам для более близкого знакомства почитать стихи собственного сочинения.

Как я и предполагал, это были полные любовных восторгов тексты, перемежаемые такими же беспомощно написанными рифмованными строчками о родном селе, о Родине, о маме.

Стараясь не обидеть выступавших, я всё же сказал, что учиться писать о любви к родине надо, например, у Николая Рубцова, о любви к избраннику – у Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Эдуарда Асадова, у Блока. А потом стала читать свои стихи скромная девочка, имя которой я не расслышал. И я сразу же узнал стихи из той самой тетради, что дал мне редактор.

Потом я провожал её до дома, а она, уже осмелев, читала мне свои сочинения. Потом мы встречались снова и снова, без умолку говорили обо всём на свете. Иногда она в конце рабочего дня забегала в редакцию, и мы засиживались допоздна, обсуждая стихи современных поэтов, которых много печаталось в разных журналах, разбирали её новые сочинения. Она хотела по-

ступать в Литературный институт и спрашивала, смогу ли я по выходным показывать ей Москву.

Мы даже не целовались, потому что я считал её совсем маленькой, но за неделю до окончания моей практики мы просто потеряли голову на продавленном редакционном диване. А на следующий вечер тихонечко пробрались на сеновал и занимались любовью на душистом сене, которое лезло под одежду, потом долго колосось и причиняло больше неудобств, чем удовольствия. Зато для меня это было чертовски романтично.

Романтика кончилась вместе с окончанием практики. А теперь, встретившись через четверть века, мы сидели, смотрели в окно на мелькающие мимо деревья и молчали.

Хорошо строить планы в сослагательном наклонении! Вот если бы это да если бы то... Но прошлое никогда не повторится, и никакие «если бы» не изменят того, что произошло. Я привык сам принимать решения, даже самые важные, поэтому сейчас меня злило то, что она не сообщила тогда мне о своей беременности. Я отдавал себе отчёт, что, скорее всего, всё было бы так, как произошло, ну, наверное, мой отец – человек добрый и честный – отправил бы её родителям какие-то деньги. Не исключаю, что он даже поехал бы сам извиняться за своего совершившего подлость сына.

Не знаю. Но теперь, когда я узнал о своём неблагоприятном поступке, меня начинала бесить злость на Владлену за то, что она ничего тогда мне не сообщила.

Мы очень долго молчали.

Потом я откашлялся и выдавил:

– Прости меня, Лада!

– Да что уж теперь...

– Помнишь, в той песне: «Хмуриться не надо, Лада! Для меня твой смех – награда, Лада. Даже если станешь бабушкой, всё равно ты будешь Ладушкой, для меня ты будешь Ладушкой, Лада».

– Думаю, мне уже недолго осталось до бабушки – вон какая красавица выросла, только жениха никак найти может. Наверное, на генетическом уровне мой страх передался.

– А он кто? Ну муж твой.

– А вам не всё равно? Замечательный человек. Ладушке год исполнился, когда мы познакомились, а уже через неделю он предложил выйти замуж. Так что Ладушка и не знает, что она ему не родная. Благодаря ему я окончила вечернюю школу, потом заочно – институт, преподаю в школе литературу и русский язык. И чувствую себя безмерно счастливой.

– Это хорошо... – сказал я и посмотрел на Владлену. Она по-прежнему глядела в окно...

* * *

– Знаете, а я ведь после вашего отъезда, когда поняла, что беременна, от позора даже подумывала под поезд броситься. Как Анна Каренина.

Она посмотрела мне прямо в глаза, от чего мне стало зябко, я опустил взгляд и сказал:

– С поэтессами такое случается. Слишком впечатлительные натуры.

– Вы всё такой же циничный...

– Даже хуже. Тогда я молодой был, а теперь в жизни всякого насмотрелся... Профессия испортила. Знаешь, как у хирурга. Если всё близко к сердцу принимать, сердца не хватит. Цинизм спасает.

– Неужели все журналисты такие?

– Нет. Но те, кто всё через сердце пропускает, быстро спиваются. А что касается самоубийства, то банально. Это раньше деревенская девушка влюбилась в богатого красавца, он её обманул, она в пруду утопилась, Карамзин написал «Бедную Лизу», на века история сохранилась, потому что, по сути, создал лучшее на то время произведение в жанре сентиментализма, да и случалось такое крайне редко, поскольку народ был верующий, а церковь отвергает самоубийство. Потом знатная замужняя дама влюбляется в офицера, уходит к нему от мужа, но жизнь не сложилась, и она бросилась под поезд. Лев Толстой, в роду которого были две аналогичные истории, описал эту и тоже на века вошёл с романом в историю. Просто тогда времена другие были. И влюблялись реже, и поезда раз в неделю ходили. – И я грустно усмехнулся.

В купе снова надолго воцарилось молчание.

Честное слово, мне не хотелось оставить о себе дурное впечатление, но, с другой стороны, мне, наверное, следовало казаться хуже, чем я есть на самом деле, чтобы она не жалела о прошлом. Хотя зачем ей жалеть, когда всё в жизни сложилось так чудесно?

Пришла Лада, молча села рядом с матерью.

– Ну как фильм? – спросила Владлена.

– Пока у меня в голове полный сумбур. Просто убивает обилие мата. Мы уже привыкли к тому, что матерятся все и везде, но когда это слышишь ещё и с экрана, вызывает омерзение. И потом: сплошная пьянка, нищета, коррупция, полная безысходность. Я думаю, от этой безысходности жена Николая изменяет ему с его лучшим другом, он тоже предаёт. Иногда хочется сказать, что это хорошо снятая гадость. Страшно. Особенно страшно на фоне разговора власти о духовных скрепах общества. В фильме власть – бандитская, церковь – лицемерная, семья – предательская. Абсолютно ничего святого и светлого. Роман, а вы смотрели?

Я молча кивнул головой.

– Вы со мной согласны?

– То, что вы сказали, – я назвал свою дочь на «вы», – это поверхностное восприятие картины. Да, сплошь мат, беспробудная пьянка, полная безысходность, но в фильме есть ещё и глубинный смысл. Просто над многим надо серьёзно задуматься. Мне кажется, именно этого и добивался Звягинцев, а не высших наград на Каннском фестивале. Хотя не исключаю, что ориентировался в первую очередь на западного зрителя, которого уже до оскомины накормили развлекательными фильмами. Вы извините, я выйду в коридор.

– Ладушка, дай-ка мне сумочку, – услышал я через неплотно прикрытую дверь купе. Потом послышался шелест фольги лекарственных упаковок.

– Мама, тебе плохо? – встревоженно спросила девушка.

– Нет, всё нормально. Сердце вот только что-то покалывает. Это, наверное, от духоты.

Через некоторое время девушка шёпотом спросила мать:

– Мама, вы с этим мужчиной были раньше знакомы?

– С чего ты взяла?

– Мама, я же не дура! Я тебя хорошо знаю. Давно поняла. Давай колись.

Женщина некоторое время молчала, потом выдавила:

– Ладушка, это твой отец.

Томительные минуты тишины, потом слышалось:

– Нет, мой папа ждёт нас дома, этого мужчину я не знаю.

– Конечно, ты права, доченька...

– Мама, может, тебе немного полежать? Нам ещё долго ехать.

– Да, наверное, – согласилась Владлена.

– Я тоже полежу, книжку почитаю.

Я ещё долго стоял в коридоре, потом нащупал в заднем кармане брюк деньги, отправился в вагон-ресторан, заказал салат и двести граммов водки. Народу почти не было, поэтому никто за мой столик не подсаживался, не мешая оставаться наедине со своими грустными мыслями. Симпатичная официантка пыталась

было заговорить, но, почувствовав, что я не настроен на флирт, удалилась в конец вагона болтать с напарницей.

Когда я вернулся в своё купе, женщины спали или делали вид, что заснули. Я лёг, не раздеваясь, и не заметил, как алкоголь затмил моё сознание, погрузив в глубокий сон.

Я проснулся от еле слышного шёпота. Женщины собирались к выходу.

– Я помогу, – вскочил я с полки.

– Не беспокойтесь, мы сами, – так же шёпотом ответила Владлена.

– Давайте, давайте...

Я аккуратно оттеснил Ладу, взялся за чемодан, вытащил его из углубления под полкой, покатил по коридору на выход, спустился с ним на перрон, протянул руку, чтобы помочь сойти идущей следом Владлене, но она сделала вид, что не заметила. Так же самостоятельно спустилась на землю и Лада, взяла у меня чемодан.

– Спасибо!

Они пошли вдоль состава в сторону небольшого здания станции. И некоторая не оглянулась в мою сторону.

Леонид ИВАНОВ

Владимир ШУГЛЯ

Владимир Фёдорович Шугля, автор многих поэтических сборников, Почётный генеральный консул Республики Беларусь в России, живёт в Тюмени, но корнями связан с Беларусью. Его стихи опубликованы в журналах «Современник» и «Молодая гвардия», «Великороссь» и «Русский крест», «Неман» и «Немига литературная», «Невский альманах», «Югра» и других. Многие поэтические произведения стали песнями. Издан ряд книг лирики... Член Союза писателей Союзного государства России и Беларуси, Союза писателей Беларуси, Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, является лауреатом республиканской премии «Лучшая книга года» (Беларусь, 2013), ряда литературных премий России, награждён орденом Дружбы (Россия), медалью и орденом Франциска Скорины.

* * *

*Узнаю тебя, жизнь!
Принимаю!*

А. Блок

О мечта! Далек ты за краем,
Где рассветных трудов благодать...
Я твою высоту принимаю
И безмерную звёздную гладь.

На земле я ищу к ним дорогу,
Хоть навстречу порою беда.
Но с небес мне приходит подмога,
И минует земная вражда.

...Вновь в раздумьях бессонные ночи,
И распахнуты в небо врата,
У души открываются очи...
И уже достижима мечта...

* * *

Как пролетело быстро лето,
В багрянец день листву одел
И утра песней недопетой
На небо в синеву взлетел.

Душа за ним в небес пределы
Незримо мчится в два крыла,

И вот уже невестой в белом
Кружит средь звёзд, забыв дела...

Но всё ж летит она обратно
(Быть долго зябко ей средь звёзд),
К земле, где песнь звучит раскатно,
Где рощи русские берёз...

* * *

*Не плоть, а дух
растлился в наши дни.
Ф. Тютчев*

Наш век похож на рынок,
Где торг бурлит обманом,
Толкучий поединок
Добра и злобы рьяной.

И правда в нём немеет,
Ворьё в карманах шарит,
И души каменеют
В стяжательства угаре.

...Кружит с обманом вместе
Дух зла во лжи тумане,
И мало тех, кто честен, –
Владеющих деньгами...

Ольга ГУЛЬТЯЕВА

Ольга Николаевна Гультяева родилась в г. Новосибирске, в 1988 году окончила Новосибирский технический университет, работала инженером-конструктором на Ишимском машиностроительном заводе, затем старшим преподавателем кафедры общетехнических дисциплин Ишимского педагогического института им. П. П. Ершова. Стихи начала писать в 2011 году. В 2015 году окончила магистратуру Тюменского государственного университета (Ишимский филиал) по направлению «Историческая культурология». Автор трёх поэтических сборников: «Мне осень счастье обещала», «Крылья», «Осенизмы», автор и редактор-составитель художественно-публицистического сборника «Ишим – Сурувикино: дорогами памяти». С 2017 года – член Союза писателей России. Живёт в г. Ишиме.

Время признать

ВРЕМЯ ПРИЗНАТЬ

Время молиться и время – молить,
Время прощаться и время – прощать...
Рвётся отчаянно-тонкая нить,
Камень вдогонку пускает праща.

Время забыть и время – забыть,
К людям спускаться, обиды спускать...
Только невняты в потёмках мольбы,
Но оглушительна ясность курка.

И – возноситься, но всё ж – возносить,
Вновь возвращаться, опять – возвращать...
В городе воздух с утра моросист,
И не спасают объятя плаща.

А под плащом – вдохновен и двукрыл,
Хмарь пробивая, слепит белизна...
Время укрыться и Землю укрыть.
Время – признаться. И время – признать.

ПРОСНУЛСЯ ГОРОД

Не вовремя проснулся город...
Я – мимо шла, я – забывала,
На душу опустив забрало,
Я осторожно миновала
Всех, кто когда-то был мне дорог...
Не вовремя проснулся город.

Всё – мимо: радости, печали...
Неловко шлёпая босыми
Ногами по камням, по грязи,
Следов не замечая вязи,
Я забывала даже – имя...
И бесконечными ночами –
Всё мимо: радости, печали...

Я шла, неся уснувший разум...
Но вдруг проснулся суматошный,
В бетоне распахнув окошки,
Нелепый город. И подвздошно
Я ощутила это сразу...
Хоть шла, неся уснувший разум.

И над бульжной мостовою
 Чуть видно, робко, отрешённо
 Скользнул рассветом луч зажжённый,
 И светофор мигнул зелёным...
 Как будто брызнули живою
 Прозрачной талою водою
 По-над бульжной мостовою.

Я не дошла до невозврата...
 Так вовремя проснулся город,
 Лучами ранними распорот.
 И отпустил забвенья холод,
 И отодвинулась расплата –
 Я не дошла до невозврата.

ЛИСТОПАД

Это – новый листопад?
 Или – старый, очень старый?
 В час затепленных лампад
 Дремлет домик обветшалый.
 У задумчивых икон
 Ты склонилась одиноко,
 Осень выставив на кон
 Против опустевших окон.
 Непророненной слезы
 След невидимый на лице.
 Небо рушится в разрыв,
 Заходясь в беззвучном крике.
 Полустёршиеся дни,
 Растрепавшиеся листья –
 Может, смысл только в них,
 В них, пресытившихся высью?
 Опадает старый клён,
 В никуда ссылая годы.
 С опечаленных икон
 Взгляды неподкупно-строги.
 Словно смотрят сквозь тебя
 В вечность. Или даже дальше.
 Не об осени скорбя –
 О бездушии и фальши.
 Догорающих лампад
 Перешётыванья ломки.
 А за дверью – листопад
 Мир укутывает тонкий.

ОПУСТЕВШИЕ ИМЕНА

*От исчезнувших вещей
 остаются пустые имена.
 (Бернард Морланский, XII в.)*

Мы исчезнем в потоке, останется только звук
 Опустевших имён, не нашедших себе приюта.
 В разорённых домах все углы заплетёт паук
 Липкой сетью времён – тихим реквиемом
 кому-то.

Мы исчезнем внезапно, как будто погасят свет
 В гулком зале театра с холодной истёртой сценой.
 Обещай, мой неведомый... нет, лучше дай обет:
 Не тревожить мне душу обмана стрельбой
 прицельной.

И в оставленных нами бессмысленных именах
 Затухающим эхом бессильно забьются звуки –
 В неизбывной надежде – оставить свой след
 в веках...
 Так в углах, в паутине, отчаянно бьются мухи.

ОСЕНЬ, ТЫ НЕ ПРАВА

Под бречанье гитары
 Листьев слышится вздох,
 Дворник пьяный и старый
 В парке мусор поджёт.
 И бурчаньем нескладным
 Треск огня перекрывает,
 Он в листочек тетрадный
 Отсыпает махры.
 Три аккорда – три жизни,
 Самокрутка – взятая...
 С тротуаров отчизны
 Листья хмуро метая,
 Дворник сплюнет беззлобно
 И тихонько вздохнёт,
 На пригорке на лобном
 Осень спишет в расход.
 На тетрадном листочке
 Горько тлеют слова –
 Остаются лишь точки:
 «Осень, ты не права...»

ПУТЬ АЛЕКСАНДРА

Я сам себе не поверил, когда мне это взбрело в голову: Россия – изначально! – от Тихого океана до Атлантического. Изначально. В Божьем помысле, в Божественном замысле, в небесной идее России.

Вовсе не по Ломоносову – России «прирастать» Сибирью и Сибирской Арктикой. Не прирастать. Азиатская Сибирь – Азиатская Россия изначально. Восточная Россия. Западная – Московское царство, прежде: Киевская Русь. Они – Запад и Восток России – не отдельно, они сразу – вместе, единое целое, будущая Российская империя. Никаких механических прирастаний. Ментально – в Божьем промысле.

Я сам понимал, что это – мозговые заморочки, умствования на запоздалое неприятие расхожего: Сибирь как колония. Чего-то не хватало. Зияющие пустоты в словесных размышлениях.

И тут мне помог, пришёл на выручку Александр Невский. Уже в его время, в XIII веке, Сибирь и русские княжества в Европе существовали в едином государстве

Путешествие Александра Невского в Каракорум. «Русский улус», «Славянский улус» Великой Империи, где не просто ментально, а фактически существовало общее государство.

Со столицей – Каракорум.

Мы воспитаны в каноне: татаро-монгольское иго – беда Руси. Однозначно. Подлинная достоверность – крамола. Ересь.

Довлеет.

Но кто усомнится в святом и благоверном?

СТРАСТНЫЙ ПУТЬ

Александр Невский. Безусловное и безупречное «лицо России». Главный национальный герой. Родоначальник современной России. Русский лидер безупречной репутации.

Неоспоримо. Государственный муж. Государственный мудрец.

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

Известный русский писатель, журналист, краевед, автор десятков книг, документальных и телевизионных фильмов. Действительный член (академик) нескольких академий. Окончил Томский государственный университет, много лет работал на Тюменском Севере, более четверти века возглавлял ГТРК «Регион-Тюмень». Лауреат многих литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Почётный гражданин Тюменской области. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Живёт в Тюмени.

Конечно, я помнил, что великий князь Новгородский Александр добирался и до моей родной Сибири, совершил государственное путешествие аж до самого Каракорума.

Но это мельком, мимоходом – советские историки ни своё, ни моё внимание не заостряли и на азиатских маршрутах Александра Невского не акцентировались.

Зачем на другой край света в 1246 году ехал молодой победитель беспощадных тевтонов Александр?

Он же не просто немецких псов-рыцарей разбил: европейскую агрессивную орду. А едет в Каракорум – столицу мировой Орды Чингисхана и его наследников. Князь только что похоронил отца, нашедшего свою смерть в Золотой Орде. И вернётся ли сам живым из Каракорума – ни ему самому и никому не ведомо.

Но чтобы править на родине – в Новгороде Великом, – он должен получить «небесный ярлык» в Каракоруме.

С лишком три года будет длиться этот азиатский маршрут будущего великого князя. Александр получит «небесный ярлык» на княжение. Да, это не вполне европейские традиции – это геополитические восточные премудрости и благословение азиатского Неба на власть.

Что демонстрирует этот дальновидный, но трудный шаг Невского? Неизбежность? Покорность? Смирение? Слабость?

Я хочу понять его логику, вникнуть в его мышление. Его собственную прозорливую, дальновидную, перспективную логику. Летописцы и историки, пожалуй, простят великому государственному мужу эту вынужденную покорность. Интерпретаторы простят, но не примут. Негоже русскому государю унижаться даже перед Владыкой Вселенной ради мандата Неба. Лучше забыть, запомнить, представить мелкой случайностью, временной слабостью великого лидера.

Но сам-то Александр Невский? Он что – топтал собственную гордость? Великую русскую гордость? Княжеское достоинство?

Но если понять логику князя Александра – рано или поздно поймёшь и логику развития России.

Александр получал азиатский мандат на власть в Новгороде Великом. Но не только. Русь,

становясь азиатской страной, в будущем получила мандат на Российскую империю на двух континентах – в Европе и Азии. Дальновидно и через века смотрел на судьбу своей родины этот молодой ещё человек. Мудрость выше гордыни. Мудрость – высшая гордость.

Я – азиат в первом поколении, но на судьбу своей страны смотрю именно из Азии – Российской Азии.

Государственный подвиг – это мудрость.

Русь с Сибирью, Сибирь с Русью началась именно при Александре Русском, в далёком XIII веке, после его трансконтинентального путешествия – государственного визита за «небесным ярлыком».

А царь Иван Грозный, присвоив к Московскому царству ханства Казанское и Астраханское, а также добровольно примкнувшее Сибирское, продолжит традицию великих азиатских империй – дарованную по «небесному мандату» власть.

Я ещё сам не привык к собственной мысли: Россия ментально, в Божественном замысле изначально и сразу замысливалась как единое целое меж трёх океанов, от Великого до Атлантики и океана Северного полюса. Творец – не учитель географии и, пожалуй, не знал имён континентов, ни Европы, ни Азии. Россию он замыслил как единый континент, это уже потом дотошные административные географы начнут рисовать границы.

И для нас сейчас совершенно ясно: Провиденье вело под уздцы коня всадника Александра – с него исторически начинается Россия в Сибири.

Страстный путь. Крестный путь.

Русское солнце восходит над Тихим океаном. Великий русский всадник, стремящийся к солнцу Русского Востока.

Не страшно ли мне самому? По правде – страшновато. Александр Невский и для меня – пример державной гордости. А это же надо усомниться во всех его достоинствах. На поклон – к врагу, к захватчику, нечестивому.

Скажем, Александр на коленях ползёт к Наполеону, посыпав голову пеплом горячей Москвы...

Так нас учили...

Где ж она, гордость первых великороссов?

Но если войти в логику молодого русского князя, осознается, не сразу, но осознается: не учили, а придумывали. Изобретали. Визит в Каракорум совсем уж не замалчивался, а пропущен – досадная мелочь. Если не простить – то не заметить.

Русские летописи, неумеренно восхвалявшие все деяния досточтимого князя, обошлись лаконично осторожным: «...ходи Св. Александр в Канович». (Канович – в церковнославянской огласовке Каракорум – ставка великого Каана.)

Без комментариев. No comment.

И это – всё: об этапном событии, может быть – главном событии изначальной единой, евроазиатской истории России.

О Божьем замысле России.

Было? Было.

Тем хуже для этого «было».

Поздняя советская энциклопедия – Большая! – скрепя сердце признавала: «Умелой политикой А.Н. ослабил тяготы монголо-татарского ига».

Помнится, мой добрый знакомец великий академик сибирской археологии Анатолий Деревянко кого-то из популярных коллег приговорил: «Врёт как летописец».

ПОПРАНИЕ АЛЕКСАНДРА

Помните победителя великого Наполеона? Сразу затруднитесь? Фельдмаршал Кутузов? Старостиха Василиса? Партизаны Дениса Давыдова? Русский народ?

Явно имя императора Александра I первым в голову не придёт.

Как? Властитель слабый и лукавый?

Да, большие войны выигрывают народы, но всегда впереди стоит имя государя этого народа – организатора победы. Александр Первый – бесспорный и несомненный победитель жалкого полководца и императора французов Наполеона Бонапарта. С десятков лет после этой великой русской Победы никто не оспаривал безупречную освободительную кампанию Александра Благословенного. В те годы Россия, может быть, единственный раз в своей истории полноправно главенствовала в Европе. Но когда Европа смирилась со своим поражением? Проиграв войну, она

вырвала победу. Какие страшные метаморфозы произошли! В русском сознании. Мы с нескрываемым уважением относимся к императору французов – жалкому пораженцу Наполеону – губителю собственного народа в первую очередь. Признаём его юридические и государственные заслуги, переживаем его трагический финал, ценим французский шарм и корсиканскую любвеобильность. Не первый европейский фашист, а очаровашка глейбой. Рыцарь Почётного легиона. Герой поколений.

А что наш доблестный Александр Победитель?

А что? Да ничего!

В русском восприятии безукоризненный победитель первой европейской орды – в лучшем случае проходная фигура, едва ли не отцеубийца, лукавый властитель, не угодивший самому Пушкину, странный мистический старец. (Хотя мне чрезвычайно импонирует, что именно в Сибири искал и нашёл спасение старец Фёдор). Любая другая страна гордилась бы Лидером, возглавившим свой народ в священной Отечественной войне и победившим в ней. Император русских добил врага-противника, как станут говорить позже, «в его логове», на парижском Монмартре, но проявил всё русское великодушие и джентльменство, не виданное в Европе.

А участь незавидная.

Чего достоин народ, не чтящий своего великого победителя?

О такой народ обязательно – немного погудя – вытрут ноги. Если можно унижить непобедимого лидера – ничего не стоит унижить и его непобеждённый народ. Народ, не уважающий героических лидеров.

Дело Наполеона живёт и процветает за счёт самоунижения нас, теряющих национальное достоинство и гордость. Горько.

Среди русских императоров разве ещё есть подобный Александру Победителю? Даже высокочтимый Пётр Великий не наберёт и толики достоинств Александра Благословенного. Победитель Европы, повелитель Европы. Первый в Европе. Государь, спасший свой народ в Отечестве.

Европа такого, понятно, не простит. Но почему мы-то – вслед за Европой?

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

Русь беспределная

ЧАСТЬ 1

Вы слышали эхо столетий?..

Анатолий КОНДАУРОВ

Родился в 1941 году в селе Чистоозерное Новосибирской области. Жил в Новосибирске, Средней Азии, Красноярском крае. По образованию – юрист. Служил в уголовном розыске, начальником Пуровского и Тобольского ОВД Тюменской области. Далее – адвокатура. Затем 17 лет был штатным охотником-промысловиком, живя в глухой тайге (лицензированное одиночество). Попутно стал палеонтологом (имеет лично собранную коллекцию палеонтологического материала мамонтовой фауны, насчитывающую более 500 экземпляров) и фотографом (три персональных фотовыставки). Богатая биография и талант рассказчика побудили взяться за перо и бумагу. Анатолий Кондауров – автор нескольких книг «охотничьей» прозы, готовится к изданию и поэтический сборник. Печатался в газетах, журналах: «Уральский следопыт», «Врата Сибири», «Огни Кузбасса», «Град Тобольск», «Охота и охотничье хозяйство», «Тюменская область сегодня». Живёт в Тобольске Тюменской области.

Пугали нелюдью в Сибири:
 Нет ни ушей, ни головы.
 И рты у них между плечами,
 И очи где-то на груди.
 Как будто эти чуди ночью
 Крючём ловили карыша,
 Где воды мутного Тобола
 Темнили лоно Иртыша.
 Да сказки – страх для слабонервных;
 Не для нагрывших с равнин!
 Здесь жил остяк самозабвенный,
 Таёжных дебрей верный сын...
 Напали тюрки, и остяк
 Бежал в урман от пепелища,
 Где от заточенной стрелы
 Спасали стены городища...
 Недолго знамя тайбугинов
 Трепало ветром над рекой!
 Разбито войско Едигера,
 Убит он ханскою рукой –
 Кучум, бухарец вероломный,
 Взошёл в Искере на престол!
 ...Но где-то струги Ермаковы
 На реки вышли, на простор.
 Ермак не медлил – с ходу в бой!
 «Да с нами Бог! Даёшь, ребята!»
 И навалилися гурьбой,
 Как супостат на супостата.
 Казак-разбойник, щеря зуб,
 Он жертву выбрал на покой.
 Взлетел кистень над головой –
 И рухнул воин бездыханно.
 «За Русь! За батюшку царя!
 И за казачию вольницу!
 Врагов кромсали почём зря,

Сводило судорогой десницу.
 Вогнал своих – в тела врагов
 Поток стремительно-навальный,
 И храп коней, и пота вонь,
 И звук железа погребальный...
 Ещё парила чья-то кровь,
 Ещё саднила чья-то рана...
 Чувашский мыс насквозь пробит
 Казачьим стругом атамана.
 Ермак, завидя вражьи спины,
 Их оставляя на потом,
 Клинок – в ножны – по рукоятку!..
 И осенил себя крестом...
 ...Так сотни лет и лихолетий
 Кресты ложились на грудь,
 И означались на могилах,
 И, возвеличивая Русь,
 Тянулись скопом на макушки
 Церквей. То значило – межа!
 Граница русского начала.
 Форпост, опора на века!
 Исчез Ермак в небытие –
 Стрелы летящее мгновенье.
 Кем был разбойный атаман?
 Остались праздные сомненья.
 В свой дом пришед издалека,
 Судьбой был выбран на закланье,
 Живым оставшись навсегда
 В легендах, сказах и преданьях.
 Искер не терпит постоянства.
 Престол как лакомая кость.
 Грызутся бойко за наживу,
 И роковая губит власть –
 Всех: и татар, и шейбанидов!..
 Напомнил им отряд Чулкова,
 Что к ним, под ханскую столицу,
 Вернулось эхо Ермаково...
 Костры горели денно, ночью,
 К воде спускался серый смог.
 А к «велице горе Алфейской»
 Тягали брёвна на острог.
 Эх, и лиха беда начало!..
 Тащили всё, что попадало:
 В подолах – глину для чувала,
 Со стругов: плахи кремлевые,
 Сиделки толстые, резные,
 Борта, креплённые «внакрой».

Чумашки с жидкою смолой,
 Кручённый елкой мох лесной.
 На палец – пятку топора.
 Взмахнул стрелец – железа блеск!
 Так вот как город зачинался,
 Сибирский город Тоболеск!

ЧАСТЬ 2

Я в городе твоём, Тобольск!

Спугнуть боюсь величие твоё –
 Тобольск, восславленный стихами!
 Как тать, по площади крадусь,
 Забитой пёстрыми ларьками...
 Уложен камень в громожденье
 Церквей... Щербатая брусчатка.
 Для ограждения людей –
 Штрихом – железная оградка.
 Собор Софийский, пятиглавый,
 Крестами целит в небеса.
 А я – внизу и слышу явно
 Людей ушедших голоса.
 На стенах – седина столетий,
 Как нервы – ржавые болты.
 Взывают к нам из-под асфальта
 Тропинок древние следы...
 Сюда стекался разный люд.
 Когда звенел на весь окрест,
 Вселяя трепет в чьи-то души,
 На праздник – громкий благовест.
 ...Дырой тарашится бойница
 С округлой башни на стене:
 Но нет уж воинов – поныне,
 Да и угрозы нет извне.
 Мне – по Пря姆斯кому, на Курдюмку –
 На нижний города посад:
 Хочу попасть в лабазный ряд,
 Купцы где бьются о заклад:
 Кому в биндюжном кабаке,
 Отбросив честь, не лень
 Поставить на кон трёх девиц
 И проиграть в простую зернь...
 Град мастеров и подмастерьев!
 Умельцев – тыщи! На слуху:
 В ушко иголки пролезали,
 Блоху ковали на скаку!

Не бог – людское наказание!
И не спасался даже дьяк.
Свистела плеть, и вместе с кожей
Суконный лопался армяк.
Одних пороли за проступки,
Других – авансом, наперёд,
Ведь к воровству и лихоимству
Особо склонен был народ.
Горел расхристанный Тобольск
В девятый раз – неудержимо,
И не могла его спасти
Неопалимая Купина.
...Черно в обугленности улиц,
На пепелище ветра вой.
А люди, сгорбившись, уныло
Землянки рыли под горой.
Беда к беде: река, бывало,
Вспухала выше берегов,
Тогда торчали только трубы
В живых оставшихся домов.
...Покойно было в удаленье,
Где отпевали мертвяков.
Туда свозили постепенно
Все поколения веков.
Здесь упокоились навечно:
Остяк с проломленной башкой,
Кандальный люд – в одной могиле,
Казак, простреленный стрелой.
Поэт опальный Кюхельбекер,
И дивный сказочник Ершов,
И швед, пленённый под Полтавой,
И похороненный со славой
Афганец Фёдор Пирогов...
Приметы времени попутав,
Не знаю, что сказать тебе –
Где старый город, где младой:
Острог Чулкова на горе,
Где повивальной древней бабкой
Данила избран был судьбой?
Или «Жемчужина Сибири»,
Что, как на выданье невеста,
Своей сияет красотой,
Стоя на том же самом месте,
Где бурундук таскал орешки,
Раздувшись жёлтою щекой?..
Натёртый щётками асфальт,
Скульптуры бронзовых химер...

Дымы промышленных гигантов
Сдувает ветром на Искер...
Как чудно всё переменялось!
Теперь порядки уж не те!
Скорей к Кучуму ты попал бы,
Чем к городскому голове...
Смотрю, как город засыпает:
«Аптека. Улица. Фонарь».
Не лают бешено собаки,
И не пахнёт дымком, как встарь!
И только небо неизменно!!!
...Увидев павшую звезду,
Бард проиграет семиструнно
Поэта новую строку.

По чьей-то прихоти, маня,
Последней ночью января
Вдруг кто-то тронет чью-то ветвь
С прогибом, до земли, как плеть;
И лепестками белых роз
Седой разлапистый мороз
Раскинет семенами снег.
И прорастут они весной
Зелёной пышною травой
Пусть каждый год и каждый век...

Антонина МАРКОВА

Антонина Юрьевна Маркова родилась в 1959 году в Иркутской области. С 1977 года живёт в Тюмени, по образованию – филолог, окончила Тюменский государственный университет, работает библиотекарем в Литературно-краеведческом центре. Поэт. Член Союза писателей России. Автор пяти книг. Более 20 лет руководит детской авторской студией «Верешок», один из кураторов культурно-просветительского проекта «Литературный лицей».

В СРОСТКАХ

Ну здравствуй, Василий Макарович!

Свиделись вот...

Я долго к тебе добиралась сквозь годы и годы.

Присяду с тобой на яру. Солнце спину печёт.

А взгляд упивается хмелем

алтайской природы.

Вот там, под горой, на которой любил

ты сидеть,

Раскинулись Сростки – селенье твоё родовое.

А краем земли, если дальше и дальше

смотреть,

Всё горы и горы скрепились в кольцо голубое.

Внизу кушаком бирюзовым святая Катунь

Несёт отражение времени, гор и преданий.

И осень нежданная плавит в урманах латунь

И душу калиново-красным томит завещаньем...

* * *

Задумчив дождь, неспешен, молчалив,

Неразличим на фоне законном.

Но знают листья, жажду утолив

В его покое, нежном и бездонном,

И благодать его, и тишину,

И влажность переменчивых касаний.
И вязнут мысли у дождя в плену,
И тают на границе с засыпаньем...
Сквозь дрему слышен только редкий стук
Тяжёлой капли, что скатилась с крыши
На тонкие перила. Этот звук
Как будто бы случайно мной услышан...
И подступившим сумеркам легко
В его неосязаемость поверить.
А я, отбросив пути пустыяков,
В дождливый сад распахиваю двери.

МОЁ ЗОЛОТОЕ ОКНО...

Моё золотое окно в уходящую осень –
Там свет на берёзе созрел, и листва облетает,
И краски заката медового медленно тают,
И маятник сердца продрогший
почти безголосен.

В окне моём утренний ветер меняет картинки –
То мягко струятся в проём восковые монеты,
А то потемнеет почти до янтарного цвета,
И дождь зашумит за стеклом
озорным невидимкой.

Опять замечаю, как медлит песочное время,
Чтоб птиц запоздавших сманила
последняя стая,
Чтоб выстыть успела небесная твердь и земная
И вновь приняла невесомое снежное бремя.

Подолгу стою у окна своего золотого,
Чтоб вновь засветилось в душе
несказанное слово...

УЖЕ ПОЧТИ ЗИМА

Уже почти зима. И тонкий снег
Пригрелся на ладонях у газонов.
Лист облетел. И светел по сезону
Пустых ветвей проветренный ковчег.

Всё замерло. Засеребрились сны
В покое трав, примятых холодами.
И облака седыми бородами
Укутали округу до весны.

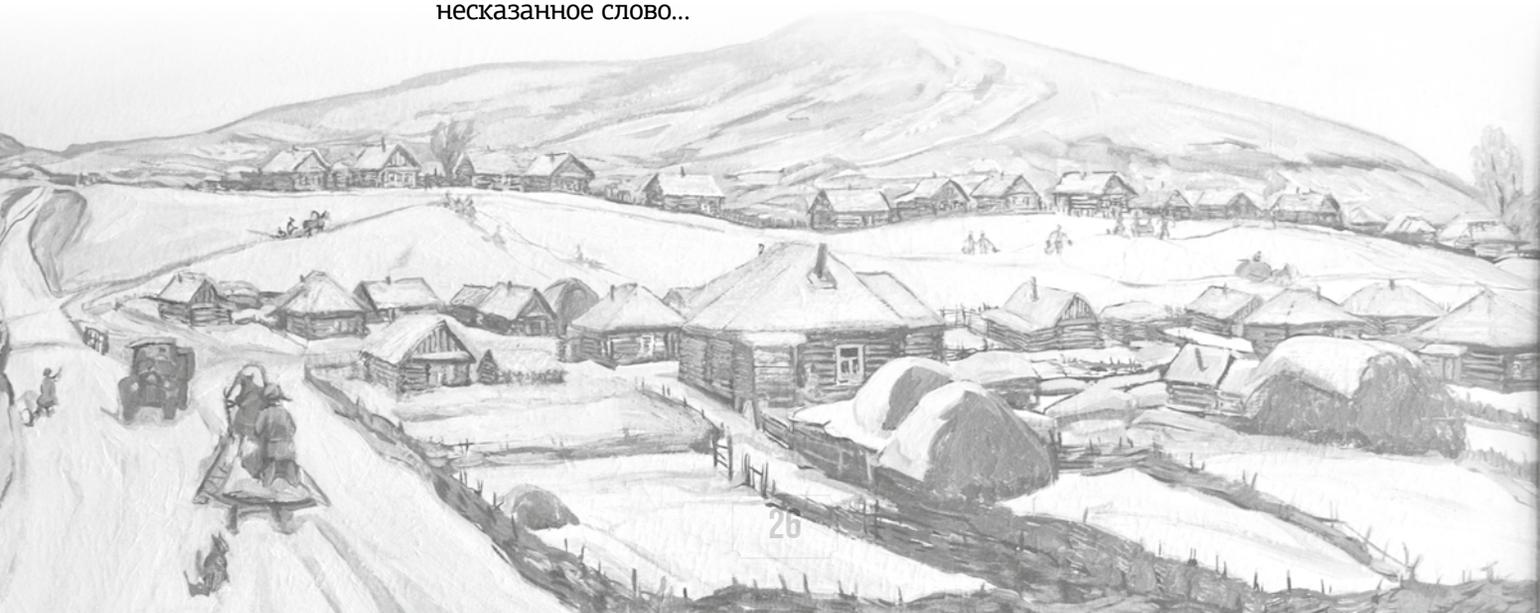
В аллее – тишина. Лишь по губам
Молитвенный мотив узнать возможно.
И даже шелест крыльев осторожных
В той немоте дробится по слогам.

* * *

В приствольных чашах – талая вода
И отраженье неба с облаками.
На спинах у сугробов корка льда
Прозрачными сияет кружевами.

Под водостоком – ледяной чертог,
Что сотворён причудами капели.
Невидимой певуньи голосок
Очищен в водах мартовской купели.

И радости моей предела нет –
Рассыпана на солнечные блики,
Заполнила собой весь белый свет,
Весь необъятный мир Весны Великой!

Ольга ОЖГИБЕСОВА

Поэт, прозаик, член Союза писателей России. Автор более десяти книг стихов и прозы. Лауреат и дипломант ряда международных, все-российских и региональных литературных и журналистских конкурсов.

СНЕГ

Снег. И утро подёрнуто
Серой нестираной бязью.
Снег хрустит под ногами,
Как будто разбито стекло.
Пишут птицы посланья –
На белом корявою вязью,
Что – зима, и для радости
Время уже истекло.
Снег. По-детски застенчиво
Прячутся в шарфики лица.
Снег – из хлябей небесных,
Космических тёмных глубин.
И последнею вспышкой,
Как губы замёрзшей блудницы,
Догорают в сугробах
Багровые грозди рябин.
Время думать о жизни,
О судьбах бескрайней Вселенной...
Но, постичь не умея
Такой небывалый масштаб,
Веселятся мальчишки
И скачут в снегу по колено,
Строят снежные горки
И лепят задумчивых баб.

Хочется Жить

ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

Время, нас не жалея,
Свои расставляет отметки.
Каждой шельме:
Кому – по инсульту, кому – по инфаркту.
Вот сижу, вспоминаю:
Пила ли я утром таблетки?
Слишком много сегодня
Поставлено мною на карту.
Я умом понимаю,
Что всё в этом мире – не вечно.
Жизнь похожа
На чьей-то рукою раскрученный глобус.
И в назначенный час
Подберёт и меня на конечной
Остановке последний,
В гараж уходящий автобус.
Будут в окнах мелькать,
Словно слайды, любимые лица.
Как немое кино,
Где ни смеха не слышно, ни речи.
Хорошо, если мне
Напоследок позволят проститься.
Только жаль, что уже
Не сказать, как обычно: «До встречи!»
Что-то я не о том!
Я ж хотела шутить про таблетки!
Мол, у нас медицина
В другую эпоху шагнула...
Ах, как хочется жить!..

Зеленеют озябшие ветки,
И сквозь щели окна
Так настырно весной потянуло...

*Всем исчезнувшим с лица
земли деревням посвящается...*

ДЕРЕВНЯ

Я думала, что ты жива,
Моя далёкая деревня...
Но в пояс выросла трава,
Согнуло временем деревья.
И нет ни эха, ни следа
В нетронутой дорожной пыли,
Как будто люди никогда
Ещё сюда не приходили.

И где искать его, тот след?
Растаял, словно снег вчерашний.
Здесь дом стоял, где жил мой дед,
Обычный сын сохи и пашни.

Он верил, что живёт не зря...
Как все, двадцатым веком болен,
Кричал: «Долой! Долой царя!»
И рушил главы колоколен.

Он свято верил: день придёт –
Свободный, сытый и счастливый...
Но кровью обернулся пот,
Пролитый им на хлебной ниве.

И нет ни дома, ни плетня.
Не слышно голосов и песен.
Давно разъехалась родня
По дальним городам и весям.

Могилы заросли травой,
Корнями сосен стали кости.
Я – с непокрытой головой
В деревне, словно на погосте...

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

Не война и не голод,
А деревни пусты...
В щели сгнившего пола
Прорастают кусты.

Перечёркнуты окна.
От дождя, как от слёз,
Стены ветхие мокнут
Под рыдания гроз.
Дверь – зияющей раной,
И никто не войдёт.
Зарастает бурьяном
У реки огород.
На забытых погостах –
Молчаливая стынь.
Чернью, словно коростой,
Затянуло кресты.
А в церквушке разбитой –
Запустенье и тлен...
Лики светлые смыты
Непогодой со стен.
На церковном пороге
Поднялась лебеда.
И на старой дороге –
Ни следа, ни следа...

ВОЗВРАЩЕНИЕ С КРЕСТНОГО ХОДА

Обратный путь всегда короче...
Вперёд – и с Богом, не боясь.
Шагал в промокнутой рясе отче,
Меся ногами бодро грязь.
Он только отслужил молебен,
Как раз меж двух дождей успев.
...Черно теснились тучи в небе,
Грозя излить на землю гнев.
Кричали радостно пичужки,
Едва роняло солнце свет.
И из последних сил старушки
За батюшкой спешили вслед.
Но небо рухнуло стотонно...
И, слепо двигаясь вперёд,
Нет, не себя – они иконы
Спасали от безумных вод.
Дождь разошёлся, громогласен,
По лицам и ногам хлестал,
Но, как за полководцем в рясе,
Шагала армия Христа.
Свой путь для каждого отмерян.
Греховный, праведный, но – свой.
Но этой непонятной вере
Я всё ж завидую порой.

Тоска по зиме

Часовня

Тихий шёпот шуги

Купальня в Верх-Марках

Мойдодыр на пенсии

Сельская улочка

Фото
Наталии Барановой

ЕРШОВ НУЖЕН РОССИИ

ГОРОД ИШИМ – РОДИНА ВЕЛИКОГО СКАЗОЧНИКА, АВТОРА «КОНЬКА-ГОРБУНКА» ПЕТРА ПАВЛОВИЧА ЕРШОВА. ЗДЕСЬ ЕЖЕГОДНО УЖЕ МНОГО ЛЕТ ВРУЧАЕТСЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМЕНИ ЕРШОВА.

1

История премии началась весной 2003 года. В Ишиме проходило совещание молодых писателей под эгидой Союза писателей России. И надо же было такому случиться, что первый секретарь писательской организации Геннадий Иванов оказался в экскурсионном автобусе, который сопровождала Надежда Проскурякова, тогда ещё старший научный сотрудник краеведческого музея, а сегодня директор музея имени П. П. Ершова.

– Это была судьба! – вспоминает Надежда Леонидовна. – Три часа я рассказывала им о городе, его истории, ездили в Ершово, на Ишимские увалы... Познакомила с историей Прасковьи Луполовой. Иванов тогда сказал,

что для него открылся новый город – Ишим. И предложил учредить литературную премию им. П. П. Ершова. Как только у нас открылся музей сказочника, я позвонила Геннадию Викторовичу и напомнила об этом предложении.

Когда всё начиналось, никто и подумать не мог о том, что Литературная премия им. П. П. Ершова станет отнюдь не местечковым и даже не региональным, а уже международным культурным событием, перешагнёт десятилетний юбилей, соберёт вокруг себя сотни людей и даст путёвку в жизнь многим и многим сказкам и произведениям для детей.

– Ишимская «фишка» премии – её «сказочность», – говорит Геннадий Иванов, первый секретарь Союза писателей России. – К сказкам у нас в стране отношение ироничное – мол,

это не настоящая литература. Ишимцы переломили ситуацию: теперь сказки в почёте. Но самое главное достижение в том, что авторы сказок для детей поверили: их замечают и обязательно отмечают, если их книги того стоят.

О том, что премия вручается за творчество, а не по конъюнктурным, политическим или иным соображениям, как это часто бывает, говорит состав лауреатов уже «первого созыва»: первую премию получил 70-летний сказочник из Ростовской области Юрий Харламов; вторую – писатель, поэт, редактор издательства из Махачкалы Шамиль Казиев, представивший на конкурс сказку «Конёк-Горбунок» в переводе на табасаранский язык. И третья премия была вручена Светлане Асламовой, главному редактору детского журнала «Сибирячок» из Иркутска.

На первый конкурс поступило около 700 работ, на второй – около 600. В последние годы количество участников стало более-менее «устойчивым» – 360–380 человек. Но и это, согласитесь, немало.

– Больше всего приходит книг, которые детей воспитывают, помогают познавать мир, познавать, что такое добро, что такое зло, – говорит Геннадий Иванов, бессменный глава сурового жюри. – Поэтому наш конкурс – один из самых полезных. Есть детские писатели, которые работают на коммерцию, на себя,

на Запад. Наша задача – находить авторов, которые помогают детям вырасти нормальными людьми. И мы неплохо выполняем эту работу. Очень много книг оригинальных, очень много сказок оригинальных, хотя много и подражаний – Пушкину, тому же Ершову. Если в первые годы известные авторы не удостоивали наш конкурс своим вниманием, то сейчас ситуация изменилась. Они поняли, что это серьёзный конкурс, и стали принимать в нём участие. А это повышает его статус.

География конкурса впечатляет: Хабаровск, Магадан, Уфа, Набережные Челны, Липецк, Омск, Москва, Санкт-Петербург, Кипр, Аргентина, Дагестан, Беларусь, Архангельск... Уф-ф-ф-ф... Список неокончательный.

Среди гостей премии – известный московский журналист Василий Песков (к сожалению, ныне покойный), режиссёр-документалист из Санкт-Петербурга Константин Артюхов, дочь Виктора Уткова (биографа сказочника) – Ольга Устинова, почётный член Международного фонда славянской письменности и культуры, главный попечитель премии московский бизнесмен Сергей Павлович Козубенко, четырёхкратный олимпийский чемпион, обладатель титула «Лучший биатлонист XX века» Александр Тихонов, доктор филологических наук, академик, сотрудник музея А. С. Пушкина (г. Москва) Н. И. Михайлова и, конечно же, потомки П. П. Ершова – Алла Ранская (г. Сан-Франциско),

Гости Ишима во главе с выдающимся журналистом Василием Песковым (в центре) у музея Петра Ершова

Никас Сафронов дарит Ишиму портрет Ершова. Принимает портрет глава города Ф. Б. Шишкин

Оксана Михайлова (г. Москва), Валентина Нестерова (г. Москва). И многие-многие другие.

Не первый год в Ершовских днях в Ишиме принимает участие один из самых известных (и дорогих) современных русских художников Никас Сафронов, друг главного мецената Ершовской премии и вообще всех добрых дел во имя Ершова Сергея Павловича Козубенко. В 2015 году художник преподнёс в дар музею Ершова написанный им портрет сказочника.

2

Ещё несколько лет назад ишимские ершоведы могли только мечтать увидеть у себя в гостях хоть кого-то, так или иначе причастного к семье Ершова. Как сказала в одном из интервью прапраправнучка поэта Алла Ранская, «Ершов подходил к своему двухсотлетию круглым сиротой». А в результате в 2015 году в Ишиме состоялся первый съезд его потомков – 19 (!) человек из Минусинска, Магадана, Иркутска, Благовещенска, Москвы и даже Сан-Франциско. И это лишь те, кто смог приехать. В действительности их гораздо больше. Многие десятилетия исследователям жизни и творчества Ершова ничего не было известно об этих людях, да и сами они зачастую ничего не знали друг о друге, поскольку жизнь и история разбросали их по всей стране. И впервые встретились только в Ишиме.

История поисков потомков сибирского сказочника полна загадок, неожиданных открытий и долгожданных встреч. У Петра Павловича было шесть детей. Точнее, шестнадцать, но до совершеннолетия дожили не все. От второго брака остались дочери Людмила и Юлия, от третьего – Владимир, Александр, Николай и Надежда. Долгое время биографам поэта было известно только одно имя: Надежда Владимировна Ершова – внучка поэта по линии его сына Владимира. Остальные, а их должно быть не так уж мало, затерялись на бескрайних просторах России – от Магадана до Новороссии. И, может, их следы не отыскивались бы никогда, если бы не наступила эпоха интернета.

В один прекрасный день весны 2007 года в тобольском музее раздался звонок. Из Калифор-

Потомки великого сказочника

нии звонила некто Алла Геннадьевна Ранская, назвавшаяся... прапраправнучкой П. П. Ершова! Узнав об этом, сотрудники уже Ишимского литературного музея немедленно связались с Калифорнией. Алла Ранская действительно оказалась прямым потомком поэта по линии его младшего сына Александра. Она и сообщила о том, что в России до сих пор живут многочисленные пра- и праправнуки П. П. Ершова.

Из письма А. Г. Ранской автору от 6 августа 2010 года:

«...Дети Владимира и Александра (сыновья от последнего брака) были очень близки между собой, связь поддерживалась и в поколениях, по мере возможности и учитывая расстояния...

Что не культивировалось в нашей семье, так это самореклама за счёт причастности к великому поэту, что, однако, не мешало нам гордиться нашим предком и интересоваться фактами его биографии в музеях и библиотеках. Моя бабушка, Елена Александровна Ранская, преподавала русский язык и литературу в 9-й школе г. Иркутска, и только родственники и близкие друзья знали о том, что она являлась внучкой поэта. Семейные фото бережно хранились в нашей семье, хранительницей всех фотографий нашей семьи и семьи Софьи Александровны со временем стала я».

Ершоведы взялись за дело. Для начала пригласили в Ишим саму Аллу Геннадьевну, побывали в Благовещенске у правнука Ершова, Льва Александровича Безрукова, связались с Владимиром Ивановичем Ранским,

тоже прямым правнуком поэта, проживавшим в Магадане... И ниточка потянулась...

Теперь прямые потомки Ершова – постоянные гости в Ишиме. В городе, который помог им самим найти друг друга.

– В 2013 году мы приехали в первый раз, – говорит Оксана Михайлова, московская праправнучка. – Нас потрясло всё происходящее! Это сногшибательный праздник под названием Ершовская премия. Такое могут делать только люди одержимые, по-хорошему сумасшедшие. Столь глобальные вещи не под силу многим даже в Москве, а здесь на таком уровне всё это проходит, настолько достойно – просто низкий поклон.

– Впечатления от Ишима удивительные, – делится эмоциями ещё одна московская внучка, Валентина Нестерова. – То, что сотрудники Культурного центра Ершова – энтузиасты, это понятно. Эти люди настолько одухотворены, между ними такое согласие!.. Но то, что вокруг такой городской энтузиазм... Праздник удивительный! На очень высоком уровне. Такого в глубокой провинции увидеть я не ожидала. Они открыты делу, открыты миру, открыты людям. Они нас привели к Ершову – это совершенно точно. Мы в Москве будем рассказывать всем и везде и ориентироваться на опыт Ишима.

3

Если уж быть совсем точным, то история обретения Ершова уходит корнями в далёкий 1989 год, когда профессор Ишимского государственного педагогического института Владимир Иванович Кодухов предложил провести первые Ершовские чтения, а потом добился присвоения вузу имени поэта. А в 1993 году в деревне Ершово, бывшей деревне Безруково, на родине великого сказочника, установили памятный крест на месте комиссариатского дома, где родился поэт.

Идея создания литературного музея долго витала в воздухе и стала приобретать реальные очертания, когда концепцию развития города Ишима стал разрабатывать Институт культур-

ного наследия им. Д. С. Лихачева. Доминантой этой концепции стал Пётр Ершов и его «Конёк-Горбунок».

– Они так и сказали: Ишим тогда зазвучит, когда он будет центром «Конька-Горбунка», – вспоминает Надежда Проскурякова. – Всё должно быть подчинено имени Ершова. Тогда у Ишима будет лицо. Позднее в тобольском архиве нашли документы о жизни поэта, которые никем и никогда не были востребованы. И мы поняли, что Ершов нужен нам. Ершов и Ишим – вы чувствуете, как это звучит? И он нужен России. Надо вернуть Ершова всей России! Но для этого необходим литературный музей.

Создание его началось с небольшой выставки в зале для передвижных выставок в краеведческом музее, которая была открыта в к 190-летию П. П. Ершова. Впервые посетители увидели неизвестный ранее портрет сказочника – его обнаружила в недрах Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге доцент Ишимского пединститута Т. П. Савченкова.

Немного позже тогдашний мэр Ишима Виктор Рейн выделил литературоведам здание бывшей женской гимназии, памятника архитектуры XIX века, построенного, кстати, не без помощи самого Ершова. Надо сказать, что в городе, к сожалению, сохранилось всего два старинных строения, связанных с его именем: Богоявленский собор, где крестили автора великой сказки, и вот эта гимназия. Сегодня в ней располагается Культурный центр П. П. Ершова – своеобразный «центр управления полётами», ЦУП, установивший каналы связи с десятками городов России, со странами Европы и даже с другими континентами.

Открытия и находки, связанные с именем Ершова, сделанные ишимскими исследователями за прошедшие десять лет, полностью изменили представление о нём как об авторе одной сказки, чья творческая жизнь закончилась, когда, покинув Санкт-Петербург, он вернулся в Тобольск.

Ольга ОЖГИБЕСОВА
Фотографии Геннадия Крамора

Василий ПОЛУШКИН

Василий Полушкин (псевдоним) по профессии – врач, по призванию – поэт. Работает хирургом в сельской больнице. Автор нескольких поэтических сборников.

В РЯМУ

С этих низких берёз
Слишком рано слетит позолота.
Вспыхнет солнце прощально
В лиловом закатном дыму.
Здесь деревья болеют,
Как, впрочем, всегда на болотах.
Здесь повсюду брусника –
Как, впрочем, и в каждом ряму.
А! Опасный сосед!
Атеист станет вмиг богомольцем.
Там, во мху, приглядишь! –
Взгляд холодный из чёрных колец.
Здесь гадюки на кочках
Лирично свиваются в кольца.
Как и в каждом ряму,
Здесь законный гадючий дворец.
Что ж, пройдем в этом царстве
Незваными к ночи гостями.
Впрочем, нам от гадюк
Приглашенье совсем ни к чему.
Здесь бруснику берут –
Не по ягодке, сразу горстями.
Одуряюще пахнет багульник,
Как в каждом ряму.

НОЧЬ В ЛЕСУ

Любимый лес. Молчанье. Ни души.
Но мысли не летучи и угрюмы.
Томленье это надо пережить,
Передышать, перестрадать, продумать.
Гудят деревья – слов не разобрать.
Кузнечик о грядущем нам пророчит.
Усталость укрывает до утра
Мне в утешенье бархат тёплой ночи.
В огнистых лёгких перьях небосвод,
Танцуют запоздалые стрекозы.
Лесное одиночество даёт
Безмолвные ответы на вопросы.

* * *

Всё как всегда. Всё снова, как когда-то.
Прохладен вечер, запад золотист;
Лес пахнет сентябрём, сквозит закатом...
Поспел шиповник, облетает лист.
Всё ниже облака... В щемящей грусти
О лете, промелькнувшем, словно день, –
Нас утешают рыжики и грузди:
Все молодые, в шляпах набекрень.
Всё было... И рюкзак давил на плечи,
Лес пламенел закатною стеной,
И были грузди, и прохладный вечер –
Всё как тогда. И только я иной.

* * *

Средь шороха и лиственного плеска
О промелькнувшем лете говоря,
Я груздь сырой ловлю по перелескам
На шелестящих тропках сентября.
Пусть задирают головы обабки –
Их в это время мало кто берёт.
А груздь погладишь по мохнатой шляпке –
И он мурлычет, как довольный кот.
Вам ползать на коленях – униженье?
Смотрите, как причудливы пути...
Сон наяву, святое утешенье –
Среди груздей восторженно ползти.

* * *

Где-то есть нестареющий сад –
Тот, который мы с детства искали.
Там на камушках деда сидят
В недоступных заоблачных даях.
Они стали моложе с тех пор,
Как коснулись их смерть и разлука.
И ведут старики разговор
О земле, о забывчивых внуках.
Сколько им пережить довелось,
Как бескрайне светла их обитель!
Их молитвами вертится ось
И планета кружит по орбите.
Если свято прожить на земле,
Им за нас не придётся стыдиться.
...Старики разучились болеть
И летать научились, как птицы.

Виталий ОГОРОДНИКОВ

Родился в 1956 году. После института работал в экспедициях на Крайнем Севере и в пустынях Средней Азии, геодезист с сорокалетним стажем. В 2020 году поступил в Институт культуры на отделение живописи, увлекается музыкой, велосипедом, много путешествует, принимал участие во многих марафонах, занимается моржеванием. Автор нескольких поэтических сборников, член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

* * *

Открою я книжицу стихотвореньем
О детушках, глобус кормящих вареньем
Из банки, пузатой такой, трёхлитровой,
О липкой Земле между Петей и Вовой.

Черника чернела в лучах Сенегала,
Смородина с Франции в море стекала,
Где сочные и земляничные глыбы
Щипали голодные крабы и рыбы.

А выше, орлиные гнёзда туманя,
Малина дымилась на пиках Тянь-Шаня.

У глобуса щёки и губы в сиропе,
Но кажется всё – ох несладко Европе!
Америкам тоже – скучают на пару.
Слегка подсластили пустыню Сахару.

И всем было весело, радостно, мило,
Но мама примчалась и всех нас отмыла.
И правда, нисколько не больно – нормально.
Кого-то легонько, кого-то глобально.

И песенку пела тихонько, ведь дети
Так сладко сопели на сладкой планете.

ПАРИЖСКИЙ МАРАФОН

Марсу

Вот придумано ловко!
Разве тут усидишь?
Пермь, Бердюжье, Покровка,
Сим, Тюмень... все в Париж!
Никаких тебе пробок
Безразмерной длины,
Там бежали бок о бок
Всей Земли бегуны.
Старичок и мальчонка,
Эфиопка и грек,
Ведь для нас удалёнка –
Это бег! Только бег!
Вылетаю в азарте
Из Уватских трясин,
С циркачом на Монмартре
Я делю апельсин.
Вот так диво! Видали?!
Ни подстав, ни подмен:
– C'est délicieux, Vitaliy,
– На здоровье, Этьен.
Сбрось колпак, поднимайся,
Башмаков не жалея,
И рванём хоть до Марса

С Елисейских Полей.
По дождям пробегали,
Из Успенки пропав,
Сквозь туман по Пигали
В песнях юной Пиаф.

* * *

Вальс был венский, да танцор деревенский.
Вот судьбина паренька побросала!
Оказался прямо в городе N-ске,
Семиструнка, рюкзачок, гул вокзала.

Над искрящейся улыбкой метели
Кучерявилась мелодия вальса,
И куранты из-под снега глядели,
Как он с девушкой своей целовался.

Тик да так, да так да тик – как всё строго,
Пригрозили стрелкой: ох, мальчуган ты...
– Задержите поезд, хоть на немного,
Подождите, не спешите, куранты.

И вагоны танцевали в сторонке,
Рельсы сузили в железном размахе,
А часы на них свои шестерёнки
Так и пучат из-под снежной папахи.

Что-то щёлкнуло в часах с гулким хрустом,
Даже трещинка легла на стеклоко:
– Не волнуйся, поезд мы не отпустим
И придержим этот миг хоть на сколько.

* * *

Сам себе и поэт, и редактор,
Сам учитель и сам ученик.
Бойко скачет прогонистый дактиль
По полям перечитанных книг.

Амфибрахий покруче хорей.
Оба ветрены, страстны, буйны.
И летят всё шустрее, шустрее
Разномастных стихов табуны.

Запрягаю их в тройки, в квадриги –
Кавалькада карет и саней!
Получаются разные книги,
Но однажды уводят коней.

* * *

Моя Родина – просто вот этот домишко,
Где на солнышке греется плюшевый мишка.
Моя Родина – небо над двориком нашим,
Где мы с мамой парящему облаку машем.
Это улочка, что на задворках вокзала,
Тракт Московский берёт с этих башен начало.
Это площадь Центральная с майским парадом,
Град Тюмень, я горжусь этим солнечным градом.
Нивы, пашни, тайга, и просторы, и шири,
Моя Родина – это богатства Сибири.
То снега выше крыши, то ливни косые,
Моя Родина – крепкая наша Россия.
Моя Родина – трезвость, семья и друзья,
Моя Родина – просто планета Земля.

Леонид ТКАЧУК

Леонид Владимирович Ткачук родился в 1954 году в уральском городке Ивдель. Окончил филфак Тюменского университета. Работал учителем, журналистом. В 2015 году принят в Союз писателей России. Автор пяти книг и трёх музыкальных альбомов.

СУКИН СЫН

Санный путь в Святогорье укрыло
седой пеленой
С той поры, как не стало строптивного гения.
«Солнце русской поэзии» под монастырской
стеной
Ожидает в гробу погребения.
А столица прилежно скучает по белым ночам,
И справляет страна нескончаемый
праздник забвения.
Ночью шастают шустрые мыши
по мёртвым очам
Образцом полицейского рвения.
Не таким представлялся пииту
последний приют –
Ждать могилы в углу бунтарям в назидание.
Лишь февральские вьюги украдкой его отпюют
И погладят капель на прощание.
Мёрзлой глиной накроют, как сукина сына,
тайком,
Плата тем, кто на волю стремится отчаянно.
А Россия тоскливо повоет
над мёртвым щенком
И однажды укусит хозяина...

ЕВАНГЕЛИЕ

Неправедных ты обличаешь смело?
Готовься – вскоре сфабрикуют дело.
Ты расширяешь круг учеников?
Один из них тебя предать готов.
Мечталось, чтобы чище стали нравы?
Умоют руки судьи в день расправы.
Душа стремится к горней высоте?
Ты будешь ближе к небу... на кресте.

ДОБРО И ЗЛО

Добро и зло растворены вокруг –
Не ведаешь, кто враг тебе, кто друг.
Писание не бесполезный хлам.
Там сказано: узнаешь по делам.
Немало за моей спиной дорог.
Я убедился в правде мудрых строк.
Познал я радость, горечь испытал,
Но на судьбу ни разу не роптал.
Всегда и всюду семенит за мной
Поступков и проступков дружный строй.
И напоследок говорю сынам:
– Мир для меня таков, каков я сам...

ИСТИНА

Истина всесильна, как любовь,
Что сама в себя ещё не верит,
Но уже стучится робко в двери –
И напрасно ей не прекословь!
Истина пульсирует, как кровь!
Рвутся, не выдерживая, вены!
Истина проламывает стены!
И напрасно ей не прекословь!
Истина голодных вновь и вновь
Накормить пятью хлебами сможет.
И пока она не станет ложью –
Ты напрасно ей не прекословь...

«И МЫСЛИЮ ВЫСОКОЙ ОЖИВИЛ...»

ПУШКИН И ЕРШОВ

Пушкина называют солнцем нашей словесности. Его личность, ум и гений осветили всю русскую литературу, и этот свет вызвал к жизни новые блистательные идеи, темы, направления и таланты.

Среди этих талантов был и сибирский поэт П. П. Ершов.

Моцарт и... нет, не Сальери – Гайдн; Бетховен и Шуберт, совершенство гения и мастерство таланта – вот соотношение родных нам имён Пушкина и Ершова.

Они не были и не могли быть друзьями. В 1834 году, когда они познакомились, Александр Пушкин – знаменитый тридцатипятилетний поэт, Петруша Ершов – девятнадцатилетний студент Петербургского университета, приехавший из далёкой Сибири. Пылкий, быстрый холерик и неуклюжий, неторопливый флегматик. Любитель светских развлечений, балета, дружеских пирушек («Я любил и до сих пор

люблю шум и толпу» – из письма Пушкина) и замкнутый, стеснительный провинциал...

«Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лёд и пламень не столь различны меж собой» – это не только про Онегина и Ленского, это про Пушкина и Ершова. Но сошлись не как равные: Александр Сергеевич был кумиром для юного студента. Близость сказывалась не во внешнем, а во внутреннем – в жажде творчества, в пылкости и одухотворённости мыслей, в желании послужить родине – стихами ли, делами ли, – в высоких нравственных идеалах.

Разве мог когда-нибудь подумать гимназист Петя Ершов, с восхищением читая стихи Пушкина, что он не только увидит своего любимого поэта, но и неоднократно будет беседовать с ним?! Познакомил их университетский профессор Плетнёв, которому юный стихотворец робко показал заветную тетрадку со сказкой «Конёк-Горбунук». Плетнёв был несказанно

потрясён этим шедевром, написанным внешне не примечательным студентом, молчаливо сидящим на его лекциях. Профессор принёс тетрадь своему близкому знакомому – Пушкину. Александр Сергеевич, как известно, пришёл в большой восторг: он, как истинный гений, был далёк от сальтеризма, ценил таланты и искренне радовался, открывая новые. Вспомним, как высоко Пушкин оценил мемуары женщины-кавалериста Надежды Дуровой «Записки двенадцатого года». Именно он открыл ей дорогу в литературу.

Во время пребывания Ершова в Петербурге знаменитый поэт и студент-сибиряк неоднократно встречались. Об этом П. П. Ершов вспоминал в течение всей своей жизни.

Мы знаем, что талант Пушкина тоже проявился очень рано, ещё в лицейские годы. Батюшков, прочитав элегию «Редееет облаков летучая гряда», написанную семнадцатилетним поэтом, воскликнул: «Злодей! Как он начал писать!»

Сибирь – вот что объединило Пушкина и Ершова. Да, Александр Сергеевич никогда не бывал за Уралом, не видел сибирский стольный град Тобольск с его белоснежным кремлём. Но он был связан с нашим краем очень крепкими нитями. В Тобольске жили ссыльные предки поэта и по отцовской, и по материнской линиям. По отцовской – Евстафий Иванович Пушкин и Никита Иванович Пушкин, которые служили тобольскими воеводами в самом начале XVII века. По материнской – известный чёрный прадед Александра Сергеевича А. П. Ганнибал, посланный в Тобольск майором гарнизона.

В лицее вместе с Сашей Пушкиным учился сын тобольского губернатора Александр Корнилов.

В губернском городе Сибири служил приятель поэта В. Д. Соломирский, они часто обменивались письмами. Писатель-сибиряк И. Т. Калашников, переехавший из Тобольска в Петербург ещё в 20-е годы XIX века, не только был знаком с Александром Сергеевичем, но и подарил ему свои произведения, действие в которых происходит в Сибири. Знал Пушкин и про тобольского историка П. А. Словцова.

Поэт часто беседовал с известным русским историком Д. Бантыш-Каменским, в 20-е годы XIX века исполняющим должность гражданского губернатора Тобольска, а позже проживающим в Москве. Бантыш-Каменский известен многими добрыми делами, улучшившими жизнь тоболяков. Он проявил большое участие к декабристам, в то время провозимым через Тобольск к месту каторги в Восточную Сибирь.

В последние годы жизни Александр Сергеевич очень интересовался Сибирью и особенно походом Ермака. Биографы отмечают, что он хотел написать историю этого края. К сожалению, смерть великого поэта не позволила осуществиться этому плану.

Юношеское благоговение перед гением Пушкина Ершов сохранил на всю жизнь.

Один из самых серьёзных исследователей жизни и творчества П. П. Ершова В. Г. Утков предполагает, что связи между двумя поэтами более глубинные: зная о намерении Ершова возвратиться в Сибирь, Пушкин хотел установить через него связи с декабристами, что официальным путём, почтой было сделать нельзя. Свидетельство того, что по отношению к Ершову Пушкин имел потаённые намерения, – его стремление не афишировать близкое знакомство с сибиряком или, по крайней мере, не упоминать о нём письменно. В бумагах Пушкина мы не найдём даже фамилии Ершова. Естественно представить и то, что Пушкин никогда бы не поручил такую миссию человеку, которого плохо знал или на которого нельзя было надеяться, – неединомышленнику. Следовательно, можно предположить, что поэты разговаривали не только о литературе, но и обсуждали общественные проблемы своего времени, находили общий язык, общие взгляды и интересы.

В 1836 году Ершов возвращается из Петербурга в Тобольск. В это время здесь уже два года проживал в ссылке поэт-декабрист Н. Чижов. Несколькими годами позже сюда же направляются его товарищи по восстанию. Колония декабристов в Тобольске являлась самой многочисленной. Как известно, Ершов был близок со многими опальными дворянами,

которые поддерживали его духовно, верили в его талант. Некоторые свои произведения Пётр Павлович впервые читал на вечерах у одного из самых авторитетных тобольских декабристов – М. А. Фонвизина. Надо думать, разговор о Пушкине не раз возникал в декабристском кружке.

Вдова Кюхельбекера, перед смертью переведённого с семьёй в Тобольск, вспоминала, как часто приходил к её мужу, страдающему от чахотки, П. П. Ершов, и они долго беседовали, неоднократно вспоминая Пушкина.

Узнав о трагической смерти великого поэта, Ершов пишет стихотворение «Кто он?»:

*Он лёгок – как ветер пустынный,
Он тяжек – как меч славянина,
Он быстр – как налёт казака.
В нём гений полночной державы...
О, где вы, наперсники славы?
Гремите!.. Вам внемлют века!*

Солнце Пушкина освещало собой не только личность Ершова, но и его творчество. Вслед за великим учителем он погружается в стихию устного народного творчества, в поэзию сказки и песенных мотивов.

Всем известна роль в жизни и творчестве Пушкина женщины из самых недр русского народа – няни Арины Родионовны. С раннего детства нашими близкими друзьями становятся Кот Учёный, Гвидон, «тридцать витязей прекрасных», белка, поющая песенки, Золотая Рыбка. Мы сочувствуем безропотному старому труженику – рыбаку – и возмущаемся жадностью его жены, коварству сватьи Бабы Бабарихи. Чудо сказок «О рыбаке и рыбке», «Золотой петушок», «О царе Салтане»... всегда с нами. М. Горький писал о Пушкине: «...он изумительно, с блестящим юмором изложил гибким, звонким стихом мудрые сказки русского народа...»

Девятилетним мальчиком привезли Петрушу Ершова в Тобольск, чтобы дать хорошее образование. Оставили его со старшим братом Николаем в доме родственников матери – купцов Пилёновых. «Сам» Н. С. Пилёнков был человеком большого природного коммерческого

Татьяна СОЛОДОВА

Татьяна Ильинична Солодова, писатель-краевед, автор 23 изданных книг, основатель серии «Жизнь замечательных людей Тобольска» (ЖЗЛТ). Неоднократный лауреат регионального конкурса «Книга года». Награждена медалью 2-й степени «За вклад в развитие генеалогии и прочих специальных исторических дисциплин» и медалью «Н. Рубцов» «за значительный вклад в развитие краеведения Сибири, за литературно-краеведческие труды, развивающие "в назидание потомству" глубокое чувство патриотизма».

Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (Московское отделение).

дарования, торговал с севером и югом, любил привечать людей прохожих: ямщиков, бродяг, паломников, солдат, странников. Они и небывшие лица всякие порасскажут, и новостями поделются: на большой дороге много чего услышать можно. А потом, глядишь, это и в купеческих делах пригодится.

Мальчики Ершovy, особенно Петя, пропадали по вечерам в людской. Здесь часто рассказывались волшебные истории, пелись песни: то протяжные, грустные, то залихватские, разудалые, а порой – вполголоса – от слушателя к слушателю перекачивался злой и меткий народный анекдот.

Вот отсюда, наверное, и начал свою победную скачку по всей России добрый и умный Конёк-Горбунок. Поднимаясь вверх над облаками, опускаясь вниз к полям и лесам, он незримой тенью проникал в дома богатых и бедных, жителей столиц и деревень, становясь всеобщим

любимцем многих поколений людей. И до сих пор легко перелетает он границы и океаны, приземляется на страницы книг в Германии и Италии, Китае и Индии, добирается до далёких от России Аргентины и Бразилии. Ершов удивительно точно сумел воплотить в своей сказке народное начало. Сам он скромно замечал: «На „Коньке-Горбунке“ воочию сбывается русская поговорка: не родись ни умён, ни пригож, а родись счастлив. Вся моя заслуга тут, что мне удалось попасть в народную жилку. Зазвенела родная – и русское сердце отозвалось».

Сказки Пушкина и Ершова – урок «добрым молодцам» и детского возраста, и взрослого. Ясный, простой, лёгкий и вместе с тем яркий художественный язык, стройность и чёткость композиции, волшебные образы, поэтические краски, динамика развития сюжета, логичность и последовательность изложения в сочетании с занимательностью – всё это и понятно, и увлекательно для детей. Вместе с тем – это произведения и для взрослых, раскрывающие глубины русского национального характера и психологии, поражающие органичностью слияния поэтики народного творчества с талантом и фантазией авторов, заставляющие задуматься над многими далеко не сказочными проблемами, имеющие символику, тяготеющую к современности, будь то XIX, XX или XXI век.

«Намёк» сказок предназначался не только «добрым молодцам», но и совсем не «добрым», и не «молодцам». И в сказках Пушкина, и в «Коньке-Горбунке» Ершова явно чувствуется сатирическая направленность. Не случайно «Конёк-Горбунок» только в четвёртом издании, в 1856 году, впервые вышел без цензурных точек. Известен и тот факт, что в 1853 году сказка Ершова была совсем запрещена к изданию.

Интерес к фольклору и у Пушкина, и у Ершова выходил за рамки сказки. Они оба высоко оценивали устное народное творчество как показатель таланта и одухотворённости народа не только в сказке, но и в песнях. Горький писал: «Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввёл его в литературу, не искажая...». Пушкин первый сумел усвоить «дух русского народа»,

по выражению Н. Гоголя. Ещё на юге поэт начал собирать и записывать народные песни, например о Стеньке Разине. Современники вспоминали, как он, одетый в русское платье, в поддёвке и косоворотке, ходил по базарам, вмешивался в народную толпу, вслушивался в простонародную речь, присматривался к народным обычаям и обрядам. Сохранились записи народных песен, которые делал Александр Сергеевич: «Как за церковь, за немецкой», «В лесах дремучих», «Один-то был у отца, у матери единый сын».

Яркими образцами использования традиций народной песни у Пушкина являются стихи «Бесы», «Жених», «Русалка», «Гусар», «Утопленник».

Белинский писал: «Никто из русских поэтов не умел с таким непостижимым искусством spryskivatsya живою водою своей творческой фантазии немножко дубоватые материалы народных наших песен... Пушкин умел извлечь из неё (народной поэзии. – Т. С.) дивную поэму, наполовину фантастическую, наполовину фактически-положительную и в обоих случаях удивительно верную поэтической действительности русской жизни».

Ершов удивительно точно и художественно достоверно вводил в своё творчество стихию народной песни. Это его произведения: «Молодой орёл», «Песня казака», «Русская песня», «Желание любви», «Кольцо с бирюзой». Но, пожалуй, самое яркое в этом отношении его стихотворение «Песня старика Луки», не случайно оно было положено на музыку известным композитором А. А. Алябьевым:

*Вдоль по улице широкой
Молодой кузнец идёт;
Ох, идёт кузнец, идёт,
Песню с посвистом поёт.
Тук! Тук! Тук! С десяти рук
Приударим, братцы, вдруг.*

Интерес Пушкина и Ершова к народному творчеству не ограничивался русскими сказками и песнями: он был гораздо шире. У Пушкина – арабские мотивы: «Сказка о золотом

петушке», «Подражания Корану», где каждый стих проникнут духом восточной поэзии:

*Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас с собой.*

*Зажёг ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лён, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.*

*Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Даёт земле древесну сень.*

*Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечём и мы ко свету,
И да падёт с очей туман.*

У Пушкина есть цикл стихотворений «Песни западных славян». Большинство этих стихов Пушкин заимствовал из сборника французского писателя Мериме, который, в свою очередь, переделывал сербские и далматские народные песни. Но Пушкин сумел уловить и точно передать национальную самобытность оригинала.

П. П. Ершов очень интересовался фольклором сибирских народов. Он пишет оперу-фарс «Якутские божки» (на основе якутской легенды). Она была поставлена на сцене самодеятельного гимназического театра в Тобольске.

Особенно яркой и талантливой является его поэма «Сузге», основанная на татарских преданиях. Сузге – вторая и любимая жена сибирского хана Кучума. Он построил для неё городок – Сузгун. Во время похода Ермака, когда казаки подошли к Сузгуну, молодая женщина убила себя, чтобы не достаться завоевателям. Эта поэма совершенно необычна для литературы того времени. Понимая и принимая историческую неизбежность завоевания Сибири, Ершов с большим уважением относится к национальным традициям, чуждому ему

вероисповеданию, к исторической трагедии татарского народа. Ершова одинаково восхищают храбрость и стойкость обеих сторон. В его поэме татары и русские испытывают друг к другу искреннее уважение и хотят избежать лишних смертей и страданий. Ермак говорит своему атаману Грозе:

*«Ты, Гроза, пойдёшь к Сузгуну
Со своею всей дружиной,
И уж волей иль неволей,
А возьми Махмет-Кула;
Только помни благодать бога,
Не губи напрасно всех».*

Во взгляде умирающей Сузге нет мести:

*Это не был взор отмщенья,
Это был – последний взор.*

Татарская фольклорная тематика отражается и в прозе Ершова – цикле рассказов «Осенние вечера». Заслуга тобольского писателя заключается в том, что он первый познакомил культурную читательскую публику с татарским устным народным творчеством.

Показателем истинной народности творчества поэта является то, что его стихи уходят в народ, перестают осмысляться как авторские; превращаются в песни, народные и композиторские. Это произошло со многими произведениями как Пушкина, так и Ершова. Десятки стихов Пушкина стали романсами, по мотивам его поэм созданы балеты и оперы. Музыка к ним писали многие известные русские композиторы: Чайковский, Мусоргский, Алябьев, Бородин... Давно уже как народные песни поются стихотворения Пушкина «Чёрная шаль», «Под вечер осенью ненастной», «Узник». Это общеизвестно.

Сведения о музыкальном оформлении произведений Ершова не так распространены. А между тем на слова его стихов писал музыку Алябьев, «Конёк-Горбунок» стал балетом ещё при жизни автора с помощью композитора Пуни, а в XX веке – Родиона Щедрина. Композитор-тоболяк И. И. Корнилов написал

оперу «Сузге» – первую, написанную в Сибири сибиряком и на сибирский сюжет. Поэма «Сибирский казак» превратилась в народную песню.

В творческом наследии Ершова есть одно кажущееся загадочным стихотворение. Это «Зимний вечер» (1839):

*Воеет ветер, плачут ели,
Вьются зимние метели;
Бесконечной пеленой
Виснет хмара над страной.
Ни ответа, ни привета –
Лишь порою глыба света
Дивной радуги игрой
Вспыхнет тихо за горой;
Лишь порою, дея чары,
Глянет месяц из-за хмары,
Словно в повязи венца
Лик холодный мертвеца.
Скучно! Грустно! Что же, други,
Соберёмся на досуге
Укоротить под рассказ
Зимней скуки долгий час!
Пусть в пылу бессильной злобы
Вьюга вьёт, метёт сугробы,
Пусть могильный часового
Ворон плачет над трубой.
Что нам нужды? Мы содвинем
Круг весёлый пред камином
И пред радостным огнём
Песнь залётную споём.
Сок янтарный полной чаши
Оживит напевы наши,
И под холодом зимы
Юг роскошный вспомним мы.*

В нём настолько прозрачны и очевидны пушкинские мотивы, что кажется, это не случайно. Во-первых, само название «Зимний вечер» вызывает в памяти известнейшее одноимённое стихотворение А. С. Пушкина. Во-вторых, сравним начало обоих стихов. У Пушкина:

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,*

*То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашуршит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.*

Образ зимней бури, непогоды создаётся и в том, и в другом произведении как символ смятенности, душевной дисгармонии, хаоса. В-третьих, вторая часть стихотворения Ершова ассоциируется с «Вакхической песней» Пушкина:

*Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!*

Возникает вопрос: зачем, с какой целью задумана Ершовым эта прямая переключка с Пушкиным? Очевидно, для того, чтобы подчеркнуть духовную близость с великим поэтом, его творчеством, живую память о нём, наследование его традиций. И таким образом, это стихотворение условно можно назвать «пушкинским».

В поэтическом наследии Ершова мы, пожалуй, не найдём политически тенденциозных стихов. Однако есть некоторые строки в его произведениях, дающие определённое направление мыслям: они могут восприниматься как отклик на какие-то общественные явления.

В стихотворении «Зимний вечер» привлекают внимание первые строки. Почему возник образ «хмары над страной»? Слово «страна» здесь как будто чужеродное. Ведь ветер и зимняя метель, «хмара» не могут быть одновременно над всей страной. Да и дальнейшие строки тоже можно понять в иносказательном смысле, особенно образ «могильного часового» – «ворона». Зная год написания этого стихотворения – 1839, – можно предположить, что это своеобразный отклик Ершова из далёкой Сибири на политическую реакцию 30-х годов. Обращение к друзьям в этом стихотворении вызывает в памяти не только Пушкина, но и друзей Пушкина и Ершова. А кто они? Декабристы.

Дружба с декабристами (у Пушкина – до восстания, у Ершова – после восстания в Си-

бири) связывает этих двух поэтов. Образы декабристов – друзей Ершова – возникают в сознании читателя естественно, если вспомнить, что в это время поэт в Тобольске был близок со многими ссыльными революционерами.

Интересен и образ «песни залётной». Слово «залётный» многозначно: залётный – прилетевший свободно, залётный – вольный, а всё вольное запрещено. Значит, «залётная песня» – о воле, о запрещённом. Таким образом, в этом стихотворении можно усмотреть тему политическую, тему декабристскую.

Итак, стихотворение «Зимний вечер» средствами поэзии утверждает связь и преемственность декабристов, Пушкина, Ершова. Это, если так можно выразиться, декабристско-пушкинское стихотворение Ершова.

Такая переключка с пушкинской поэзией у Ершова не единична. И это убеждает нас в том, что Пётр Павлович сознательно хотел вызвать в памяти читателей (слушателей) своих стихов образ Пушкина, вспомнить о его духовном наследии.

Вскоре после «Зимнего вечера» Ершов создаёт цикл стихотворений «Моя поездка». Первое из них, «Выезд», он начинает словами: «Город бедный! Город скушный!» «Моя поездка» была прочитана автором на литературном вечере у М. А. Фонвизина. Один из слушателей заметил, что первая строка заимствована из стихотворения Пушкина «Город пышный, город бедный» (1829). Однако близки не только эти строки, а весь строй ритмико-интонационных и лексико-синтаксических средств выражения. Для доказательства приведём всё небольшое стихотворение Пушкина:

*Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид.
Свод небес зелёно-бледный,
Скука, холод и гранит –
Всё же жаль мне вас немножко;
Потому, что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьётся локон золотой.*

И начало стихотворения Ершова:

*Город бедный! Город скушный!
Проза жизни и души!
Как томительно, как душно
В этой мертвенной глуши!
Тщетно разум бедный ищет
Вдохновительных идей;
Тщетно сердце просит пищи
У безжалостных людей.
Изживая без сознанья
Век свой в узах суеты,
Не поймут они мечтанья,
Не оценят красоты.*

У Пушкина – «дух неволи», у Ершова – «проза жизни и души», у Пушкина – «скука», «холод», у Ершова – «томительно» и «душно», «мертвенная глушь». И у обоих поэтов главное – мотив несвободы, духовной тюрьмы. Оба стихотворения построены на контрасте. В пушкинском контрастен сам Петербург: «пышный» и «бедный», «дух неволи» и «стройный вид», «скука», «холод», но и радость, ведь там «ходит маленькая ножка, вьётся локон золотой». В стихотворении Ершова провинциальный город с его духотой, томительной глушью, «безжалостными людьми», которые не понимают искусства, не ценят прекрасное, противопоставлен вольности природы, где распрямляется душа поэта и из его груди рвутся громкие песни. Город и поэт чужды друг другу. Природа и поэт – едины. Финал стихотворения Пушкина несколько сводит на нет серьёзность начала, чего не наблюдается у Ершова. У него – прорыв из «убийственных цепей» на волю, которая ассоциируется с природой: «широким полем» и «цветными лучами». Хотя прорыв этот пока не осуществился, он в ближайшем будущем:

*Прочь убийственные цепи!
Я свободен быть хочу...
Тропу, тропку мне – и в степи
Я стрелю полечу!*

*Я паду на грудь природы,
Слёз струями оболую,
И священный день свободы
От души благословлю!*

Надо отметить, что стихотворение Пушкина «Город бедный!» в свою очередь является во многом нарочитой переключкой с патриотическим стихотворением Ф. Н. Глинки «Москва». Если у Пушкина эмоциональное восприятие Петербурга сочетает в себе тоску и лёгкую иронию, то Глинка серьёзен в своём воспевании величия, красоты и силы Москвы как столицы российской империи. Это действительно «матушка Москва»:

*Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!..*

*Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!..*

*Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный,
Град сердечный,
Коренной России град.*

Судьбы и Пушкина, и Ершова – каждая по-своему – трагичны. Ершов пережил много смертей: ранняя утрата родителей и старшего брата, двух жён и нескольких детей. Пушкин нелепо погиб в неполных тридцать восемь лет, а ведь он был в самом расцвете своего таланта. В. Ф. Одоевский писал: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!» В жизни Пушкина встречалось много драматических моментов. Не всегда его понимали близкие, объективно оценивала критика. Нападали на него и минуты уныния. Но лишь минуты. Пушкину были присущи гармоничность внутреннего и внешнего, мудрость понимания жизни – отличительные черты гения:

*Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья...*

Вспомним «маленькую ножку» и «локон золотой» из стихотворения «Город пышный, город бедный...». Возникшие в сознании поэта как предчувствие радости жизни, они ослабляют тягостное ощущение «духа неволи» и «тоски».

А Блок называл Пушкина «сыном гармонии». Он писал: «Пушкин так легко и весело умел нести своё творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта – не лёгкая и не весёлая; она трагическая; Пушкин вёл свою роль широким, уверенным и вольным движением, как большой мастер».

Мировосприятие Ершова было иным: более противоречивым. То в его душу вселялся оптимизм, и тогда Пётр Павлович верил в себя настолько, что мог иронизировать над собой. 24 января 1862 года он написал под своим портретом, созданным тобольским художником М. С. Знаменским:

*Не дивитесь, друзья,
Что так толст и весел я:
Это – плод моей борьбы
С лапой давящей судьбы;
На гнетущий жизни крест
Это – честный мой протест.*

То Ершов впадал в уныние, считал себя бездарным, а жизнь неудавшейся. Тогда всё казалось ему мрачным, безысходным, бездуховным и бездушным:

*Я всё бы отдал – жизнь и славу,
Лишь бы из чаши бытия
Вкусить блаженство и отраву
В струях волшебного питья.
Но годы идут без возврата,
Напрасно сердце я зову;
И может быть, до дней заката
Я жизнь бесстрастно отживу.*

Пушкин гениально проявил себя в разных видах и жанрах литературы: в прозе, поэзии, драматургии; в сатире, лирике и хронике. Ершов пробовал себя реализовать в широком диапазоне словесного творчества. Успехи его были гораздо более скромными: он не являлся реформатором.

Имя Пушкина уже в двадцатые годы XIX века гремело по всей стране. Белинский пишет: произведения Пушкина «читались всею грамотною Россиею; они ходили в тетрадках, переписывались девушками, охотницами до стишков, учениками на школьных скамейках, украдкою от учителя, сидельцами за прилавками магазинов и лавок. И это делалось не только в столицах, но даже и в уездных захолустьях».

Чернышевский: «Он был первым поэтом, который стал в глазах русской публики на то высокое место, какое должен занимать в своей стране великий писатель».

Ершова знали только как автора «Конька-Горбунка» и то не все. Простой читатель сказки мало обращал внимания на имя, указанное на обложке книги. Конёк-Горбунок ускакал от своего автора в народ и стал восприниматься им как «своё» произведение. С одной стороны, это было показателем высокого уровня произведения и его большой популярности, а с другой – порождало у автора чувство горечи. Что касается других произведений Ершова: стихов, песен, сатиры, прозы, драмы – они остались незамеченными или не оценёнными по достоинству. Отодвинутый условиями периферийного бытия из центров развития современной ему литературы, на фоне таких гигантов пера, как Лермонтов, Гоголь и Тютчев, писатель-сибиряк оставался почти не замеченным читателями и критиками. Например, очерк о его жизни и творчестве не включался ни в гимназический курс словесности до революции, ни в школьный или вузовский учебник по литературе в советский период.

Однако время всё поставит на свои места. Ершов внёс значимый вклад в развитие русской литературы. Он поддержал и продолжил высокие нравственно-эстетические критерии «основы всех основ» нашей литературы – гения Александра Сергеевича Пушкина.

В стихотворении «Вопрос» (1837) П. П. Ершов называл поэтом того,

*...кто светлыми мечтами
Волшебный мир в душе своей явил,
Согрел его и чувством, и страстями
И мыслью высокой оживил...*

Поэтическое дарование Ершова нельзя сравнивать с гением Пушкина, но оба они «оживляли» мир и искренними чувствами, и благородными мыслями.

Татьяна СОЛОДОВА

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Саводник В. Очерки по истории русской литературы XIX века, часть первая, изд. 3-е. – М., 1907.
2. История русской литературы XIX века (1-я половина) / под ред. проф. С. М. Петрова. – М.: Просвещение, 1973.
3. Ревякин А. И. История русской литературы XIX века (1-я половина), изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1981.
4. Белинский В. Г. Статьи о Пушкине. – М.: Художественная литература, 1974.
5. Симонов Г. И. П. П. Ершов в музыке и пении. – Тобольск: изд. ОИК при музее Тобольского Севера, 1922.
6. Платонова И. Ф. Уважение к минувшему, изд. 3-е. – Тобольск, 2006.
7. Ершов П. П. Стихотворения. – М.: Советская Россия, 1989.
8. Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 томах. – Т. X. – М.: Правда, 1981.

Елена РУСАНОВА

Елена Германовна Русанова, автор десяти книг поэзии и прозы, член Союза писателей России. Её творчество, неразрывно связанное с Астраханью, Астраханским заповедником и сибирской землёй, Тюменью, – это гимн России, луговой, степной, таёжной, и людям, населяющим её. В 2020 году вышла в свет книга её стихотворений «Рейс 148», публикации в журналах «Нижний Новгород», «Охота и охотничье хозяйство» и «Русский орнитологический журнал» (очерки).

* * *

* * *

В этот пасмурный день потеряли свою белизну
Старорусских красавиц стволы в золочёной оправе.
То ли дым, то ль туман, то ли смог города затянул,
И лютует всё зло, и мечтает о скорой расправе.

Но ещё в деревнях ткут свои шерстяные ковры,
А их розы и маки святою пронизаны силой.
И ещё в глубине мы-то знаем, что все мы добры.
И никто нас не сможет отрезать от Родины милой.

* * *

Ходит правда тенью по обочине,
Никому бродяжка не нужна.
У неё с собою нож наточенный,
А душа ранима и нежна.

Говорят, гулящая, продажная,
А она высокая княжна.
Честь и совесть отстоять отважная,
Никому не дочь и не жена.

У неё в друзьях бывают всякие –
Кто-то плачет, кто-то брагу пьёт,
Кто с икрою распивает ракию
И иной восторженный народ.

Но не любят долго бесприютное
Да её нетёплое житьё.
Вот такие души нынче утлые
Окружают сирую её.

Географических названий
Мне ведом ласковый язык,
Где тайны встреч и расставаний,
Сайгачий рог, моржовый клык,

И узнавание планеты,
И удивление мирам.
Пусть только в прошлом будет это –
Я сказку странствий не предаю.

Я всё бегу к волне азовской,
Томлюсь от жажды в Темрюке.
И над музеем Айвазовский
Мне виден с кисточкой в руке.

А в Феодосии не море –
Уральский камень самоцвет...
Но есть названья – плач и горе,
Но есть места – ужасней нет.

Есть Малый Тростенец близ Минска
И Маутхаузен близ Альп.
Ещё есть память воркутинской
Земли, как в сердце вражий залп.

Так тесно правде за словами.
Давай условимся с тобой:
Географических названий
Да не затмит такая боль,

Не станем мы тому виною.
Но что в руках у нас, скажи?
Хотя б служить нам перегноем,
Чтоб чуть добрей всходила жизнь.

* * *

Скоро появится озеро.
 – Где ты?
 Я словно друг тебе рада всегда,
 Нежный Эльтон, чудо нашей планеты,
 Пусть безыскусное – соль и вода.
 Я тебя розовым помню зарёю,
 Это природы сюрприз и секрет.
 Хочешь, от хищного взора укрою
 Твой драгоценный и редкостный цвет,
 Свет твой, сокровище полупустыни?
 Пусть никогда не ступает нога
 Варвара, вора – запрет им отныне
 На золотые твои берега.

* * *

Этот город стрижей, свистелей
 И туманов, и мглы над Турой
 По утрам, как дитя из купели,
 Под простынкой небес голубой
 Так безгрешен, и нежен, и кроток,
 Беззащитно, беспомощно мил,
 Соткан весь из мгновений и тропок,
 По которым ты с детства ходил.
 Но уже не похожий на прежний,
 А цветущий, как новый цветок,
 Этот город мечты и надежды
 От рыданий незримых промок.
 Плачет он, что не все его дети
 Осчастливлены жизнью вполне
 И что даже при мирном рассвете
 На невидимой гибнут войне.

* * *

Ведро дельфиниума, вечер и, прося:
 «Возьмите хоть один!..» – мне вслед так робко.
 Слеза старушки – Божия роса.
 Идём по ней – в пакетах и коробках,
 В покупках несерьёзных с головой.
 Священный маркет просит поклоненья.
 В программе жизни вирус, минус, сбой,
 Но души всё выносят, камня.
 Зачем давно дожившей до седины,
 Ей, как подросток тоненькой, так поздно
 Стоять, дрожа, в сторонке от витрин,
 Ждать милости? О, это признак грозный!

* * *

Когда не станет книг бумажных,
 Придёт непоправимый час,
 Среди домов пустозэтажных
 Мы дико взмолимся, мечась:
 «О дайте, дайте хоть Букварик,
 Хотя бы Пушкина строку!»
 Но нет, перегорел фонарик.
 А интернет сказал: «Ку-ку!»
 Кто нас наставит и согреет?
 Коль неизбежно, что же, пусть!
 Не расслабляясь, поскорее
 Заучим книги наизусть!

* * *

«Ермолаев. Пивной ресторан»,
 И к чёму-то ещё слово «русский».
 Русским духом должно пахнуть там,
 А не только богатой закуской.
 Вот ворона на вывеске – да,
 Чем-то ближе, быть может, к России,
 Да и то прилетела сюда –
 Повезёт, раздобыть чаевые.
 Не о том я хочу, не о том –
 Очень жаль, что от русского духа
 Лишь берёза в платке голубом
 Да снега из лебяжьего пуха.
 Лишь матрёшек румяных ряды,
 Коробов берестяное племя,
 Нежной гжели узорные льды,
 Самоваров зеркальные шлемы.
 Хохломы золотые луга,
 Городца жеребцы вороные...
 А душа затонула в снегах,
 Растеряла черты дорогие.

Екатерина ВОЛОДИНА

Член Союза российских писателей, сопредседатель Литературного совета Ассамблеи народов Евразии. Стипендиат государственной стипендии для выдающихся деятелей культуры и искусства России за 2015 год. Региональный редактор регионального литературного журнала «ЛиФФт» по Тюменской области. Автор девяти книг. В разное время стихи печатались в российских столичных и региональных журналах, в периодических изданиях Австралии, Австрии, Германии, Канады, Сербии, Болгарии, Египта, Непала, Албании, Бельгии, Мексики, Азербайджана, Таджикистана, Украины, Молдовы, Беларуси.

Дыхание зимы

* * *

Тайну русского холода не разгадает никто
В городе синих морозов, забытых имён,
Там не спасает ни кофе, ни чай, ни пальто,
Вечная стужа замёрзших далёких времён.
Холод черёмух, крещенский могучий мороз,
Февральские вьюги, ознобы, зазимки, сугробы,
Долгие зимние сны рябин и берёз,
Реки, озёра схватило в морозные скобы.
Ветру, морозам, чертям и всему вопреки!
В ночь прорастает сила души первоцветов,
Снова морозный узор чистой, юной строки –
Холод рождает солнечных русских поэтов.

* * *

Тополиный липкий аромат,
Прорастающей травы дыханье...
В детство босоное назад
Всё зовут меня воспоминанья.
Радуга-дуга, пора дождей,
Яблонь пенных раннее цветенье.
Отрочество улицы моей,
Ты осталось сердцу в утешенье.

Солнечно, сладостно у весны в объятьях,
Сердце и чувства опять тяготеют к выси,
Прошлые годы, эх!.. Повернуть бы вспять их,
Вечность и время снова приводят к мысли –
Всё подчиняется в жизни тебе, светило,
Мудрые притчи и летопись страстных романов,
Всё под твоими лучами когда-то было,
Было... и будет! Под сенью цветущих каштанов.
Скоропись времени, снова двоятся прогнозы,
Что будет потом... со мной, с тобою?
Нам неизвестно, но неизбежно точно –
Чувство предчувствия, предвосхищенья весною!

* * *

Летняя память, не преломляясь в лицах,
В полдень, в жару, в июле варим варенье.
Перелистнув очередную страницу,
Словно роман – вишнёвое сотворенье.
В сладкие пенки оса погружает лапки,
Смело копается в липкой тайне,
И поднимаются вверх кипучие шапки,
Жизнь обретает новое содержание.
Как расточимы подтёки страсти, сласти,
Не обжигаться мы зарекались впредь,
Это варенье – воспоминанье счастья,
Им одиночество сможем зимой согреть.

Наталья БОРОДКИНА

Наталья Михайловна Бородкина родилась на Кубани 14 апреля 1958 года. Окончила Новосибирский институт советской кооперативной торговли по специальности «Технология и организация общественного питания» и Санкт-Петербургскую академию психологии, предпринимательства и менеджмента по специальности «Психология, психоанализ».

Издано три сборника стихов: «Миру с любовью», «На тонкой грани двух миров», «Звенит строкой душа моя». Член Союза писателей России. Живёт в Ялуторовске Тюменской области.

ПРЕДЗИМЬЕ

Закончены осенние труды,
Бесчисленные мелкие заботы.
Стремительно пустеют огороды,
И от плодов облегчились сады.

Всему свой срок. Кормилица-земля
Всё отдала и ждёт отдохновенья,
И сберегла короткие мгновенья
Природа для последнего тепла.

А ночью холод лужи застеклит,
Прихватит мёртвой хваткой георгины,
Которые лишь в том всегда повинны,
Что снова слишком поздно зацвели.

Застыло время... Некуда спешить...
А небо почернело не на шутку.
Похоже, завтра – снег! По первопутку
Махнёт зима свой скорый суд вершить.

Мир закуёт в серебряные сны.
Задрёт земля в глухом анабиозе,
И всё закаменеет на морозе
С одной мечтой – дожить бы до весны...

ОЧНИСЬ!

Но на исходе сроки ваши:
Вновь проклят старый мир – и вновь
Пьёт Сатана из полной чаши
Идоложертвенную кровь!

Иван Бунин

Очнись от сна, народ многострадальный!
Развей свой морок, выйди на крыльцо.
Грозит тебе не басурманин дальний –
У недруга знакомое лицо.

Безжалостны лукавые владыки.
Поводыри бездушны и слепы.
И вновь мироточат святые лики,
Взывая слёзно к разуму толпы.

Напрасно... Ни упрёка, ни стенанья...
Всё злей удары хлесткого бича.
Бредём мы, словно овцы на закланье,
Свои кресты покорно волоча.

Мы живы, Боже, лишь Твоей любовью.
Как выстоять в невидимой войне?
Не дай, Всевышний, жертвенною кровью
Опять наполнить чашу Сатане!

ЭТО ВСЁ НЕ ТВОЁ...

Отпрометчивой дробью – разбитная каптель.
В каждой луже – крещенская птицам купель.

Присмотрись и прислушайся. Только не тронь!
Этой тайны ничья не касалась ладонь...

Этих солнечных искр никому не поймать.
Не пытайся мелодию их понимать.

И дыханью пропитанной влагой земли,
Как чужак, удивлённо и чутко внемли.

Этих струй дождевых золотое литьё
Не лови. Это всё – не твоё, не твоё...

МИР ВЗДЫБИЛСЯ

Мир вздыбился и давит на виски,
Вздувая переполненные вены;
Сжимает заржавевшие тиски,
Владеть желая самым сокровенным.

Всё дай ему – всем хочет обладать.
Отнимет всё. Не сразу – понемногу.
И хочешь иль не хочешь, а отдать
Придётся всё. Но душу – только Богу.

СЫТЫЙ ГОЛОДНОГО НЕ...

Не расточай имущим слов хвалебных
И бубенцами лести не звени.
С обильного стола лишь крошек хлебных
Тебе смахнут презрительно они.

Увы, чудес на свете не бывает...
Им дать всегда труднее, чем отнять.
Никто такого языка не знает,
Чтоб сытому голодного понять.

РАБУ ИНТЕРНЕТА

Позабывший любовь, разбазаривший нежность,
Растерявший сочувствие и доброту,
Погружаешься камнем в свою неизбежность,
Просыпаясь ночами в холодном поту.

Принеся свою жизнь, как сакральную жертву,
На лукавый алтарь социальных сетей,
Заклучил договор добровольной оферты
На продажу души. Просто так. Без затей.

И теперь не хозяин ни чувствам, ни мыслям.
И уже не поймёшь – молод ты или стар.
Образ твой оцифрован, изучен, исчислен.
Твою жизнь за тебя проживёт... аватар...

НЕ ВЕРЬ!

Не верь! Никто не знает сроков.
И самому себе не верь.
Настало время лжепророков.
И на охоту вышел Зверь.

Лукав, безжалостен, искусен...
И сети тонкие крепки...
Уловит душу – не отпустит,
В усмешке обнажив клыки.

И будет сладостно и нежно
Шептать: «Весь мир – к твоим ногам!»
И покорится неизбежно,
Кто верой слаб, чужим богам.

Ступай легко, но осторожно,
Пока горит небесный свет,
Погаснет – будет невозможно
Понять, где люди, а где нет...

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

Екатерина ПИОНТ

Екатерина Лаврентьевна Пионт родилась и окончила школу в рабочем посёлке Берёзово Тюменской области. Оставив учёбу в Омском политехническом институте, работала многие годы в системе связи. Окончила Литературный институт имени Горького. Первая книга стихов «У родного порога» вышла в 2000 году, затем появились «Раздумье», «Из Берёзова я», «Тогда ещё писали письма», стихи для детей «Мне рано в школу», сборник рассказов «Много неба». Печаталась в различных сборниках, альманахах: «Эринтур», «Врата Сибири», «Тюменской строкой», «Сибирь», «День Поэзии 21 века», журнале «Москва» (2020).

* * *

Невзрачны околотки были,
Где по колено грязь, навоз...
В обносках женщины ходили,
Но задирали кверху нос.
Дома, как кумушки-старушки
В платочках, в тех, что родились,
Вдруг выпускали завитушки
Седые, что взвивались ввысь.
Страшнее, может быть, кому-то
Картины этой не видать.
Я ж вспоминаю жизни утро
И пью глотками благодать.

* * *

Всё вопреки себе. Смеюсь не с теми.
На узенькой тропе чужие тени.
Не поборола страх – иду по краю.
И в пыльных зеркалах себя теряю.

* * *

На живую нитку сшита жизнь моя.
Старую калитку не забуду я.
Яркий узелочек век не отцветёт –
Дожидалась дочек мама у ворот...

* * *

Мы все бы желали звучать в ком-то музыкой...

* * *

Ты снова вчера приснился.
Ты шёл, превратившись в дождь.
Ты изнутри серебрился –
Ты был на себя похож!
Дожди мне по сердцу, знаешь.
Но, снова себя кляня,
Я встала под крышу, в затишьь...
Чтоб ты не коснулся меня.

* * *

...Проходящим плугом тронутый насмерть...
(Катулл)

Кто из нас тронул глубже друг друга,
Чья сильнее задета душа?
У тебя стало больше зазубрин.
Ну а я... Вновь возшла.

* * *

От него и осталось
На ветру её памяти –
Только обрывки слов...

* * *

Облетают воробьи с куста
Сонного весеннего шиповника.
Так из года в год бы лет до ста
Удивляться... встав у подоконника.

ПРОДАВЩИЦА

А тети-Лушины руки крыльями мне казались
В том, у моста, раймаге в детстве моём
далёком.
Сколь километров ткани, старые, отмахали?!
После уроков, с портфелем, я наблюдала
подолгу,
Как большеглазая птица снова взлететь
пыталась...

* * *

Есть тайна меж нами. Какая-то тайна...
Тревожит мне душу, как дом на окраине.
Продрогший, заброшенный ждёт год за годом:
Должны же вернуться за жёлтым комодом...

* * *

...Не ответила. Испугалась.
Я любви его взрослой боялась.
Лишь когда повзрослела сама,
Перечитав, поняла из письма,
Что можно любить... – перестав жить.

* * *

Это даже не «Крик» в космос Мунка.
Это что-то с запаянным ртом.
Разрывается так ночью лунной
Бочка со льдом.

* * *

Такая между нами пропасть!
А друг без друга нам пропасть.

БАЛКОН

А у меня балкона нет.
Снаружи заперты ворота.
Там, на углу, у поворота,
Ромашка выплеснула свет...
Мне не взглянуть, не посмотретьь.

А у меня балкона нет.
Не застеклить. Не занавесить.
Я каждый вечер ровно в десять
В прихожей зажигаю свет.
Тяну судьбы один билет.

А у меня балкона нет.
Бельё твоё висит на кухне.
И если... счастье это рухнет! –
Тебе не посмотрю я вслед.
А у меня балкона нет.

* * *

В себе совсем я не уверена...
Отсюда, может быть,
С корнями вырванное дерево
Мне хочется... прикрыть...

* * *

Нет, отчий дом нам не продать.
Напрасно он так крышу хмурит.
В нём слышно, как вздыхает мать...
Когда отец ночами курит...

РУБАНОК

От отца мне в наследство достался рубанок.
Из всего.
Он – отставший от клина подранок...
Я в ответе теперь за него.

ЕРМАК

Валерий ПОНОМАРЁВ

Стал он символом Сибири, он и честь её, и флаг,
Нет природы больше, шире, как и имени – Ермак!
До сих пор объект для спора, хоть пускай в ход кулаки,
То записывают в поморы, то в донские казаки.

Кем же был на самом деле? Чей вернее станет слух?
Богатырская мощь в теле, христианский смелый дух!
Наша память как колодец, у которой нету дна...
Назовём – первопроходец, эта мысль будет верна!

Он погиб в неравной схватке, канул в бездну Иртыша...
Как истории загадка, неуёмная душа!
Про него сложили песню, и поёт её народ,
Как умеет, только сердцем, Ермаком он очень горд.

Помню, дед Степан пел часто, и не только во хмелю.
Вспоминаю, был он счастлив, кулаком бил по столу.
Он от всех требовал внимания, мы стихали, словно рой,
Был мой дед простой крестьянин, а Ермак – его герой.

Нет давно на свете деда, в Лету канули века,
Только вот свои беседы я веду про Ермака...
Вспоминаю его часто, будто мой покойный дед,
Утверждаю: дух казачий для него был как рассвет!

Для меня – великий символ, свет он всех моих надежд.
Разобраться, для Сибири его имя – знак, рубеж...
Он стоит на диком берегу, его воля как кулак.
Призывает всех к победе, только к ней одной, Ермак.

Сколько силы в этом слове, богатырская в нём мощь.
Только он простор Сибири, атаман, смог превозмочь.
Я его люблю и помню, настоящий он казак,
Победитель круч тобольских, богатырь лихой – Ермак.

Ермак (работа Бернардовского)

ЛЕТОПИСИ О СИБИРИ, ТЮМЕНИ, ЮГРЕ И ПОХОДЕ ЕРМАКА

В 2021 году исполнится 440 лет началу исторического похода Ермака, который закончился присоединением земель Сибирского ханства к Руси. На дореволюционной карте зелёным цветом обозначено впечатляющее приращение территорий за время правления Ивана Грозного, которые произошли за счёт Астраханского, Казанского и Сибирского ханств.

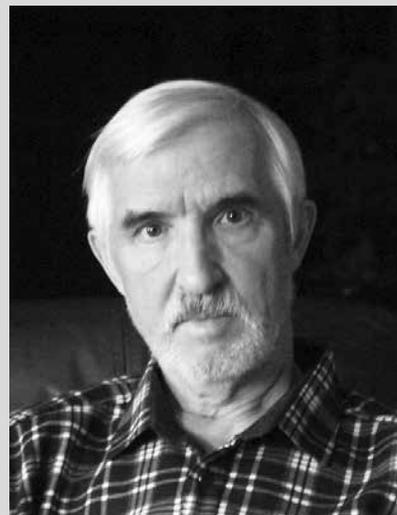
Как пишет Карамзин в «Истории государства Российского»: «...история не ведала Сибири до нашествия гуннов, турков, моголов на Европу: предки Аттилины скитались на берегах Енисея; славный хан Дизавул принимал Юстинианова сановника Земарха в долинах Алтайских; послы Иннокентия IV и Св. Людовика ехали к наследникам Чингисовым мимо Байкала, а несчастный отец Александра Невского падал ниц перед Гаюком в окрестностях Амура. Как данники моголов узнав в XIII веке юг Сибири, мы ещё ранее как завоеватели узнали её северо-запад, где смелые новгородцы уже в XI веке обогащались мехами драгоценными. В исходе XV столетия знамена Москвы уже развевались на снежном хребте Каменного Пояса, или древних гор Рифейских, и воеводы Иоанна III возгласили его великое имя на берегах Тавды, Иртыша, Оби, в пяти тысячах вёрст от нашей столицы. Уже сей монарх именовался в своём титуле Югорским, сын его

Обдорским и Кондинским, а внук Сибирским, обложив данию сию монгольскую или татарскую державу, которая составила из древних улусов ишимских, тюменских, или шибанских, известных нам с 1480 года... Но ещё господство наше за Каменным Поясом было слабо и ненадёжно: татары сибирские, признав Иоанна своим верховным властителем, не только худо платили ему дань, но и частыми набегами тревожили Великую Пермь, где был конец России...»

Автор считает, что в вопросе присоединения Сибири историками занижена, а иногда и совсем обойдена молчанием роль Строгановых. Если вы прочтёте грамоты царя Иоанна периода похода Ермака, где он грозит Строгановым опалой, а казаков грозит перевешать, станет более понятной обстановка того времени. Поведение Строгановых было в высшей степени достойным, а Иван Грозный проявил, мягко говоря, нерешительность как в спасении окружённого Пскова в 1581 году (как написано в псковской летописи, «страхом одержим был»), так и в оценке похода Ермака для покорения Сибири в этом же году.

Автором долго выстраивалась цепочка поиска малоизвестных деталей похода: сначала я прочитал «Русскую историю» Н. И. Костомарова (1817–1885 гг.), позже меня захватила «История государства Российского» Н. М. Карамзина (1766–1826 гг.). Но восторг вызвало «Описание Сибирского царства» Герхарда Миллера (1705–1783 гг.), переизданное в редакции Императорской академии наук в Санкт-Петербурге в 1787 году, где от исторических подробностей и слога веяло духом того времени. Но Миллер не был свидетелем тех событий, их разделяло более века! Основой его «Описания» стали тобольские архивы и записи, сделанные со слов участников и свидетелей. В итоге я пришёл к выводу, что нужно искать первоисточники, и они были найдены. Это летописи.

По Румянцевской летописи, название Сибирского царства происходит от места града Сибирь, который был создан после победы и присоединения Казанского ханства. Сибирь толковалась как «начальный град», а позже

Павел ПЛЮХИН

Павел Семёнович Плюхин, автор шести книг. Хотя родился на Южном Урале, но послеузовская жизнь связана с Сибирью! Инженер по образованию, 40 лет работал на земле Югры, оставив свою фамилию на мраморной стеле мемориального комплекса скважины Р-1 на Самотлоре. Увлечён историческими и генеалогическими поисками. Творчество стало спутником его жизни, воплотившись в работу, книги и фотовыставки. Член Союза писателей России, кандидат технических наук. С 2013 года проживает в Тюмени.

так стала называться «Сибирская полунощная страна».

Строгановская летопись гласит, что был в сибирской стране на реке Ишим «некто Магомедова закона царь, именем Иван (Ибак) родом татарин». Против него восстал от протых татар Чингис и убил его, став царём. Но у бывшего царя Ивана (Ибака) остался сын Тайбуга, про которого проведал Чингис и пригласил его к себе.

Тайбуга попросил отпустить его, что и сделал Чингис, собрав ему войско. Тайбуга, придя на реку Иртыш, где жила чудь, покорил себе многих людей, живущих по реке Иртыш и великой Оби, и вернулся к Чингису, где пробыл недолгое время и снова попросил отпустить его.

Тайбуга, придя на Туру, поставил град, назвав его Чингий, на том месте, где стоит ныне Тюмень!

Далее там княжил его сын Ходжа, за ним княжил сын Ходжи-Мар, который был женат на сестре казанского царя Упака.

Царь Упак убил своего зятя Мара и много лет владел градом Чингий. Маровы дети, Адер и Яболак, остались живы, и Мамет (сын Адера) убил царя Упака (по Румянцевской летописи, «град Чингиден разруши»), поставил град на Иртыше, назвал его Сибирь и княжил в этом граде. За ним княжили Агаш (сын Яболака), далее Казый (сын Мамета), за ним его дети, Етигер (Едигер) и Бекбулат. Пришедший с войском из южных степей царь Кучум (Муртазалиев сын) убивает Етигера и Бекбулата и становится Сибирским царём. У Бекбулата остался в живых сын Сейте, увезённый в раннем возрасте в Бухару. У Кучума было два сына – Маметкул и Алий, имена которых будут встречаться в истории покорения Сибири Ермаком.

За 22 года до похода Ермака, как отмечается в Степенной книге, сочинённой трудами митрополитов Киприана и Макария и опубликованной в 1775 году Г. Миллером, послы от Тюменского князя наряду с послами из Юргенча, Бухары, Шамархана «с дарами и великим молением вси просяше пути в Царство его... дабы Государь держал их в своем имени... оборонил их от холпов своих, от Черкасских Князей».

Но слова и поступки юго-восточных князей много веков расходились с делами, а межкняжеские кровопролитные войны сотрясали юго-восток.

В Румянцевской летописи подробно описана история гибели Ермака и большей части его дружины.

Известие о гибели атамана Ермака, безвыходность положения оставшихся казаков привели к решению – «убояшася жити во граде, и седши во струги, поплыша вниз по Иртышу до реки Оби, Обью же до реки Оби и до Берёзова, а от Берёзова через Камень побегоша к Руси. Град же Сибирь оставила пуст».

Узнав про это, царевич Алей занял град Сибирь со своим войском. Но вскоре эта весть дошла до князя Сейдяша, сына Бекбулата, который пришёл со своим войском и изгнал из града Алея, вернув родину отца своего, Бекбулата.

В следующее лето после гибели Ермака из Москвы в град Сибирь направлен воевода Иван Мансуров с войском. Доплыв до Иртыша и узнав об оставлении казаками града, увидев огромное неприятельское войско на берегу, воевода решил не вступать в бой и поплыл дальше до Оби. Уже начался ледостав, и воевода основал городок на берегу Оби, напротив устья Иртыша, и встал на зимовку.

Прознавшие про «чужаков» остяки обступили городок со всех сторон и бились с отрядом воеводы целый день.

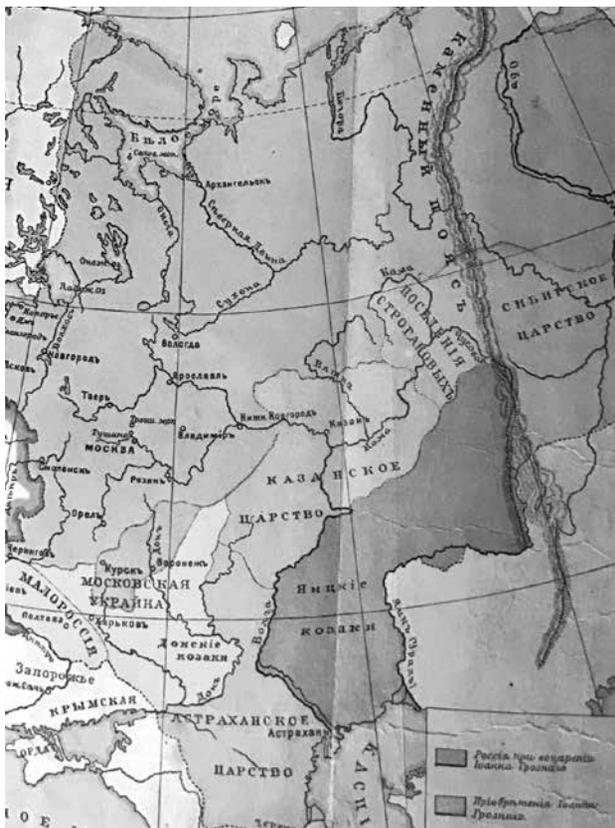
Ночь остяки ожидали подмоги, она пришла. Поставив к дереву идола Словутеса, они приготовились к бою. Но пушкари воеводы выстрелом из пушки срубили дерево, где стоял идол. Это был плохой знак, и остяки ушли с поля боя.

Летом 1585 года, придя из Москвы, воеводы Василий Сукин и Иван Мясной с большим отрядом на месте града Чингиден поставили град Тюмень, построив себе дома и воздвигнув церковь – прибежище для христиан.

Тюмень основана на год позже, в 1586-м. 29 июля! Как видите, летописи могут ошибаться!

Царь же Кучум «многожды покушался итти на Сибирь и месть воздать». Но после поражений, лишившись пленённого сына и двух царич, с небольшой группой преданных воинов дошёл до своих родных мест, «колмацкие же люди догнала его и войско его побилша и кони своя отполониша. Царь Кучум бежа в Нагаи и тамо от них убиен скончася».

Представляет интерес древнее описание тех мест в Есиповской летописи: «Около того Тюменского города места пашенные и многие сёла и деревни государевых пашенных крестьян и деревни тюменских детей боярских и служивых и посадских людей. А служилые и ясачные люди около Тюменского города тотаровя, живут кочевьем, а грамота у них по Мааметову ж закону, хлеб пашут яровой, к тому питаютца скотом и рыбою. А государев ясак дают соболи и бобры, и куницы, и лисицы, и белки. А рыба в Туре белая, та ж, что вна Верхотурье и в Турецком остроге, а красная рыбаца осётр и стерлядь всходит ис Тоболака. А город Тюмень стоит на

Карта Руси в XVI веке

высоком месте на красном, а с одну сторону прилегла степь в Колмаки и на Уфу. Из степи приходят калмыцкие люди, живут торгом. А с Тюмени ходу до Тобольска восемь или девять дней рекою Турою и Тоболом и Иртышом большими судами».

Первоначальные записи о походе Ермака с дружиной были собраны первым Сибирским и Тобольским архиепископом Киприаном. Его дьяк Савва Есипов переписал их, создав первое литературное произведение Сибири – летопись похода Ермака.

Есиповская летопись составлена в 1636 году («написал с писания, преж мене списавшего, нечто и стесняемо бе речью, аз же распространых») и сохранилась в 28 списках.

Попытка архиепископа Киприана сделать церковное прославление похода Ермака и его дружины не была принята патриархом. Первый, кто это сделал в 1636 году (спустя 55 лет), был основатель Нилово-Столобенского монастыря архиепископ Нектарий, к которому царь Алексей Михайлович, будучи его крестником,

относился с почтением. Нектарий установил «вселенские поминания» Ермаку и его дружине и в столице, и в Тобольске.

Полувековой период замалчивания значимости присоединения Сибири, а это подтверждается отсутствием соответствующих записей в летописях Московской, Псковской и других, можно объяснить несколькими причинами.

Следует заметить, что в эти годы обстановка на границах государства была непростой: в 1579 году литовский король захватил Полоцк, Сокол, а царь Иван Васильевич всё лето находился в Пскове. В следующем году литовский король взял Великие Луки. В 1580 году «свейские немцы» (как в летописи) взяли в Новгородской области городки Корешу, Ругодив, Иван-город, Сыренск на Нарве, Орешки, Капор, Яму.

В 1581 году «колыванские немцы» отбили десять городков, погубив много воевод и людей. 18 августа 1581 года литовский король Стефан Обатур с огромным войском стоял 30 недель под градом Псковом. Как повествует Псковская летопись, у великого князя царя Ивана было собрано 300 000 ратных людей в Старице. Но на выручку бояр Гаврила и Тимофея подмогу царь в Псков не посылал и сам не пошёл, страхом одержим был. Глаголили языки, как «сына своего Царевича Ивана того ради остнем поколол, что ему учал говориши о выручении града Пскова». (Знаменитая картина, как Иван Грозный сына своего убил, знакома каждому школьнику).

Нервозная обстановка на рубежах русского царства, ранее известные донесения царю о буйстве и грабежах донских казаков на Волге predeterminedели причину того, почему ранее приговорённого к казни за эти деяния атамана Ивана Кольца, прибывшего в столицу с дарами и известием о присоединении Сибири, так «негостеприимно» встретили в Москве.

Автор приводит описание обстановки того времени из Псковской летописи, чтобы читателю было понятно, в обстановке каких событий Строгановы принимают решение начать войну с ханом Кучумом и отправляют отряд Ермака с миссией присоединения Сибири к России.

СТРОГАНОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Братья Семён, Максим, Никита Строгановы прослышали от достоверных людей о буйстве и храбрости донских казаков с атаманом Ермаком Тимофеевым, о том, как они грабили на волжских торговых путях ногайцев, торговых и государевых людей. 6 апреля 1579 года, послав своих гонцов с письмом и дарами, Строгановы пригласили Ермака к себе: «имеем крепости и земли, но мало дружины; идите к нам оборонять Великую Пермь и восточный край христианства». (Есиповская летопись содержит краткое описание грабежа донскими казаками царской казны и провианта в 1580 году на Волге, в районе Самары. Возможно, это событие было до письма-приглашения от Строгановых.)

28 июня этого же года Ермак с дружиной в 540 человек прибыл в Чусовские городки и пробыл там «два лета и месяца два».

22 июня 1581 года вогульско-остяцкое войско мурзы Бегулия численностью 680 воинов совершило очередное нападение на Чусовские городки и Сылвинский острожек, устроив грабежи и пленение жителей городков. Войско было разбито отрядом Ермака, часть попало в плен вместе с мурзой.

1 сентября 1581 года братья Строгановы, обеспечив оружием, скорострельными пушками, припасами, проводниками и переводчиками (толмачами), отправили отряд для покорения Кучума, царя земли Сибирской, а также покорения князей остяко-вогульских.

Отряд был численностью 840 воинов, «буйственных и храбрых», куда входили ратные люди из городков, литовцы, немцы, татары и казаки.

Большинство из них были выкупленные из рабского тюркского плена люди, истосковавшиеся по свободе.

Пройдя четыре дня вверх по реке Чусовой, дойдя до устья Серебряной реки, затем пройдя ещё два дня и дойдя до Сибирской дороги, поставили зимовье – огороженный частоколом земляной городок – и назвали его Ермаков Кукуй (Кукуй), где перезимовали.

С того места они сделали двадцать пять переходов волоком («волоком» – перетаскивание лодок, груза по суше), дойдя до реки Жаравля, далее до реки Тагил, и по ней отряд вышел 9 сентября 1582 года к реке Тура, по которой они доплыли до реки Тавда.

6 ноября 1582 года братья Семён и Максим Строгановы получают царскую грамоту, чтобы вместе с пермскими людьми стояли против пельымского князя и «воевать им не давали, чтоб вам всем от войны уберетчись».

Ещё через год (16 ноября) Строгановы получают грамоту с указанием отправки казаков: «А не вышлете из острогов своих в Пермь Волжских казаков, атамана Ермака Тимофеева товарищи, а учнёте их держать у себя, и Пермскими месты не учнёте оберегать, и такую вашу изменю что над Пермскими места ученица от Вогулич и от Пельымцев и от Сибирского Салтана людей впредь, и нам в том на вас опала своя положит большая. А Атаманов и Казаков, которые слушали вас и вам служили, а Нашу землю выдали, велим перевешати...»

Только с возвращением Ивана Кольца из Москвы царь послал похвальную грамоту с «совершенным прощением за их прежние злодеяния». Тогда же царской грамотой было позволено всем российским подданным с семьями в Сибирь переселяться, и будто казаки в пути до 1500 семей собрали, которые с ними поехали. Вологодскому епископу была дана царская грамота, чтобы с отправившимися в Сибирь послать десять священников с их семьями.

Миллер допускает, что казаки к Ермаку вернулись в 1583 году.

В летописях имеется много временных нестыковок, являющихся обильным материалом для исследователей: например, Иван Кольцо отправился в Москву 22 декабря 1581 года, вернулся (по Тобольскому летописцу) из Москвы с грамотой о прощении прежних злодеяний 1 марта 1582 года, хотя Г. Миллер допускает 1583 год, но в более поздней царской грамоте, датированной 16 ноября 1583 года, нет намёка на прощение, грамота велит перевешать казаков!

Миллер также приводит другие цифры численности отряда Ермака на страницах «Описания»: «Либо людей много разбежалось от тяжёлой работы, которую они всё лето отправлять принуждены были, либо от болезней их много померло. Ибо у Ермака при приходе его в сие зимовье не осталось больше 3000 человек от 5000, которые с ним в путь отправились...» «В наступающую весну учинил Ермак опять смотр своему войску, в котором нашлось, что минувшею зимою почти до половины его войска убыло; иные убежали, иные побиты, а иные своею смертию померли. У Ермака осталось только 1636 человек...», с которыми он при вскрытии реки Майя отправился в путь. Детали перехода были крайне тяжёлыми: на мелких реках приходилось передвигаться на плотах, на большой воде снова строили струги! Всё это требовало много сил и времени. (Миллер пишет, что на плотах отряд плыл до реки Тагил, где было поставлено городище, и несколько недель строили струги.)

ПОХОД ПЯТИДЕСЯТНИКА БРЯЗГИ С ОТРЯДОМ

Пётр Словцов в своей работе 1837 года «Историческое обозрение Сибири», посвящённой Миллеру, пишет: «Без твоего прихода Клио Гиперборейская доньне перешептывались бы с дьяком Есиповым и с сыном боярским Ремезовым, потому что архивы наши сгорели, рукописные летописи редуют, а в обителях и благородных сословиях не заметно ни Нестора, ни Болтина».

Словцов деликатно замечает Миллеру о его невнимательности к писцовым книгам: «да и не всегда был отчётлив, когда из архивных сундуков Сибирского Приказа, в 1768 г. (от 15 января) тебе переданных по воле Правительства, в Сибири ждали, ждали изложения сведений, и не дождались».

Многие детали похода Ермака, описанные Миллером, дают более широкую картину этого исторического события. Меня особенно заинтересовал поход Брязги с 50 казаками для расширения царских владений вниз по Иртышу до Оби.

Ермак, находясь в Искере, предпринимал активные действия по приведению местного населения к царской присяге, переводу ясака в царскую казну и налаживанию торговли с юго-восточными соседями. Способы использовались разные: от дружеских уговоров до кровавых сражений с «целованием кровью окропленной сабли».

Поход по Иртышу на Север до Оби Карамзин описывает как историю, которую возглавил сам Ермак. Однако в «Описании Сибирского царства» Герарда Миллера, опиравшегося на вывезенные из Тобольска летописи, отмечается, что отряд возглавлял пятидесятник Богдан Брязга. Подробное описание похода сделано неизвестным автором на двух листах и было вклеено в Тобольский летописец. Миллер приходит к выводу: «...по обстоятельствам времени и по согласию с последующими приключениями так вероятно, что оно равно с прочими здесь вмещено быть может».

Учитывая, что Брязга во время длительного похода и проведённых сражений не потерял ни одного человека, нужно отметить высокое воинское мастерство и дисциплину в отряде. Поход не был лёгкой прогулкой, стрелы и копья татар и остяков оставили много шрамов на телах казаков и стрельцов.

(Есиповская же летопись гласит, что в походе был убит атаман Никита Пан.)

5 марта 1582 года Брязга отправился по речке Аремзянке, далее по реке Туртас, усмирив остяков и татар, вооружённых копьями и стрелами, и приводя их к оплате ясака.

Первый бой отряд принял у устья реки Аремзянки, где жили независимые татары, собравшиеся в крепости и оказавшие жестокое сопротивление. После захвата виновники сопротивления были либо расстреляны, либо повешены в назидание за непокорность. Следующие волости на пути отряда не смели противиться вооружённым ружьями казакам. После Нацинской, Карбинской, Туртасской волостей на пути следования отряда находились юрты остяков и кондинских вогуличей, возглавляемых князем Демьяном. Князь встретил отряд Брязги в своей крепости в окружении двух ты-

сяч воинов, отвергнув все предложения сдаться. Защитники крепости три дня успешно защищали крепость, но на четвёртый день большая половина защитников сбежала по своим жилищам. В походе были подчинены Назимская и Демьянская волости.

Далее отряд прошёл Цингальские юрты, Нарымский городок и 1 мая прибыл в Тарханскую волость.

Но главной задачей Брызги было село Самаровский Ям, где жил князь Самар – знатнейший из всех остяков и вогуличей по рекам Иртыш и Обь.

20 мая казаки приплыли к жилищам князя Самара. Князь готовился к бою, заранее был выставлен караул. Ранним утром приплывшие казаки обнаружили спящий караул, который был порублен. Сам князь Самар и восемь его молодых князей проснулись от шума и приготовились вступить в бой, но князь был убит первым выстрелом, а остальные воины разбежались. Оставшиеся в селе люди отречься от подданства царю и от ясака не посмели. В описании городка читатель обнаружит наполовину закопанные в землю избы, укрытые досками и закопанные сверху землёй, что было характерным для жилищ остяков. Такие жилища с применением современных материалов, но наполовину заглублённые в землю, можно встретить и сегодня в югорской тайге.

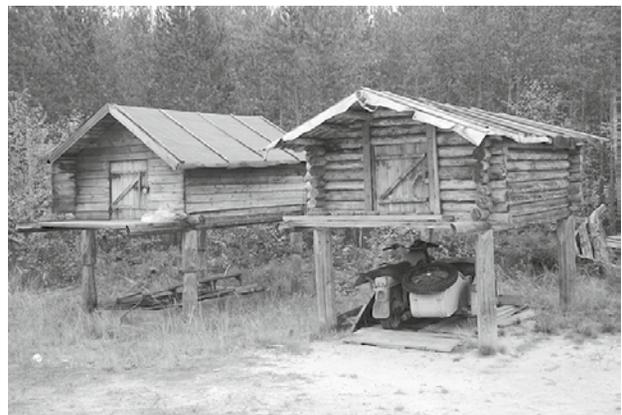
Вот так непросто перешли земли Сибири и Югры в подданство русского царя более четырёх веков назад!

Перемещение в историческом пространстве всегда даётся нелегко – мешают современные стереотипы! Живущий в Тюмени автор сорок лет прожил в Югре и исколесил этот край по тайге, по дорогам, много плавал по рекам, любовался этими бескрайними просторами из иллюминаторов вертолётов и самолётов! Мы часто встречались с коренными татарами, с представителями ханты и манси, добрыми и открытыми потомками этой богатой земли! Сегодня это край мирных созидателей, бережно сохраняющих свою историю как частицу истории Отечества!

Павел ПЛЮХИН

Избы ханты

Лабазы ханты

Семья ханты

А ТЫ, ДУША МОЯ...

...А ты, душа моя, всё там,
Всё бродишь по лугам некошеным,
По опустевшим берегам,
Росой тяжёлой запорошенным.

Через туман и полумрак,
По тальникам, по водополище,
Всё там, где светит, как маяк,
Столетний тополь на околице.

Где странно улица пуста,
Не слышно крика петушиного,
Ни даже шороха листа,
Листочка лёгкого крушинного.

Всё ходишь, словно часовой,
За огородами, за гумнами...
И тени предков за тобой
Шагами шествуют бесшумными.

ПРИТЧА О ТРЁХ БРАТЬЯХ (из семейных преданий)

Три брата жили: Родион,
Фотей да Емельян.
Известен род их испокон –
Крутихинских крестьян.

Промеж себя в ладу всегда,
Пример соседям всем.
Но вдруг явилась к ним беда,
Откуда и не вем*.

У брата Родиона тиф!
Опасна злая хворь.
Заразу эту подхватив,
Со Смертушкой не спорь!

Брат Емельян услышал весть
И спрятался в избе,

* Не вем – не ведаем, не знаем (церк.-слав.) (здесь и далее прим. автора).

Сергей ПЕРУНОВ

Сергей Александрович Перунов родился в 1976 году в г. Шадринске Курганской области. Сейчас живёт в г. Тюмени, служит участковым уполномоченным полиции. Член Союза писателей России с 2016 года, автор нескольких поэтических сборников, лауреат Литературной премии Уральского федерального округа (2016).

Чтобы проклятую болезнь
Не подпустить к себе.

Фотей к больному приходил,
Лечил его как мог.
А Емельян в дому один
В поту от страха мок.

Не зря молился день и ночь
За брата брат Фотей.
Хворь-немочь отступила прочь.
Любовь – всего сильней!

И молвил брату Родион:
– А где наш старший брат?
Идём к нему, чтобы и он
Был вместе с нами рад.

Но Емельян и на порог
Не допустил родных.

Он дерзок с ними стал и строг,
Озlobившись на них.

И обругал напрасно их,
И прокричал, что впредь
Не хочет больше никаких
Дел с братьями иметь!

Так незаслуженно и зло
Родных своих корить!
Что на него тогда нашло?
Хотел ли стыд свой скрыть?

А может, просто был он пьян?
Господь ему судья...
Покаялся же Емельян
Лишь ровно год спустя.

Как ни берётся, всё равно
Он тифом захворал.
Слабел с минутой каждой, но
За братьями не слал.

Гордыня ли играла в нём,
Болезненный ли бред
Иль совесть? Не узнать о том,
Не даст он нам ответ.

Узнали братья про беду,
А он уж отходил.
Но, умирая, всё в бреду
Простить его просил.

И плакали они взахлёб,
Когда к погосту шли,
Чтоб кинуть на сосновый гроб
По горсточке земли.

Сгустился, как тягучий сон,
Над кладбищем туман.

Три брата жили: Родион,
Фотей да Емельян...

БЛАЗНЯ*

*народная сказка***

По дороге от Нижнего Яра,
Там, где справа высокий бор,
А напротив ольховник старый,
Место тихое...
С давних пор
Про него нехорошая слава
По окрестным селеньям идёт:
За ольховником, дескать, костлявым
Есть болотце,
Иных болот
Пострашнее, опаснее многих,
Хоть и с виду невелико:
Днём увидишь его с дороги –
Латка*** кошкина с молоком.
Но уж если под вечер едешь
Или ночью (не дай-то Бог!):
Сам себе не поверишь –
Бредишь или вправду чей голосок?
Кто-то стонет, зовёт на помощь,
Только ты и сумеешь помочь!
Поспешишь –
Сам в болоте утонешь.
Зов погаснет.
Сомкнётся ночь.

...Было дело:
Давно ль, недавно,
Из гостей возвращались домой,
Погулявши на свадьбе славно,
Мужичок со своей женой.

Время позднее. Сумрак плотный.
Лошадёнка спит на ходу.
Над дорогой туман болотный.
Тихо так – что слов не найду...
Мужичок задремал в повозке,
Баба правит и дремлет сама...
Вдруг как будто бы где-то возле –

* Блазнями называют в наших местах лесных и болотных духов, которые морочат и заманивают в гиблые места неопытных людей (от слова «блaзнится», т. е. «кажется»).

** Написано в соавторстве с сыном Львом Перуновым на основе рассказов родственников о реальных событиях.

*** Латка – кошачья миска для еды (вернее всего, от слова «лакать», местное диалектное слово).

Крик такой, что сойти с ума!
Крик истошный:
– Спасите, люди!
Ох, тону я, ох, гибну, ох!
Погибаю я смертью лютой,
Хоть бы кто-нибудь мне помог!

– Едем, Ваня, скорей отседа! –
Говорит мужику жена.
– Да куда ж я, Дуська, поеду?
Человеку же помощь нужна!

– Ой, Ванюша, да это Блазня ж
Нас морочит, ой пропадём!
Не ходи ты, в болоте увязнешь,
Будет поздно жалеть потом!

Не послушался муж, к болоту
Побежал он, ломая кусты.
Баба следом за ним, хоть сроду
Опасалась она темноты.

Видят: тонет мужик в болоте,
Руки тянет к ним из воды.
– Не из нашей деревни вроде...
– Дура, вожжи тащи сюды!

Еле-еле спасли беднягу,
Уложили в повозку...
– Н-но-о!!!
Повезло же ему, однако,
Чуть совсем не ушёл на дно.

Он молчит всё, лишь хрипы в горле,
Простудился в болоте, знать.
Дома водкой его растёрли
И на печь уложили спать.

Утром встали.
– Земляк, чьих будешь?
Как хоть звать-то тебя, скажи.
Крепко спит, смотри, не разбудишь.
Эй, земляк!
Ну лежи, лежи...

Через час заперезживали:
А живой ли спасённый-то?
Развернули, а в одеяле
Оказалось чёрт знает что...
Не мужик, а ольховый корень,
Вместо рук-ног сучки торчат.
Слава Богу, беда не горе:
Сами целые... Свят, свят, свят!

– Это Блазня нас заморочил,
По деревне-то не мели:
Засмеют!
– Да пускай хохочут.
Жалко, водку зря извели.

...Сколько сказок в народе разных,
Их послушать – и смех и грех.
Но и нынче немало блазней,
Похитрее болотных тех.

Григорий КАЙГОРОДОВ

Родился в селе Колёг-Еган Нижневартковского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области.

В 1974 году окончил Свердловский государственный медицинский институт. Врач высшей категории. Работал акушером-гинекологом в ХМАО-Югре 34 года (1978–2012), последние 26 из них в г. Урай.

Народный депутат Урайского городского совета (1990–1993). Помощник депутата Тюменской областной Думы 5-го созыва Г. С. Шустовой на общественных началах. Ветеран Тюменской области.

Член Союза писателей России. Лауреат конкурса «Золотое шахматное перо России». Серебряный лауреат конкурса «Золотое перо Руси – 2014». Автор двух десятков детских книг:

УЧИТЕСЬ В ШАХМАТЫ ИГРАТЬ!

Учитесь в шахматы играть –
Древнейшую игру.
Она научит побеждать
В учёбе и бою.

Научит думать и решать,
Как верный делать ход.
С ней легче будет мир познать
И совершить поход.

Учитесь в шахматы играть –
Мудрее нет игры.
Её секреты разгадать
Тогда сумеешь ты.

ШАХМАТЫ

Вот игровое поле боя:
Пестрит квадратами доска.
Приказ – и войско удалое
Бежит вперёд, кричит: «УРА!»
Ты, полководец, должен знать,
Что даже в шахматах фигуры
Нельзя бездумно в бой бросать:
Бой – не уроки физкультуры!

КОРОЛЬ

На шахматной доске король
Играет ключевую роль.
И цель игры – его пленить,
Заставить сдаться – победить.

Король противника силён,
Коварен очень и умён.
Он совершает только шаг,
Чтоб не попасть ему впросак.

Все пешки, ферзь, и два слона,
И две ладьи, и два коня
Верны и служат королю,
Бесстрашны в шахматном бою.

На короля напали – шах!
Но он ещё имеет шанс
Спасти и продолжать игру,
Разбить противника в бою!

Но если... шах – спастись нельзя,
То это мат уже, друзья!
Кто мат поставил – победил:
Очко в таблице получил.

Ещё в игре бывает пат,
Когда нет шаха и не мат,
Но королю ходить нельзя:
Кругом запретные поля.

Другим фигурам хода нет,
И наступает тот момент,
Когда кончается игра,
А означает пат – ничья.

ФЕРЗЬ

Он главный в свите короля –
 Нет никого сильней ферзя!
 Он может, как ладья, ходить,
 Как слон, диагональ тропить.
 Ферзя подольше сохрани.
 Не ставь под рубку, не зевни.
 Мы бережём его не зря –
 В бою надёжней нет ферзя!

ПЕСНЯ КОРОЛЯ

Я шахматный король,
 Я пуп земли и соль.
 Об этом знают все
 На шахматной доске.
 Вы, свита вся моя,
 Вы все мои друзья.
 Готов вести вас в бой
 И летом и зимой.

Припев:
 Да здравствует король!
 Он пуп земли и соль.
 Об этом знают все
 На шахматной доске.

Я шахматный король,
 Я пуп земли и соль.
 Я с вами в бой пойду,
 К победе приведу.
 Труба уже зовёт –
 Готовьтесь все в поход!
 Приказа короля
 Ослушаться нельзя.

Припев:
 Наш шахматный король –
 Он пуп земли и соль.
 Приказа короля
 Ослушаться нельзя.
 Мы все – его друзья
 Мы все – одна семья.
 Мы вместе в бой пойдём –
 Победу с ним возьмём.
 Да здравствует король!
 Наш шахматный король!

ПЕСНЯ ПЕШЕК

Мы, пешки, служим королю.
 Бесстрашны в шахматном бою.
 Приказ, и мы идём вперёд –
 Противник дрогнет, отойдёт.
 Мы службу верную несём,
 Охрану короля ведём.
 Король за пешечной спиной
 Укрыт, как каменной стеной.

Припев:
 Мы, пешки, – партии душа,
 И дружба с нами хороша.
 Ты пешки в бой с собой бери,
 О нас заботься, береги.

Мы носим в ранцах у себя
 Мечту солдата – жезл ферзя.
 Кто до конца доски дойдёт,
 Тот это право обретёт.
 Из пешки станет он ферзём,
 В бой сразу бросится с мечом.
 Противник в панике бежит –
 Король поверженный лежит.

Припев.

ПЕСНЯ ШАХМАТНЫХ СЛОНОВ

У короля и у ферзя
 Нам честь дана стоять.
 Играя в шахматы, нельзя
 Нам честь свою терять.

Большую мы играем роль,
 Когда идёт борьба.
 Вперёд нас в бой ведёт король,
 Служить ему – судьба.

Мы, разнопольные слоны,
 Идти готовы в бой.
 Присяге мы всегда верны,
 Король наш дорогой!

НАДЕЖДА

РАССКАЗ

Вокруг Донецка населённые пункты расположены близко друг к другу. Из Надеждиной квартиры с седьмого этажа в ясную погоду можно было увидеть авдеевский коксохимзавод. С балкона, выходящего на другую сторону, просматривалась окраина Донецка, а если, высунувшись из лоджии, повернуть голову налево, то зимой, когда деревья не покрыты листвой, сквозь них виднелись очертания завода, расположенного на окраине Макеевки.

Вокруг Ясиноватой, в районе Донецкого аэропорта, посёлков Спартак и Опытное то и дело звучали взрывы. Чаще всего били по расположенному на дороге, ведущей в Донецк, дэнээровскому блокпосту. Но до последнего момента жители городка верили, что война, казавшаяся каким-то сюрреалистическим явлением, обойдёт Ясиноватую стороной – ведь рядом был крупный железнодорожный узел, который нужен всем – и Донецкой республике, и украинским властям. Тёплая летняя солнечная погода давала положительный настрой, и по зелёному городку по выходным прогуливались люди, многие сидели в кафе.

Днём Надежда работала в ломбарде, располагавшемся в небольшом киоске, оборудованном внутри продовольственного магазина. По соседству стояли несколько столиков импровизированного кафе. Этот магазин Надежда хорошо знала ещё с детства. Он располагался в двухэтажном доме довоенной постройки, рядом с которым находился ещё один подобный дом, куда её родители переехали в 1960 году, – там она росла и жила до самого замужества. В этот магазин ей приходилось частенько заходить, когда мама посылала её за продуктами. Ломбард, в котором она теперь работала, принадлежал её сыну, имевшему также небольшую юридическую конторку в Донецке.

Вообще-то Надежда уже давно была на пенсии, но сын попросил её помочь с ломбардом и даже понемногу платил за это. Ломбард сначала приносил одни убытки, и лишь в последнее вре-

мя начал давать небольшую прибыль. Но когда в Донбассе начались военные действия и вокруг Ясиноватой загремели взрывы, сын, у которого было двое малышей, решил увезти семью подальше от войны. Сначала он перебрался под Мариуполь, но предчувствие подсказало ему, что там спокойной жизни тоже не будет, и он с семьёй переехал сначала поближе к Киеву. А затем его старый знакомый из Западной Украины, на неопределённое время уехавший куда-то в Европу, предложил приятелю пожить в его квартире, и тот принял это предложение.

Надежда покидать город не спешила, не хотела на старости лет срываться с места и надеялась на лучшее. И осталась она за хозяйку ломбарда. Только работы там теперь особо не было. Зарплату в городе не платили, с деньгами у людей было туго, а потому заложенные предметы никто не выкупал, и всё просроченное надо было продавать. Находились люди, имевшие возможность по случаю приобрести золотое украшение, видеоплеер или мобильный телефон. Но таких было немного, и заметной прибыли не получалось.

Чаще подходили люди, желавшие что-нибудь сдать. И когда она отвечала, что в ломбарде нет денег, народ удивлялся и возмущался: «Как это нет денег? А когда привезут?» Кто привезёт? Откуда? В Ясиноватой многие жили ещё советским прошлым, считая, что кто-то должен всех и всем обеспечивать. «Вы должны нас поддерживать в это трудное время», – говорили ей некоторые посетители. Вообще Надежде страшно не нравилась эта работа. «Я себя чувствую какой-то старухой-ростовщицей из Достоевского», – говорила она знакомым. Да и с людьми, сдававшими вещи в ломбард, было непросто. Некоторые откровенно старались обмануть – выдать какую-то безделушку за ценную вещь или подсунуть неистранную бытовую технику.

Важно ещё было не принять краденое. Казалось, хорошая гарантия от этого – документы на

товар. Однажды приняла телевизор, на который у сдававшего его человека имелся паспорт, но оказалось, что телевизор этот украли вместе с документами. Пришлось долго объясняться с милицией. Порой приходили какие-нибудь алкаши и требовали, чтобы у них приняли негодную вещь. Надежда уже не раз просила сына отпустить её с этой работы, но он уговаривал мать поработать до конца года, и она согласилась. А тут война. Двое наёмных сотрудников куда-то уехали, а после отъезда сына Надежда и вовсе осталась один на один с ломбардом и его посетителями. Если кто-то всё же выкупал своё или просроченное, вырученные деньги она тут же отправляла сыну, оставляя себе лишь минимум на пропитание, поскольку выплачивать пенсии в Донбассе уже прекратили.

Артиллерийская канонада вокруг Ясиноватой становилась всё громче и интенсивнее. И однажды несколько снарядов залетели в город. Первый попал в четырёхэтажную школу повышения квалификации железнодорожников. В здании, кажется, никого не было, лишь у входа курили двое мужчин. На них и обрушился фасад здания. Ещё одним снарядом убило семилетнюю внучку Надеждиного соседа по старому дому. Так война пришла и в Ясиноватую.

После этого на ночь люди стали уходить в подвалы. Но Надежда продолжала ночевать дома. Сначала, как обычно, в своей спальне, а потом на постеленном в прихожей матраце.

Свет по ночам включать не рекомендовали, а потом и вовсе из-за обстрелов периодически стала отключаться электроэнергия. Было жутковато оставаться одной в тёмной квартире опустевшего тёмного подъезда, на седьмом этаже девятиэтажного здания, сотрясаемого близкими разрывами. Но это было всё же лучше, чем находиться в сыром, холодном подвале. Рядом с ней всегда примащивался старый рыжий кот, также опасавшийся орудийной канонады. Кота звали Котя. Надежда долго не могла подобрать ему подходящее имя, а одна знакомая, увидев его, восхищённо воскликнула: «Ой, какой котя!» Так эта кличка к нему и приклеилась.

«Я не боюсь», – говорила Надежда знакомым и родственникам по поводу того, что не ночует в подвале, стараясь при этом держаться бодро

и поддерживать чувство энтузиазма в себе и окружающих. До неё доходили слухи о разбитом Спартаке, где у Надежды жила родственница, о разрушениях в Авдеевке, об обстрелах Яковлевки, где Надежда когда-то работала библиотекарем и там вышла замуж за местного шахтёра, ныне уже умершего.

Много лет перед пенсией она, как и мама, проработала на железной дороге, в том числе проводницей в поезде. Эта работа, требовавшая энергии, расторопности и некоторой боевитости (ведь с кем только не приходилось сталкиваться в поездках!), дала ей определённую закалку, благодаря которой она умела не пасовать перед трудностями или перед наглыми, хамоватыми людьми.

Однажды два снаряда угодили в её дом – один в первый подъезд (Надежда жила в последнем), а второй – этажом ниже, отчего у соседки по лестничной площадке провалился пол. «Вот теперь и я боюсь!» – сказала Надежда и тоже стала ночевать в подвале. Вообще ночная жизнь города стала переходить в подземелья. Один из её старых знакомых, который теперь жил в многоэтажке через дорогу, в подвале даже организовал празднование своего юбилея.

Как-то поздно вечером на улицах города послышался сильный гул, шум, громкие голоса – это в город вошла украинская колонна. По телефону позвонил племянник и посоветовал не включать свет, поскольку говорили, будто солдаты стреляют по всему, что светится. Но в ту же ночь украинская колонна ушла, и вскоре в Ясиноватой появился отряд молодых крепких парней в камуфляжной форме – это были ополченцы ДНР. Впрочем, в городе ходили слухи, что это россияне. Они остановились в отдельно стоящем здании кафе «Теремок». Туда пришла инициативная группа местных жителей и стала просить, чтобы ополченцы не оставались в городе, иначе опять начнутся обстрелы. «Мы переночуем и уйдём», – сказали они и обещание своё выполнили. Но спустя какое-то время «Теремок» всё равно сгорел во время очередного обстрела.

Днями Надежда по-прежнему сидела в ломбарде, слушая, как по соседству за столиками местные мужики, попивая пиво, обсуждали военные новости. Однажды по пути домой она

зашла на рынок, расположенный буквально в ста метрах от её дома, купила кое-какие продукты и, едва войдя в свою квартиру, услышала с улицы страшный взрыв и крики, а затем увидела за окном клубы чёрного дыма. Это снаряд ударил по рынку. После этого Надежда стала думать об отъезде, хотя не знала, как оставить ломбард. Но вскоре снаряд прилетел и в магазин, где он располагался. Ей повезло, что это случилось, когда её там не было. Повреждённый ломбард был частично разграблен. Теперь она точно знала, что уедет.

«Странно так всё, – думала Надежда. – В годы Великой Отечественной войны в Донбассе бабушка с дочкой и двумя сыновьями так же пряталась от бомбёжки, и в её дом тоже попал снаряд. Теперь на старости лет и я переживаю такую же беду. Кто бы мог подумать, что это может произойти! Казалось, после Второй мировой до Донбасса может лишь ядерная боеголовка долететь, но и это было бы на уровне фантастики. А чтобы вот так: солдаты, танки, пушки, развалины!..» Весной в Донецке умирал её родной дядя. Перед смертью он сказал ей: «Надо же, ерунда какая: в моём детстве была война, и теперь, когда я умираю, опять война!»

Перед отъездом Надежда подумала, что надо сходить на кладбище, посмотреть, как там памятники бабушке, маме, отцу – ветерану Великой Отечественной. Не дожили они до этих дней, не увидели всего этого. По кладбищу тоже была артиллерия, и неизвестно, что теперь там творится. Но идти туда страшно. Кладбище – в степи за городом, в направлении Авдеевки. А ведь именно оттуда бьют всё время украинские войска. Ну а на могилу к мужу, похороненному в его родной Яковлевке, сейчас и вовсе непросто выбраться. И она оставила эту затею до лучших дней – должно ведь всё это когда-нибудь закончиться!

Сын по телефону договорился, чтобы её довели на автомобиле до Амвросиевки, где ещё ходили поезда. Оттуда через интернет он приобрёл ей железнодорожный билет до Киева, сразу оплатив его, так что Надежде оставалось только назвать в кассе определённый код. Таким же образом он купил матери билет в Западную Украину. И Надежда, оставив Котю на попечение соседки, отправилась в дальний путь через ли-

Дмитрий СЕРГЕЕВ

Дмитрий Алексеевич Сергеев родился в 1956 году в Донбассе. Служил в ГСВГ, окончил исторический факультет Донецкого университета. В 1984 году переехал в город Сургут. Работал в школе, в системе МВД, в средствах массовой информации. В 1994 году вступил в Союз журналистов России, в 2002 году принят в Союз писателей России. Имеет около 200 литературно-художественных публикаций в периодических изданиях. Пишет стихи, прозу, краеведческие материалы. Издал 14 книг. С 2015 года проживает в Тюмени.

нию боёв, через донецкие и украинские блок-посты. Появившееся в последнее время сильное нервное напряжение прошло только тогда, когда она выехала из зоны боевых действий.

И вот она уже в тихом, спокойном городке. На улице чудесная осень. Она гуляет с внуками, по ночам не просыпается от артиллерийской канонады. И казалось бы, всё хорошо, но всё больше мучает её ощущение, что это чужая земля, чужой город, в котором не говорят на русском, а на русскоязычных людей с востока часто смотрят косо. «Я русский человек, – сказала она. – Мне это всё не близко, и я хочу домой, тем более что в Донбассе объявлено перемирие».

Тем временем приближалась зима, надо было ехать за тёплой одеждой, и Надежда с охотой взяла эту миссию на себя. На этот раз добиралась через прифронтовую Мариуполь. И снова – Ясиноватая. Квартира оказалась целой, но город вызывал жалость и тоску – всюду следы обстрелов, пенсии не платят, зарплату получают

в основном только железнодорожники, да и то не всю. Непонятно, как люди выживают. Говорят, в Донецке раздают российскую гуманитарную помощь, но до Ясиноватой она не доходит. По ночам снова слышна канонада. Да иногда и днём простреливают. Надежду поразила молодёжная компания, сидевшая у подъезда во время обстрела.

– Вы хотя бы в подъезд зашли, – сказала она им, поспешая в укрытие.

– А какой смысл? – ответили ей. – Всё равно, что на роду написано, то и будет. От судьбы не уйдёшь.

Многие молодые люди под гул артиллерии продолжали прогуливаться по городу как ни в чём не бывало.

На этот раз Надежда всё же выбралась в Яковлевку на могилу мужа, благо автобус туда иногда ещё ходил. Во время поездки рядом с дорогой упал миномётный снаряд, затем – ещё один. Пассажиры всполошились.

– Выбирайте из двух вариантов! – закричал водитель. – Останавливаемся и разбегаемся по степи или съезжаем с дороги и маневрируем!

– Маневрируем! – почти хором закричали пассажиры.

Местность была довольно ровной, погода сухой, и автобус зигзагами, подпрыгивая на кочках, понёсся по степи. Где-то в стороне упали ещё две мины, а потом наступила тишина.

Надгробная плита мужа на яковлевском кладбище была цела, но лежала плашмя на земле. Надежда подняла и установила её с помощью знакомых местных жителей. Их теперь было немного. Некогда оживлённый шахтёрский посёлок стал приходиться в упадок, улицы заросли бурьяном, и говорили, что летом в огородах было столько гадюк, что без сапог туда лучше было не ходить, чего раньше в Яковлевке никогда не было.

Затем Надежда вернулась в Ясиноватую и оттуда поехала в Макеевку, на квартиру сына. В районе, где он раньше проживал, было тихо и не было разрушений. На лавочке возле дома сидели старушки, обсуждавшие новости и утверждавшие, что «надо бить укропов».

– Может, хватит уже бить друг друга? – спросила Надежда. – Пора уже договариваться да заканчивать весь этот кошмар.

– Нет, – ни в какую не соглашались старушки. – Укропов надо бить!

На следующий день Надежда собиралась вернуться в Ясиноватую, но оттуда доносились громовые звуки. Она позвонила старой знакомой. «Сюда вошла украинская колонна, – сказала та. – Сейчас идёт сильный бой. Так что сиди в Макеевке, сегодня не возвращайся». Колонну ту дэнээровцы разбили, и Ясиноватая осталась под их контролем. А Надежда задержалась в Макеевке. Она не знала новостей, не смотрела никаких передач, просто наслаждалась тишиной и одиночеством. Тёплые вещи семье сына она отправила почтой, а свой отъезд откладывала со дня на день, с недели на неделю. Всё-таки здесь она была дома. Однажды ночью Надежде приснилась мама. Она изо всей силы трясла её за плечи и не переставая громко кричала: «Надя! Надя! Надя!..» Надежда проснулась и села на кровати. Вокруг было темно и тихо. И вдруг раздался страшный долгий грохот. Стены тряслись, весь дом ходил ходуном. А мимо окон проносились яркие огни. Казалось, сознание полностью отключилось, и осталось только чувство ужаса и инстинктивное желание куда-то бежать, где-то прятаться. Но куда бежать с восьмого этажа?

«Всё! – сказала утром Надежда самой себе. – Ещё один такой обстрел, и я заработаю инфаркт». Она собралась и поехала к сыну. Снова чужой, но тихий и спокойный город, внуки, политические споры между сыном и его женой, занимающими в донецких событиях противоположные позиции. Сын надеялся, что Майдан приведёт Украину к светлому будущему. Теперь, когда в Донбассе шла война, а на Украине ничего хорошего не предвиделось, он мечтал уехать в Европу, правда, было неизвестно, куда именно, зачем и на какие средства. Кое-какую подработку в интернете он себе нашёл, впрочем, как и его жена, но этого было недостаточно. Жена мечтала вернуться в Донбасс, как только там станет спокойно. Как-то вечером Надежда краем уха слушала их очередной спор и смотрела новости по телевизору. Одно сообщение сразу привлекло её внимание, вызвало некоторое волнение и заставило опять призадуматься: в зоне АТО снова начиналось какое-то перемирие...

Дмитрий СЕРГЕЕВ

2015 г.

ВИДЕНИЕ

Мы отдыхали – лежали на пригорке в тени столетней плакучей берёзы, курили и поглядывали на развалины деревенской церкви. Стояла самая середина лета, южный ветер нёс с цветущих лугов сладкую пыль, порою гнал по их косякам волну, и всё время не переставая однообразно шумела над головой могучая крона. Я поднял голову: солнце пылало почти в зените, а необозримая синева неба была настолько густой и глубокой, что казалась нездешней, тропической. «Господи, хорошо-то как», – подумал я, оглядываясь кругом. Недалеко от развалин, ближе к реке, обосновалась крохотная пасека – пяток ульев, разбросанных среди старых яблонь, – а чуть дальше омшаник и домишко старика, угощавшего давеча нас мёдом. Поставил на пенёк перед избой эмалированный таз, где вместе с тягучим нектаром плавали кирпичные обломки сот, а рядом ведро ледя-

Андрей МАРКИЯНОВ

Андрей Александрович Маркиянов родился в России, в г. Тюмени. Образование среднее – 10 классов. Стихи начал писать лет в 12. Прозу – во время прохождения военной службы.

Стихи и рассказы публиковались в журналах «Сибирские огни», «Сибирское богатство», «Врата Сибири», в коллективном сборнике «Времена, в которые верю», а также в Австралии – в русскоязычном литературно-художественном журнале «Жемчужина» (г. Брисбен). В 2008 году вышла книга стихов и прозы «Ожидание близких снегов».

ной воды из колодца. И, усмехнувшись, сказал:

– Без ей никак нельзя, а так в аккурат будет.

– Что ж, дед, не скучно здесь одному на отшибе?

– А на кой она мне, деревня-то. Чего я там не видал?

– Да ведь как, сосватал бы старушку – всё, глядишь, не один.

– А на кой она мне, старушка-то? Чего мне с ей делать? Мне окромя собаки да кошки никого не надо, привык.

Ещё дальше за пасекой, за песчаным обрывом реки, источенным раковинами птичьих гнёзд, на многие километры тянулись леса, фиолетовым обручем стягивая горизонт, и вся картина, исполненная неги, чистоты и покоя, будила мысли о временах старозаветных, загадочных...

– Когда я смотрю на эти руины, мне хочется выть от отчаяния, – сказал один из нас, художник с ястребиным носом, с бледно-голубыми пронзительными глазами. Он встал на колени, сложил на груди мускулистые руки и некоторое время стоял так, с торжественной строгостью глядя перед собой. Потом театрально закончил: – Не задумываясь, отдам обе ноги и левую руку за возможность воочию видеть допетровскую Русь. Эх. Не в своё время родился я, не в своё.

– Присоединяюсь! – тотчас заявил, поворачиваясь на бок, поэт – молодой человек с делано мрачным бородатым лицом дровосека. – Я тоже чужой на этой мусорной свалке, где давно не осталось ничего святого. И даже вера в Бога вырождается непонятно во что. Увы, увы – всё тонет в фарисействе.

– Вера. Да при чём здесь вера, – с досадой возразил художник. – Дело не в вере, а в верующих, люди теперь стали не те. Они не верят в чудеса, в жизнь после смерти... то есть, может, они и хотят, да не могут, не получается. Вот вам набросок с натуры. Был я как-то под Рождество в нашем Успенском соборе, стоял, слушал пение хора и вдруг вижу: входит парень лет семнадцати, и по тому, как робко приближается к небольшой группе верующих у амвона, понимаю, что в церкви он в первый раз. Подошёл, остановился недалеко от меня и замер с расширенными глазами, поражённый всем этим внутренним великолепием убранства, торжественностью и чистотой голосов, плывущих с хоров под сводами церкви. Одного он не сделал – не снял по незнанию шапки. Тут

к нему подбегает похожая на ведьму гнутая старуха в чёрном – из тех, что шатаются там с утра до вечера, – подбегает и с силой срывает с него шапку. И столько было в змеиных глазах её холода, когда она прошипела: «Нехристь несчастный», что мне стало не по себе. Лицо парнишки побледнело, а от испуга и растерянности на глазах его выступили слёзы. Он забрал у неё шапку, опустил голову и торопливо направился к выходу. Какие, скажите, понятия могла внушить ему о Вере эта карга с её казарменными ухватками? А ведь именно она в ту минуту являлась для него олицетворением православного человека. Какие уж тут чудеса. Какое тут, к чёрту, бессмертие.

Пока художник предавался воспоминаниям, а поэт мрачно вторил ему, наш четвёртый приятель, до сих пор не проронивший ни слова, сидел у берёзы и пил из термоса квас. О нём следует сказать особо, поскольку, собственно, благодаря ему и ведётся этот рассказ. Он приходился художнику шурином, был значительно старше нас и слыл мужчиной сугубо практическим, с успехом занимался коммерцией и другими серьёзными делами, а нрав имел суховатый, несколько замкнутый, при всём этом оставаясь человеком добрым и искренним. Звали его Иваном Романовичем. Ростом он был невелик, туловищем коренаст, с большой головой и коротким, побитым сединой волосом. Он носил выпуклые дымчатые очки в золотой оправе, а лицо его было самое обыкновенное – широкое спокойное лицо учителя сельской школы. За последний месяц он уже дважды выезжал с нами на природу и, судя по нему, остался вполне доволен. Когда художник умолк, Иван Романович поставил термос между колен, снял очки и, сдвинув брови, многозначительно произнёс, ни к кому в отдельности не обращаясь:

– Всё это очень неприятно, я имею в виду выходку той фанатичной старушки, но не так уж и страшно. Куда неприятней нынешнее поголовное лицедейство, когда, к примеру, разодетые в пух и прах барышни являются в церковь, как в театр, из желания не столько увидеть спектакль, сколько принять в нём участие. Не-

вероятно, но факт: на церковь повальная мода. Сколько раз я наблюдал, как появляются там эти новообращённые грешницы, демонстрируя публике дорогие меха и сногсшибательные драгоценности. И всё это с притворным смирением, со лживой скорбью лица. Быть такой грешницей необычайно модно. Я, разумеется, не против мехов и прочего, отнюдь нет, но церковь, повторяю, не театр, и выглядеть тут нужно скромнее.

– Согласен. Для меня скромность – синоним смирения, – проговорил в задумчивости художник.

– Но всего печальнее то, – ещё многозначительнее сказал Иван Романович, – что и церковь нынешнюю всё это, похоже, устраивает. И фанатичные старушки в облике надзиратель, и святая вода прихожанам напрямую из грязной бойлерной, и лицемерные господа, для которых служители Божьи готовы теперь на многое – не только освятить новый комфортабельный бордель в центре города, но как в той сказке, помните? Заплатил мужик попу как следует, так он издохшую собаку отпел в царствие небесное. Всё повторяется, молодые люди, но с той лишь разницей, что батюшка современный куда наглей и бессовестней своего туповатого предшественника – анекдотическо-го пьяницы и любодоя.

– Но женщина всегда останется женщиной, даже в церкви, – с усмешкой заметил поэт. – Это у них в крови.

– А теперь относительно чудес, – снова заговорил Иван Романович, но неожиданно замолчал, задумался, покусывая стебелёк одуванчика. Наконец нетерпеливый поэт обратился к нему:

– Вы, кажется, сказали – чудес. Каких чудес, Иван Романович?

Иван Романович поправил очки и смущённо ответил:

– Самых настоящих, конечно. Но, может быть, вам неинтересно?

Мы немедленно возразили и приготовились слушать.

– Имейте в виду, рассказчик я никудышный, но уверяю вас, всё случившееся со мной

истинная правда, и до сегодняшнего дня никто об этом не знал, за исключением моей супруги. Эта маленькая тайна много лет согревает мне душу. Мне всегда казалось, если я сообщу о ней, во-первых, мне не поверят, а во-вторых, все чары развеются и я лишусь своего бесценного подарка, обладателем которого так неожиданно стал. Но сегодня, слушая вас и глядя на развалины церкви, я вдруг подумал: пусть люди знают, что чудеса бывают не только в библейских писаниях... Тут среди нас находится писатель, – добавил он, указывая на меня, – и если он напишет правдивый рассказ, отчасти похожий на сказку, я буду искренне рад, поэтому как уверен: правда всегда отыщет путь к сердцу читателя.

– Возьмусь с удовольствием, – сказал я, польщённый доверием. – Но с одним условием, Иван Романович.

– Каким же?

– Чтобы правда выглядела правдоподобно, ваша история будет изложена языком автора, то есть моим.

– Согласен, – улыбнулся Иван Романович. – Но и у меня есть условие. Прежде чем рассказ будет опубликован, вы прочтёте его всей нашей компании. И случится это у меня дома за бутылкой хорошего вина.

Он пустил термос по кругу и, когда мы напились и с удовольствием закурили, неторопливо начал:

– Случилась эта необычная история лет тридцать назад, в те времена, когда я работал в одной торговой конторе и попутно оканчивал заочное отделение Плехановского института. Мать моя, женщина глубоко верующая, окрестила меня, а позже и сестру в самом раннем детстве, так что сколько я себя помню, верить в Бога для меня было так же естественно, как, например, дышать или пить воду. Я никогда особенно не задумывался, не философствовал на тему: что такое есть вера в Бога и сам Бог, просто верил, и всё, но без фанатичного подострастия, оно всегда мне претило. Отец, партийный чиновник, человек холодный и молчаливый, занимал в нашем городе ответственный пост, но и он, как я позже узнал, был

крещёным и верующим. Конечно, в школе, а потом и на работе не догадывались, что я посещаю церковь, читаю Библию и по возможности соблюдаю пост. В школе меня засмеяли бы, а на работе смотрели бы, как на реликт, выброшенный морем на сушу. Такая перспектива меня не устраивала. Я знал, что быть не таким, как все, в нашем обществе крайне обременительно, и потому старался не выделяться, правда в силу характера был необщителен, не принимал участия в коллективных дискуссиях на службе, но это только играло мне на руку – начальство не любит болтливых. И всё-таки человеком я слыл себе на уме, а некоторые до сих пор видят в моей замкнутости либо корыстолюбивый расчёт, либо самое обыкновенное бездушие. Бог с ними, я не в обиде. Я и в самом деле никогда не имел близких друзей, как-то уж так получилось, а все мои знакомства не выходят за рамки практического, делового свойства. Нелегко я сходилась и с женщинами. Не то чтобы я бежал их общества, нет, но в большинстве своём они казались мне существами пустыми, болтливими, мысли и желания их были примитивны, а поведение отличалось жадной игрой, самолюбования и позы. Не отрицаю, я идеализировал женщину, вероятно, поэтому и женился так поздно. Но встретил я именно ту, о которой мечтал, и опять-таки не без Божьей помощи. А пришла эта помощь очень естественно и, на первый взгляд, совершенно случайно, поскольку знакомство наше состоялось в церкви, сразу по окончании службы. Мы оказались рядом, шли рука об руку к выходу, и когда вышли на обледенелую паперть, я осторожно поддержал её за локоть, а она улыбнулась и благодарно кивнула. Да, именно так всё и было... Но, кажется, я заболтался, тем более это не относится к делу.

– К делу относится всё, – не замедлил вставить поэт. – Продолжайте, Иван Романович, я весь внимание.

– В первый раз слышу, – добавил художник, покосившись на шурина. – Я часто беседую с Ириной Викентьевной на самые разные темы, вы знаете, как я ценю её мнение. Но о вашем романтическом знакомстве узнал только сегод-

ня... Да и не только о нём одном, – закончил он, обиженно дёрнув губой.

– Ну-ну, – сказал Иван Романович, – возьми-ка вот, хлебни лучше квасу, дай бог здоровья этому пасечнику. Итак, на чём я остановился?

– На том, как вы познакомились в церкви, – ответили мы.

– Так. В церкви. Верно. Думаю, церковь и явилась связующим звеном между мной и теми странными событиями, что последовали вскоре за её посещением. Нет, я говорю не о том дне, когда познакомился с Ириной, а о более раннем времени. В тот год я уехал в Москву на сессию, недурно выдержал экзамены и решил позволить себе вполне заслуженный отдых. Я поехал в Рославль, старинный провинциальный город километрах в трёхстах от Москвы, где жила моя тётя, и там у неё в просторном бревенчатом доме с беседкой в яблоневом саду провёл две чудесные и самые спокойные в моей жизни недели. Сад был старый, запущенный, по ночам в нём пел соловей, а днём среди яркой зелени переливалась на солнце паутина и на цветах по-хозяйски гудели шмели. Последний раз я гостил у тётки, будучи школьником, и всё-таки по приезду сразу отметил, как мало она изменилась – разве что сизым стал румянец на скулах, да ещё уплотнилось короткое, полногрудое тело, ещё тоньше и суше стали ноги, обутые в мягкие тапки без задников. Ко мне она относилась по-старушечьи ласково, но без умиления, не суежилась без толку, словом, предоставила меня самому себе, занимаясь в основном тем, что утром готовила завтрак и до обеда уходила к соседке, где за разговорами они выпивали бутылочку вина, а после сидели у калитки, покуривая папиросы. Их роднило не только то, что обе в войну потеряли мужей, но и то, что после войны они так и не вышли замуж, при этом не особенно оберегая вдовье целомудрие, которое так любили обсасывать писатели и драматурги советского времени. Но это я так, между прочим. К обеду она возвращалась, собирала на стол и часа на два ложилась вздремнуть, а после опять уходила до вечера. Таким образом, повторяю, я был предоставлен

самому себе, и не скажу, что вынужденное одиночество доставляло мне огорчение, более того, оно действовало почти наркотически. С тихой беспричинной радостью, а может, со сладкой печалью бродил я по зелёным улицам древнего города, смотрел на крепкие старинные дома, на их степенных владельцев, в большинстве своём пожилых и хозяйственных, шёл мощённой булыжником улицей мимо красного кирпичного здания, где когда-то размещалась немецкая комендатура, и почти не встречал машин – лишь изредка мотоцикл или полупустой автобус нарушали своим рокотом этот патриархальный покой. И в таком вот счастливом однообразии прошли почти две недели. Незадолго до отъезда, тем памятным воскресным днём, я отправился в церковь, трёхглавый храм, сквозивший пролётами пустой колокольни, отстоял обедню и, подходя ко кресту, обратил внимание на то, как пристально посмотрел на меня седобородый священник, должно быть, удивлённый моей молодостью. И в самом деле, хотя людей собралось порядочно, все они были не первой молодости, а проще сказать, старики. Я вернулся домой, спать лёг раньше обычного, и приснился мне удивительный сон: я стою внутри церковной ограды, а вокруг полным-полно празднично одетых ребятшек, ну просто как в детском саду. И все они что-нибудь держат в руках, кто кулич, кто пряник или конфету. В изумлении я огляделся и у самой ограды, в отдалении от других, увидел мальчика лет семи, одетого в белую рубашку и чёрные брючки, который не мигая смотрел на меня, а потом сдвинулся и медленно пошёл навстречу. И я тоже пошёл к нему, почему-то спеша и немного волнуясь. Когда мы поравнялись, я присел и взял его за руки.

«А у тебя почему нет ни булки, ни коржика?» – спросил я его. «Не принесли, – ответил он тихо, – уже давно не приносят. Только вот это», – он разжал пальцы, и я увидел на ладони несколько двадцатикопеечных монет. Я сжал его локти. «Как же так, почему?» – Потому что здесь у меня никого не осталось». – «А где же они?» – «Мама и папа живут в вашем городе, – сказал он, вздохнув, – а бабушка умерла ещё раньше». – «Понятно. А как же тебя звать-ве-

личать?» – «Серёжа». – «Так. И что же я должен делать, Серёжа?» – спросил я, поражаясь своему спокойствию и рассудительности. «Как приедете, зайдите на улицу Степную, номер двенадцать, и передайте, что я жду. Я и нынче их ждал, в родительский день, да только они не приехали...» – «Скажу, родной, обязательно скажу». И я поднялся, держа его за руку.

«Ну, мне пора», – сказал он, указывая на распахнутые ворота церкви, куда гурьбой устремились дети. Я проводил его до входа, за которым не было ничего, кроме могильного мрака, и напоследок спросил: «Ты сказал, Степная, двенадцать, а номер квартиры?» – «Это частный дом. Там почти все дома частные, вы должны знать об этом». – «Извини, запомню». – «Это вы меня извините, – сказал он и бросил взгляд на мрачно темнеющий вход. – Прощайте, спасибо за вашу доброту. И за веру. Но знайте, здесь всё не так, как вы думаете, дядя Иван». – «А как же здесь? Как?» – спросил я, испытывая сильную душевную муку. «Я и сам не всё понимаю, я ведь маленький, – ответил он и снова вздохнул. – Прощайте. И не спешите жить, живите подольше».

Я сказал – сон. Нет, конечно, не сон, а самое настоящее видение, поскольку не только лицо его, но и многие лица детей я до сих пор помню так ярко и отчётливо, что, будь я художником, давно написал бы их.

– Невероятно, – еле слышно сказал поэт, закрывая глаза.

– Да-да! Говорю вам – истинно так! – разволновавшись до красноты ушей, настойчиво продолжал Иван Романович. – Утром я записал адрес в блокнот, хотя, собственно, и записывать-то не имело смысла, он отпечатался в моей голове навеки. Спустя два дня я вылетел из Москвы домой и по прибытии, ближе к вечеру, отправился на Степную. Был это старый, похожий на деревню район на окраине города, где многие семьи в то время ещё держали домашний скот, а кривые улицы с деревянными тротуарами и заглохшими колеями замысловато петляли, оканчиваясь то тупиком, то переулком, этаким щелью между заборами, настолько тесной, что двум встретившимся прохожим разойтись там

было довольно сложно. Не без труда разыскал я в этом хаосе нужный адрес и, признаюсь, не без трепета надавил на щеколду и вошёл во двор. Что ж, дом как дом, небольшой, бревенчатый, рядом баня и нечто похожее на стайку. Двор чистый, поросший кудрявой травой с песчаными залысинами, с натянутыми поперёк бельевыми верёвками. Всё это я разглядел, пока топтался у крыльца, не решаясь войти в открытые двери сеней, в то время как в доме (я услышал отчётливо) напряжённый женский голос затянул колыбельный мотив. «Э, да у них маленький ребёнок», – подумал я и решил подождать, присел на ступеньку крыльца, размышляя о сложности предстоящего разговора, ни минуты, впрочем, не сомневаясь в правдивости своего видения. Да, с того самого мгновенья в Рославле, когда я проснулся и записал адрес, я уже твёрдо знал, я был уверен, что всё случившееся со мной неспроста, что волею судьбы я оказался жителем города, куда за тысячу вёрст переселились родители мальчика, и я обязан выполнить его просьбу. Одного я не знал: как вести разговор, не рискуя прослыть сумасшедшим. Немного погодя пение прекратилось, а через минуту в глубине сеней мягко хлопнула дверь, ударил сквозняк и заскрипели крашенные половицы... Я быстро поднялся. Передо мной, с вопросительно поднятыми бровями и ворохом ползунков в руках, стояла невысокая смуглая женщина в пёстром ситцевом платье, несколько полная, черноволосая, черноглазая, с синеватым пушком вдоль щёк и над верхней губой. И тут меня одолели сомнения. Мальчик, явившийся мне той ночью, не имел с ней ни малейшего сходства. Он был типичный славянин, русые волосы, голубые глаза, а здесь чувствовалось присутствие совсем иной крови. Мысли мои смешались, я потерялся и вместо того, чтобы хоть что-то сказать, только тупо смотрел на неё, между тем как пауза всё затягивалась. Наконец женщина нашлась, она с вежливой усмешкой спросила: «Почему вы так на меня смотрите? Мне кажется, я вас не знаю». – «Не знаете, – подтвердил я, выходя из оцепенения. И тут же, не сходя с места, решил покончить со всеми недоразумениями. – Скажите, вы жили когда-нибудь в Рославле?» – сказал

я, переставая дышать. «О! – воскликнула она удивлённо. – Конечно, жили. Я же родом оттуда. Но как вы узнали? Мы уехали из Рославля пять лет назад». – «Всё ясно, всё ясно», – забормотал я, бесцельно шаря по карманам. «То есть, что значит – ясно? – спросила она в замешательстве. – И как вы разыскали наш дом? В Рославле у нас никого не осталось».

Я сел на ступеньку и, глядя снизу вверх в её тревожные глаза, негромко сказал: «Почему не осталось... А на кладбище?»

Она выронила из рук ползунки и, прикрыв ладонями рот, стала пятиться, пока не упёрлась в косяк.

«Кто вы? Что вам нужно?» – сказала она испуганным шёпотом. «Скажите, у вас был сын Серёжа?» – спросил я как можно спокойней. «Боже! – прошептала она, – конечно, был. Он умер шесть лет назад и похоронен на городском кладбище... Но, ради бога, ответьте наконец – кто вы такой и что всё это значит?» – «Сейчас объясню. Только не пугайтесь, а постарайтесь понять и, главное, поверить в то, что я расскажу».

И я рассказал ей всё до мельчайших подробностей. Закончил я приблизительно так: «Он просил передать, что ждал вас в родительский день, ждёт и сейчас и вообще, как я понял, будет рад вам в любое время. Красивый мальчик. Только уж слишком печальным он выглядел там, среди сверстников». – «Просил передать», – повторила она и побледнела той пепельной бледностью, что бывает обычно у смуглых. Потом села рядом со мной на ступеньку. «Да, всё правильно, – с горечью прошептала она. – Я иногда подаю нищим мелочь, прошу помянуть Серёжу... вот и нынче в родительский день подала. Но адрес... Он что же, и адрес вам дал?» – «Он и дал, а иначе как бы я вас разыскал?»

Она вдруг жалко улыбнулась, и губы её задрожали. Страдальчески глядя на меня, она забормотала умоляющим голосом: «Ну пожалуйста... прошу вас, не мучьте меня! Для чего вы всё это придумали? Что я сделала, чтобы так страшно шутить надо мной?»

Я взял её за руку. «Успокойтесь, я редко шучу. А уж тем более на подобные темы». – «Да что же это такое, Господи!» – «Между прочим,

могу сказать ещё кое-что. На его правом виске я заметил небольшой шрам. Вы случайно не знаете о его происхождении?»

Она с ужасом взглянула на меня и безвольно опустила голову. «Как мне не знать, если шрам и был причиной его смерти. Мы возвращались из магазина, когда его сбил самосвал. Была зима, гололёд... Он ударился виском о ледышку и умер по дороге в больницу. У меня на руках. Так, знаете, вытянулся и тут же стал холодеть...»

Она опёрлась о половицу ладонью, хотела встать, но неожиданно положила голову на моё плечо и расплакалась. Потом поднялась и сказала, икнув: «Идёмте, я покажу его фотографии». – «Мы разбудим ребёнка, принесите-ка лучше сюда». – «Как хотите», – сказала она покорно, ушла в дом и скоро вернулась с большим альбомом в красном плюшевом переплёте. Несколько первых страниц занимали фотографии Серёжи (я сразу узнал его), начиная с рождения и заканчивая последней, снятой в детском саду у песочницы, где он стоит, поджав губы, одетый в матроску и вытянув руки по швам. Она предложила мне взять фотографию, но я отказался, объяснив тем, что в моей памяти мальчик навсегда останется таким, каким я увидел его на церковном дворе.

«Я понимаю, я понимаю», – ответила она, думая, однако, о чём-то своём, сокровенном. И тут до меня дошло: в ту минуту она находилась не здесь, она была с давно умершим и всё-таки живым ребёнком, смотрела на него моими глазами, говорила с ним моим голосом, а моё присутствие было уже не важным.

«Не забывайте, вы теперь человек меченый», – сказал я, прощаясь и пожимая ей руку. «А вы?» – спросила она, улыбнувшись сквозь слёзы, и снова икнула. «Ну что вы – я только посредник», – ответил я, и на том мы расстались.

– Но вы были ещё на Степной, виделись с женщиной? – нетерпеливо воскликнул поэт.

– Нет, не был. Но женщину видел, и вот при каких обстоятельствах. С тех пор прошло около трёх лет. Однажды зимой, в самые Святки, захватила меня жгучая метель неподалёку от Старо-Никольского кладбища, которое, как вы знаете, уже лет тридцать закрыто для по-

гребений. При кладбище имелась одноглавая, жалкая своим заброшенным видом церквушка. С отвалившейся по фасаду штукатуркой, с мерзкой тёмно-зелёной краской купола и тем не менее всегда открытая для прихожан. Я решил зайти обогреться, а заодно поставить свечу «всем святым». Вхожу, и что вы думаете? В церковной лавке за деревянной перегородкой вижу её, эту самую женщину. Стоит в белой кофточке, чёрной юбке и чёрном, по-монашески повязанном платке. Стоит и продаёт прихожанам свечи, лампадки, крестики, рядом ящичек для пожертвований. Она сильно изменилась, похудела и даже постарела внешне: черты её поплёкшего лица стали тонки и болезненны. Но зато как чудесны были её тёмные библейские глаза, струившие тихий свет и смирение. Я было хотел подойти и поздороваться, поговорить, но, поразмыслив, решил не смущать её, отступил в тень и незаметно покинул церковь.

– Но почему?! Почему вы не поговорили с ней, не расспросили?! – почти закричал поэт. И сокрушённо добавил: – Вы были обязаны к ней подойти!

– Кажется, пахнет грозой, – предупредил художник, кивая на юг, где весь горизонт вместе с полями и лесом накрыла тенью гигантская чёрно-серебристая туча, озаряемая снизу блеском ветвистых молний, и уже погромыхивало. Внезапно всё стихло, куда-то пропали птицы с их разноголосым щебетом, исчезли стрекозы, и лишь комары неустанно ныли в густой неподвижности воздуха, насквозь пропитанного терпкой духотой цветущих лугов.

Иван Романович открыл термос и налил себе квасу.

– А я не жалею, что поступил именно так, а не иначе, – сказал он невозмутимо и высоко поднял наполненную до краёв кружку. – Послушайте, она себя обрела, нашла свой единственный путь, своё место, стала ближе и к сыну, и к Богу. И мне показалось тогда неприличным и даже жестоким напомнить ей о себе. Вы понимаете, о чём я? Ну вот и отлично. Теперь всё, спасибо, что выслушали. Ваше здоровье, молодые люди!

Андрей МАРКИЯНОВ

Марфуша

**Ирина АНДРЕЕВА
(КАТОВА)**

Автор деревенской прозы. Родилась в отдалённом селе Абатского района Тюменской области. Училась на строителя и работала мастером на стройке. Затем секретарём в НИИСХ Северного Зауралья.

Публиковалась в альманахах: «Врата Сибири» (г. Тюмень), «Живое слово» (г. Тюмень), «Ковчег» (г. Тула), «Бийский вестник» (Алтай).

Живёт в пригороде Тюмени. Член Союза писателей России.

Завести козу супруги решили после того, как лишились коровы. Заболела Апрелья. Много в тот год скота в деревне пало – эпидемия прошла.

Покупать новую? Накладно, и сил у хозяев не стало, годы немолодые. А как в деревне без молочка? Решили приобрести дойную козочку. Сена на неё потребуется мало, прокормится вместе с овцами.

На ловца, как известно, и зверь бежит. Супруга увидела в газетке объявление: «Продаётся молочная стельная коза-первокотка. Недорого», адрес и телефон. Первокотка – это значит первый раз козлёночка принесёт.

Позвонили продавцу, договорились, поехали в другую деревню по указанному адресу.

Заводчица коз оказалась приветливой и доброжелательной, объяснила всё подробно, уточнила:

– В конце февраля появится вымечко, а вскоре и приплод ждите.

Козочка оказалась миниатюрная, пригожая: животик белый, спинка и ножки чёрные, глазки умные, бородка аккуратная, рожки небольшие, сама шустрая. Новая хозяйка назвала её Марфушей. Привезли домой, пустили к овцам в хлев, только в отдельную загородку, где обычно содержали ягнят. Огляделась Марфуша на новом месте и ну плакать: «Ме, ме-е-е». Хозяин с хозяйкой решили, что скучает она по своим сородичам и к новому месту пока не привыкла. Ничего, свыкнется. Ушли.

Только нет покоя козочке, плачет и плачет сиротка. Пошёл хозяин посмотреть, а Марфуша, оказывается, не плачет, а требует, чтобы её в общий загон к овцам пустили – так и прыгает на заборку. Пошёл по воду, а там у колодца сосед погодился, советует:

– Выпусти её, она себя в обиду не даст. Ты коз не знаешь.

Послушался хозяин, выпустил, а сам вышел и наблюдает в дверную щёлку. Видит, коза стоит посреди стайки, а овцы по углам рассыпались-разбежались. Только которая попытается приблизиться, Марфуша её прочь гонит, кричит угрожающе, разбежится да как даст рогами в бок. «Вот так коза-дереза!» – думает хозяин, зашёл убедиться, видит: сам старый баран-предводитель

забился в тёмный угол, смотрит продолговатыми зрачками, говорит своим сударкам:

– Бе-е-е, б-бе! – что на овечьем языке значит: «Беда, беда, какое-то чудо в хлеву появилось, лучше от него держаться подальше».

Марфуша отвечает:

– М-ме, ме-е! – «Меня не трогать!» Вот ведь бедовая какая!

Стали жить вместе. На ночь Марфуша себе самую тёплую лежанку выбрала. Да чтобы больше никого рядом не было – барыней лежит.

– М-ме! – «Место моё!»

К хозяину привязалась больше всего. Придёт он в хлев, корма, воды задать, с подопечными разговаривает, а с Марфушей вовсе на её языке, спрашивает:

– И чего ты всё «ме» да «ме»?

– М-ме! – Марфуша ему отвечает: «М-меня покорми». И покуда он не уйдёт, всё бегаёт за ним, мекает.

Как-то задумал хозяин убрать в хлеву, вывезти из яслей (кормушек) объеди, сухой подстилки натаскать. Объеди – это такое объединённое до сухих былок, негодное на корм сено. Уложил их на волокушу – санки без полозьев, повёз за хозяйственный двор по снежной целине. Глядь,

а Марфуша следом скачет. Копытцами по насту, проваливается по самое брюхо, но обратно не бежит, приоровилась в хозяйский след прыгать.

– Что ты будешь с эдакой дерезой делать! Ты зачем за мной пошла?

– Ме-е, – коза отвечает. «Меня не бросай!»

Освободил хозяин волокушу, пошёл обратно. Молчит Марфуша, оглянулся, глазам своим не верит: забралась козочка на волокушу и стоит себе смирно, видно, и козе понятно – зачем кричать, когда тебя сам хозяин на санках катит? Вот так Марфуша – умница и хитрованка!

Всё бы ничего, только сомнение у хозяев заронилось. Говорит хозяин хозяйке:

– Видно, обманули нас, не будет у неё никакого козлёнка, скачет как коза, никакого ей укорота нет.

– Она и так коза, – смеётся хозяйка.

Засеверил февраль, принёс бураны снежные, занедужил хозяин, слёг – в больницу положили. Осталась хозяйка одна. Трудно ей справляться: дров наколоть, печи протопить, снег до стога раскопать, сена надёргать, воды принести, навоз из стайки убрать. И так каждый день – суров февраль.

Однажды поутру зашла в хлев, нет козы, только слышит:

– Ме-е-е! – это Марфуша.

В ответ ей тоненько эдак:

– М-мека.

– Где ты, Марфуша? – удивляется хозяйка.

А Марфуша ушла в отгороженный отсек, спряталась в уголке. Пригляделась хозяйка, а под животом у Марфуши козлёночек – малюсенький такой, как игрушка живая.

– Марфушечка-душечка, мы ведь тебе не верили, а ты вот как, сама управилась! Умница ты наша! Так вот почему ты себя в стаде хозяйской вела, сразу дала понять, что в обиду ребёнка своего не дашь.

– М-ме, – «Меня надо было слушать!» – Марфуша говорит, ещё и копытцем пристукнула.

Пригляделась хозяйка, козлёнок – девочка. Назвала его Дарёнкой, помните, как в сказке Бажова? Только там девочку Дарёнкой звали, но и козочка – девочка.

Пришло время и овцам котиться, стало в хлеву пять ягнят и один козлёнок. Ягнята по-ове-

чи «бе-е» говорят, козлёнок по-козьи «ме-е», но живут дружно. Марфуша ягнят не обижает, понимает, что дети, хоть и овечьи.

Вскоре хозяин поправился, домой вернулся. Опять стал за стадом своим ухаживать. Любуется, как Дарёнка кушает. Хвостиком часто-часто трясёт, мордочкой поддаст матери в вымечко, отдавай мол, молочко, сильно я проголодалась.

Пришла весна, закапала с крыши капель, веселее затенькали синички, воробьи переполох устроили – уже гнёзда готовят. Появились первые проталины.

Снег сошёл совсем, на поляне стали пробиваться первые травки, хозяин выпустил в большой загон овец и коз. Вот радости-то было, особенно малышне, резвиться на просторе. Скачет Дарёнка, но от матери далеко не убегает, чуть что, под животом прячется.

Хозяин с хозяйкой поехали в город забирать внучек на весенние каникулы, овец и коз в огород к стогу с сеном выпустили, пускай гуляют.

Привезли внучек. Сестрёнки Тома и Сонечка первым делом пошли с дедушкой ягнят и козлёночка глядеть. Смотрят, а Марфуша-то такое набедокурила! На стог забралась, сено разметала, тонкую берёзку сломала, ветки обглодала, за забор выбралась и остальных зовёт за собой. Дарёнка уже там, а овцы вдоль забора носятся, лазейку ищут.

– Вот коза-дереза – беспокойное хозяйство! – ругается хозяин.

– Дедушка, скоро мы с ними играть будем? – спрашивают внучки.

– Завтра всех на задворки огорода выпущу, бегайте, резвитесь.

Хорошо в деревне у бабушки с дедушкой. Ручейки звенят, воздух свежий, первые одуванчики расцвели, скворцы прилетели.

Тома уже большая, всё больше книжки хорошие читает, стишки сочиняет, а Сонечка на карусели катается, привязалась к Дарёнке, бегают вместе, то наперегонки пуస్తятся, то в догонялки.

Быстро бегают Сонечка, а Дарёнка ещё быстрее. Разбежится до первой кочки, перепрыгнет ловко, задними ногами от неё оттолкнётся, наберёт скорость в полёте и опять скачет. Истый ребёнок! Смотреть на неё – душа радуется. Сонечка

смеётся, по телевизору на канале «Мир животных» она видела – так скачут горные козочки, а Дарёнка им дальняя родственница.

Жаль, каникулы быстро пролетели. Повезли дедушка с бабушкой внучек обратно в город. С утра хозяин опять выпустил овец и коз на поляну пасти. Марфушу привязал к кольишке у стога с сеном, чтобы она не набедокурила, как в прошлый раз, рядом бадейку с водой поставил.

Вот близится время к обеду, нет хозяев, только слышат соседи, как козочка плачет не переставая, дворовый пёс Тузик охрип от лая. «Дай, – думает соседка, – пойду посмотрю, может, что-то случилось?»

Только калитку в огород открыла, глядь, козлёночек скачет, зовёт:

– Ме-е-ка, – отбежит и снова вернётся, – ме-ка. «За мной иди».

Прошла соседка к стогу – ах, вот в чём дело: запуталась Марфуша на верёвке до такой степени, что уж мочи нет подняться, на коленках стоит, головой крутит, бородёнкой трясёт. Кое-как распутала верёвку, бадейку с водой поднесла. Напилась коза да как боднёт рожками по бадейке, как копытцами стукнет – опрокинула, пролила воду проказница, сердится, что с ней такая оказия приключилась. Только Дарёнка радуется, прыгает рядом, кричит:

– М-ме, м-ме, – «Меня похвалите, это я матушку из беды выручила».

Вот так Дарёнка – умница-разумница, вся в мать-козу уродилась!

Пришло время доить козу, отсадили от неё Дарёнку. Не нравится Марфуше, тербит хозяйку за рукав – пощипывает зубами, завернув верхнюю губу! Думает, наверное, что ребёнок её теперь голодный останется.

– Не шали, Марфуша, стой смирно, не оголодает твоя дочь! Травку всюю щиплет, и поило ей молочком закрушу, – строжит её хозяйка. – Привыкнешь, сама будешь ждать, когда доить придут.

Привыкла Марфуша, стоит теперь спокойно, жвачку пожёвывает, глядит по сторонам, контролирует, чтобы в стайке порядок был, пока она занята.

Ирина АНДРЕВА

НАИНА — ХРАНИТЕЛЬНИЦА ОЧАГА РОДА ЯГИ

Я думаю, никто из специалистов не сомневается, что русский фольклор и культурные традиции выросли на финно-угорском субстрате, следы которого особенно заметны в устном народном творчестве, особенно в сказках.

Для специалистов – историков и географов давно не секрет, что романтическое название Лукоморье не что иное, как раннее название Обской губы, широко известное прежде всего новгородцам, а после похода на Югру Семёна Курбского – и всей Европе.

Мы не будем касаться первоисточников, из которых А. С. Пушкин мог черпать сведения о Лукоморье и его обитателях. За недостатком времени и места рассмотрим лишь некоторых персонажей знаменитого пролога к «Руслану и Людмиле», настолько характерных для Югры, что в случайность их явления в прологе (и поэме) трудно поверить. В их числе избушка «на курьих ножках», волховец-колдун, ступа с Бабою Ягой, русский дух и близкая родня Яги – Наина.

Фольклор русского северо-востока, передававшийся многие века от поколения к поколению, благодаря Афанасьеву и другим собирателям не погиб и проясняет многое в истории Яги и Золотой бабы. Итак, в путь по этой неведомой дорожке...

На грани двух миров, светлого и тёмного, посреди дремучего леса издревле векует в странной избушке, окружённой забором из человеческих костей, старая Яга. Временами злобная ведьма налетает на Русь, несёт с собой мор людей и падёж скота, похищает детей. Иной раз и к ней заглядывают гости с Руси. Одних Яга пытается съесть, других привечает, помогает советом и делом, предсказывает судьбу. Яга имеет обширные знакомства в живом и мёртвом царствах, свободно посещает их. Кто она, эта загадочная старушка, откуда пришла в русский фольклор, почему её имя чаще всего встречается в сказках северо-восточной Руси, мы и постараемся разобраться.

Хотя биография её достаточно загадочна и темна.

Немудрено, что англичанин Джильс Флетчер, рыскавший по северу России, не нашёл её в 1588 году на предполагаемом месте нахождения в устье Оби и с огорчением записал в своём сочинении «О государстве русском», в главе о пермяках, самоедах и лопарях: «...Но что касается до рассказа о Золотой Бабе или Яге-бабе (о которой случалось мне читать в некоторых описаниях этой страны, что она есть кумир в виде старухи), дающей на вопросы жреца прорицательные ответы об успехе предприятия или о будущем, то я убедился, что это простая басня» (Н. Веселовский. Мнимые каменные бабы // Вестник археологии и истории. – Спб., 1905).

Если выше упоминавшееся свидетельство Джильса Флетчера, отождествлявшего Золотую бабу уральских угров и Ягу-бабу, принять за кончик путеводной нити, то, терпеливо размазывая путаный клубок исторических сведений,

Аркадий ЗАХАРОВ

Аркадий Петрович Захаров неоднократно публиковался в альманахе «Врата Сибири», автор нескольких книг по краеведению, в том числе выпущенных в известных столичных издательствах. Член Всесоюзного Пушкинского общества, член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

археологических находок, старинных ритуалов и обрядов, поверий и преданий, современной краеведческой литературы и старинных народных сказок, можно прийти к выводу, что сказочный образ Яги возник в русском народном творчестве как результат многовекового взаимодействия на общем индоиранском фоне славянской и финно-угорской культур.

Несомненно, что проникновение русских на Север, в Югру и Сибирь, знакомство с бытом местного населения и последующие рассказы о нём оказали заметное влияние на формирование образа Яги в русских, а затем и в зырянских сказках. В настоящем эссе предпринята попытка осветить фольклорные контакты между русским и финно-угорским населением, которые, перемешавшись с древнеславянской мифологией и фольклором, наложили отпечаток на волшебные сказки о Бабе Яге.

В народных русских сказках угорские мотивы проступают достаточно отчётливо.

Постоянное место обитания Яги – дремучий лес на границе света и тьмы, добра и зла. Живёт она в маленькой избушке на курьих ножках, такой маленькой, что, лёжа в ней, Яга занимает всю избу. Подходя к ней, герой обыкновенно говорит: «Избушка-избушка, встань к лесу задом, ко мне передом!» Повернувшись избушка, а в ней Баба Яга: «Фу-фу! Русским духом пахнет...» Тот ей в ответ: «Ты, старая, прежде напои-накорми, а потом про вести спрашивай». Несомненно, что сказка эта придумана людьми, хорошо знакомыми с бытом обских угров. Фраза о русском духе попала в неё не случайно. Дёготь, широко применявшийся русскими для пропитки кожаной обуви, сбруи и корабельных снастей, раздражал чуткое обоняние таёжников, употреблявших для пропитки обуви гусиный и рыбий жиры. Гость, зашедший в юрту в «смазных сапогах», оставлял после себя стойкий запах «русского духа».

Народоволец С. Швецов, отбывавший ссылку в Сургуте, оставил в своих «Очерках Сургутского края» любопытную запись, подтверждающую, что производство дёгтя местному населению было незнакомо ещё в конце XIX века: «...никто из местных жителей не умеет

гнать дѣготь, и рыбаки покупают по рублю и дороже за ведро...»

Нашёл своё отражение в сказке и обычай северного гостеприимства; гостя полагается сначала накормить, а затем можно расспрашивать.

Таинственная избушка на курьих ножках не что иное, как широко известный на Севере лабаз – тип хозяйственной постройки на высоких гладких столбах, предназначенный для сохранения снастей и припасов от мышей и хищников или хранения священных изображений идолов. Лабазы всегда ставятся «к лесу задом, к путнику передом», чтобы вход в него находился со стороны реки или лесной тропы. Исследователь Тюменского Севера В. П. Евладов в своей книге-отчёте «По тундрам Ямала к Белому острову» рассказал, как его спутники-ненцы, да и он сам по их требованию, при приближении к святому месту – обиталищу идолов сядеав – переодевали одежду и шапки задом наперёд (передом назад), чтобы обмануть злого духа и не навлечь на себя кару за посещение запретной территории.

Такое переодевание должно было ввести в заблуждение шайтана – показать ему, что путник стоит к нему спиной, покидает запретное место, а не приближается к нему. И тогда обманутый дух оказывался неспособным причинить зло нарушителю покоя его владений. Причём Евладов подчёркивает, что войти на территорию идола разрешалось только со строго определённой стороны.

В свете вышеизложенного сказочная фраза «Избушка, повернись к лесу задом – ко мне передом» предстаёт перед нами с неожиданной стороны и принимает конкретное значение: если простой переворот одежды задом наперёд кардинально меняет отношение между человеком и злым духом, то, значит, таким же образом можно переменить и характер строения самого злого духа, олицетворяемого идолом, если развернуть уже самого идола на 180 градусов. По поверьям аборигенов-язычников, после смерти доброго человека остаётся его душа, но уже злая, противостоящая всему живому. И зло – такая же производная от добра, как тень от света.

Однако, если перенести на 180 градусов источник света, то и тень переместится на противоположную от границы между добром и злом сторону. А если перевернуть не источник добра и света, а саму границу добра и зла, которой в данном случае служит вход в избушку, расположить его не со стороны злого и тёмного леса, а от светлого пути? Возможно, тогда и душа злого обитателя избушки повернётся к добру и свету?

Язычники считали, что на характер божеств, олицетворяемых идолами, можно влиять, если принести им обильные дары или наоборот – наказать. Значит, можно влиять и другим способом, например, обмануть или повернуть лицом к путнику. В сознании аборигенов Приобья стойко укоренилось понятие о двуединстве добра и зла, так же как жизни и смерти. Считается, что зло – это обратная (противоположная) сторона добра. И, следовательно, способно обернуться добром.

Вот потому и приказывает путник избушке: «Повернись к лесу задом – ко мне передом». После полуоборота избушки зло становится добром, а злая и коварная Яга оборачивается доброжелательной и приветливой бабусей, во всём помогающей страннику, пустившемуся на поиски удачи. Потому что и на Руси издавна считали: «Нет худа без добра».

Из совокупностей мелких деталей и фактов в фантазии народных сказителей и коллективном сознании этноса складывались устойчивые сказочные образы, подобные Яге. Не исчезающие с течением веков прежде всего потому, что зародились они на основе фактического этнографического материала и реальных наблюдений.

Небольшие охотничьи лабазы иногда делаются на двух-трёх высоко спиленных пнях – чем не курьи ножки? Ещё больше похожи на сказочную избушку небольшие, без окон, без дверей культовые амбарчики в ритуальных местах. В них обычно находились куклы-иттармы в меховой национальной одежде. Кукла занимала собой почти весь амбарчик, может, именно поэтому в сказках всегда мала избушка Бабе Яге. Или, точнее, Бабе-в-яге, поскольку ягой у хантов называется меховая доха.

Н. А. Абрамов в «Очерках Берёзовского края» (Спб., 1857) объясняет, что яга – «одежда наподобие халата с откладным, в четверть, воротником. Шьётся из тёмных неплюев, шерстью наружу. Некоторые под неё подкладывают беличий или песцовый мех, а иные фланель. Употребляется берёзовскими чиновниками и купцами в городе и особенно в дорогах». В. И. Даль в своём «Словаре», давая слову аналогичное толкование, подчёркивает его тобольское происхождение.

Свидетельство Дж. Флетчера имеет для нас выдающееся значение не только вследствие весьма малого числа письменных известий начала XVI века о русском Севере и Сибири, но и потому, что оно исходит от наблюдателя, поставленного в непривычные для него условия, что, естественно, обострило его внимание и позволило замечать детали, ускользающие от внимания путешественников из пограничных областей, для которых многие факты не представляли интереса, поскольку были привычными. Как, например, для коми-зырян привычна избушка на курьих ножках, из-за чего она не попала в их волшебные сказки. Несомненно, что проникновение русских на Север, в Югру и Сибирь, знакомство с бытом местного населения и последующие рассказы о нём оказали заметное влияние на формирование образа Яги в русских, а затем и в зырянских сказках. Не случайно в начале книги предпринята попытка осветить возникновение контактов между русским и финно-угорским населением.

В предисловии Зеленина к изданию 1915 года сборника «Великорусские сказки Вятской губернии» отмечается: «...пользующимися известностью в околоте сказочниками оказываются здесь чаще солдаты... Даже и сказочники не солдаты, бесспорно, позаимствовали многие свои сказки от солдат...» Это положение очевидно справедливо не исключительно для Вятской губернии, но и для других областей. Именно новгородские дружинники, казаки-первопроходцы, воины, ямщики и солдаты принесли на Русь те необыкновенные сведения о жизненном укладе, обычаях и верованиях Югры, которые, перемешавшись с древнеславянской мифоло-

гией и фольклором, наложили отпечаток на волшебные сказки о Бабе Яге.

В русской сказке об Иване Царевиче и Белом Полянине (жители снежного, белого поля – тундры) неутомимая воительница Яга – золотая нога совершает свои набеги из подземного царства. Спасаясь от преследования царевича, она приподнимает в ущелье (прошу обратить внимание на этот факт, предполагающий наличие гор в месте обитания Яги) железную доску и скрывается в горе, под землёй – уходит в страны полунощные, к жителям горы, о которых в XI веке рассказывал Гюрята Рогович и написано в литературном памятнике «О человецех незнаемых в восточной стране и языцех розных», – то есть в югорскую землю, в которой жили, соседствуя и воюя между собой и с русскими, остяки и коми. Столкновения между соседями не могли не оставить свой след в фольклоре.

Так у коми-пермяков ещё в незапамятные времена появился миф о существе, обладающем одновременно чертами Яги и Черномора. Это существо человеческого облика носило имя Яг-Морт. «Яг» на языке коми означает «сосновый лес, бор». «Морт» – «человек». Яг-Морт – лесной человек: «...уводит жён, уводит детей, угоняет скот, режет его. К тому же слыл Яг-Морт великим колдуном...» Так сообщает о нём миф народа коми.

У их соседей и военных противников – остяков – существовал эпос о волшебном богатыре Яге, с прямо противоположными чертами характера. (Что наводит на мысли об общем реальном прототипе, положительном для одноплеменников-остяков и отрицательном для страдавших от его набегов коми.)

В остяцкой былине о богатырях города Эмдера упоминается богатырь Яг:

Далеко слава шла о силе
Богатырей его в боях,
Из пятерых их самым малым
Был на ногах оленьих Яг.

(По записи С. К. Патканова, у Яга, или Иага, были братья.)

В этой былине имя богатыря – Яг – собственное. Возможно, давнее имя родовому

союзу. Интересное наблюдение, связанное с Ягой и очагом, высказал в конце XIX века исследователь Севера Бартенев: «Остяки строго придерживаются гентильного (*так в тексте.* – А. З.) родства. Из названий нельзя вывести характера того союза, который они называют абрась (*арась – очаг, мансийское. Глава рода – хранитель очага.* – А. З.). Большинство из этих названий представляют слова, ничего не означающие в остяцком языке, например: ЯГИ, Пандо, Тальчоп...»

Если это так, то должен был существовать «арась Яги», или очаг Яги (или Яга), и его хранительница, старейшая в роду.

Но с утверждением, что название родового союза ничего не означает, видимо, нельзя согласиться, когда на одном информационном пространстве одновременно сосуществуют мифы о Яг-Морте, былина остяков о богатыре Яге и остяцкий родовой союз Яги, возможно, унаследовавший имя былинного героя. Вряд ли мы имеем дело со случайным совпадением. Вероятнее всего, первоначальное значение названия попросту забыто или сознательно утаено от не в меру любопытного путешественника. Если существовал остяцкий род Яги, то непременно должны были существовать также и тотем очага Яги, и материальное изображение хранителя очага, обычно в виде болвана-идола. Если предположить, что им и было изваяние Сорни-най (золотой бабы), то многие обстоятельства, связанные с образом Яги – Наины, находят своё объяснение. Может, этого истукана и искал безуспешно в своё время Джильс Флетчер? Кстати, то, что название рода забыто, может свидетельствовать о давней потере или утрате изображения тотема и постепенном стирании из памяти его названия или его сокрытии от чужеземцев.

Подтверждение генетической близости Золотой бабы и Бабы Яги можно отыскать и в самих сказках. Например, в сказке об Иване Царевиче и Белом Поляныне Баба Яга ходит на золотой ноге.

Для нашего исследования важно другое: то, что прообраз Яги – Золотая баба – именовался на остяцком языке Сорни-най («Золотое

пламя»), от чего впоследствии произошло поэтическое имя Наина.

Появление в первой поэме Пушкина героев из северной страны Суоми – Финна и Наины – совершенно не случайно.

А. С. Пушкин обратил свой поэтический взор к Северу ещё в молодые годы, в период работы над «Русланом и Людмилой». Вероятно, к тому времени Пушкин был достаточно наслышан о некогда могущественной в необозримых северных просторах касте языческих колдунов. Выросшая на финской мызе Суйды няня Пушкина Арина Родионовна могла с самого детства впитывать в сознание яркие образы северного финского эпоса: седобородого добродушного колдуна Вяйнямейнена и злобной колдуньи Лоухи. Романтическое воображение Пушкина, подпитанное сказками Арины Родионовны, нарисовало в поэме коварную колдунью-северянку Наину. Вот как рассказывает о родине Наины Финн: «...Природный финн, в долинах нам одним известных, гоня стадо сёл окрестных, в беспечной юности я знал одни дремучие дубравы... Тогда близ нашего селенья, как милый цвет уединенья, жила Наина...»

Из этих строк можно с уверенностью заключить, что красавица Наина проживала поблизости от затерянного в лесах финского севера селения, жители которого занимались, по-видимому, оленеводством, поскольку никакие другие стада не пасут среди лесов. Из текста также следует, что юная красавица проживала отдельно от людей, в уединении. Такой способ расселения чрезвычайно распространён у северных народов, занятых охотой, рыболовством и оленеводством, поскольку, в отличие от группового поселения, позволяет рационально осваивать большие территории.

То, что хорошо и привычно для северянина, удивляет истораживает русского земледельца, привыкшего жить большой общиной. Рискнувший поселиться в одиночестве, на выселках, неизменно приобретал славу человека нечистого: разбойника, а то и колдуна. Пушкин строкой об уединении Наины предварительно информирует читателя о её странном поведении, пытается настроить на особое отношение

к ней. Из дальнейшего описания места обитания и деятельности Наины можно заключить, что живёт она среди финно-угорского народа коми, поблизости от полнощных (Уральских) гор – обители её приятеля Черномора:

...Тогда он встретил под горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсем седую.
Она дорожную клюкой
Ему на север показала.
«Ты там найдёшь его», – сказала.

А вот как у Пушкина о Черноморе: «Узнай, Руслан: твой оскорбитель волшебник страшный Черномор, красавиц давний похититель, полнощных обладатель гор». Полнощных – значит находящихся на севере Сибири. Современник Петра I Григорий Новицкий в «Кратком описании о народе остяцком» так и пишет: «Сибирское государство содержится в полнощной стране...»

Яга, как и Наина, одинокая обитательница леса. Несомненно, что это близкие по облику и по духу персонажи и появились из одного фольклорного источника. Но Яга значительно старше и приходится Наине «крёстной матерью», если так можно сказать о нечистой силе. Как и Яга, Наина не ведьма – существо сверхъестественное, а колдунья – существо человеческое, способное вершить чудеса при помощи магической науки, заговоров и заклинаний, иначе говоря – шаманка.

В том, что у Пушкина надменная красавица северянка становится в конце концов колдуньей, нет ничего необычного. У языческих финно-угорских племён, с их культом женского божества, женщины-шаманки встречались довольно часто. Вероятно, сведения о языческих шаманах и волхвах, почерпнутые Пушкиным из литературы о Севере, преломившись в его воображении, нарисовали нам образ колдуньи, чьи имя, характер и внешность более всего напоминают знакомую нам всем с детства Ягу.

Из сказок своей няни юный Пушкин мог усвоить, что «в краю пустынных рыбарей», на финском Севере, «живут седые колдуны». И навеянные сказками Севера образы Пушкин включил в свою поэму, в которую они так же

органично влились, как сливались между собой культуры славян и финно-угров.

Взаимопроникновение сюжетов коми и русского фольклора ясно заметно, если сопоставить сказки народа коми и сказки собраний Афанасьева, Зеленина, Ончукова. При наложении сюжетов они калькируются, но по объёму, яркости сюжета, обилию деталей, красочности и образности языка русский вариант представляет собой значительно ухудшенную копию пермяцких сказок, видимо, более ранних.

Мы уже говорили, что Наина должна была принадлежать к одному из финно-угорских народов Северного Урала, которым обязана своим именем, не упомянутым ни в одном из известных толкователей имён собственных.

Можно предполагать, что пушкинская северянка Наина унаследовала своё имя от остяцкого понятия «най», что означает одновременно и необыкновенную женщину, и пламя. Наина, най – женщина-пламя, жгучая красавица, душа огня, фея пламени. И в этом её связь с Ягой. Во всех известных сказках о Яге неизменно присутствует печь, а сама она выступает как хранительница очага (вспомним наблюдение С. Бартенева и «арась Яги»).

Н. Л. Гондатти, совершивший экспедицию на Тобольский Север, в своей исследовательской работе «Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири» (М., 1888) сообщал, что в верованиях манси духи – покровители огня назывались наине-одыр. Следовательно, Яга – это наине-одыр. Она же «огневушка-поскакушка» в одноимённом сказе Бажова. А имя Наина, как это часто случается у языческих народов, прежде чем стать собственным, было прилагательным и может переводиться как «пламенная». По этой причине пушкинская Наина унаследовала все черты и повадки фольклорного персонажа – Бабы Яги.

Сегодня трудно предполагать, где подсмотрел Пушкин образы Финна и шаманки Наины, но совпадения слишком явны, чтобы быть случайными.

И если всё-таки допустить, что Наина – результат авторского вымысла поэта, то Сорни-най – реальный, некогда существовавший языческий

идол, главное женское божество уральских угров, известный ещё как Золотая баба.

Принадлежность Яги и Наины к одному роду (очагу) чётко просматривается в сказке о Царевне-лягушке.

Манси, считавшие себя потомками лягушки, называли себя «нарас-махум» по имени лягушки-матери Нарас-най, что означает «Болотная волшебная женщина». Но на языке манси слово «най» означает не только молодую красивую женщину, но и пламенную красавицу. Как в этой связи не вспомнить чудесную, неповторимую по сюжету сказку о Царевне-лягушке, которая явно имеет югорские корни? Царевна-лягушка по сюжету сказки связана с очагом и пламенем, она и характером «пламенная и зажигательная», что роднит её с Ягой и Наиной. После того как Иван сжигает в очаге лягушачью кожу, царевна Нарас-най скрывается у своей родственницы Бабы Яги, вернее поочерёдно у трёх сестриц-ягаг («ягаги» по-мансийски – «сестра», а «яг» – «отец»). Ягаги ведут себя с Иваном по-родственному доброжелательно и по-северному гостеприимно. Царевна-лягушка (Нарас-най), по-видимому, приходится бабусям-ягушам родственницей. (Яга в русских сказках имеет множество вариантов своего имени: Ягаги, Ягавая, Егибиха, Еги-бобо, Ягарма и т. д.)

У хантов и манси, считавших лягушку своей прародительницей, существовал обычай: если кто-нибудь случайно раздавил лягушку, то во искупление греха он должен был отлить её изображение из свинца и положить в избушку вместе с итармами предков. Как близкое к Сорни-най божество, Нарас-най могла находиться в одной кумирне с ней, что послужило поводом для сказочников к объяснению родства между Йомой-ягой и лягушкой. Там же, среди священных жертвенных стрел, возможно, хранилась и та, которую Царевна-лягушка достала из болота своему суженому.

Краевед Л. Р. Шульц, изучавший быт салымских остяков, описал культовую избушку одного из хантыйских идолов-тонхов Салхана: «...Тут же висят миниатюрные луки с такими же стрелами, ступки для толчения крапивы с

пестами и веретёна. Это приношение тонху по случаю рождения сына или дочери».

Судя по многочисленности в капище ступок с пестами, возможно, представлявших собой некий фаллический символ, луков, стрел и веретён, можно сделать вывод о том, что эти предметы составляли обычный набор приносений идолам, связанных именно с рождением ребёнка.

Атрибут многих сказок о Яге – веретено – часто встречается и в сказках коми о Йома-бабе. Сама форма веретена, отдалённо напоминающая человеческую фигурку, в душе привыкшего к деревянным божкам язычника вызвала суеверные чувства, нашедшие своё отражение в сказках и, как мы увидим далее, религиозных обрядах.

В зырянской сказке «Девочка ростом с веретено» одним из главных действующих лиц выступает Йома-яга. Связь веретено – Яга совершенно не случайна и олицетворяла для некоторых северных народов рождение ребёнка. Вспомним, что Сорни-най (она же Яга-баба) приписывалась способность помогать рождению детей.

Вряд ли можно считать случайным в одной лишь сказке о Царевне-лягушке именно такое сочетание ключевых предметов: ЛУК, СТРЕЛА, ВЕРЕТЕНО. Ступа не упоминается, но подразумевается, поскольку в сказке задействованы сразу три сестрицы Яги, которые без неё не обходятся. Вот как в сказке о веретене: «Ой, Иван-царевич, – сказала старуха, – как ты долго!.. Скоро свадьба! Живёт теперь у большой сестры (по-мансийски сестра звучит как «ягаги!»), ступай туда да смотри ты: как станешь подходить – у неё узнают, Елена обернётся веретешком, а платье на ней будет золотом (как у Сорни-най), ты... отвори ящик, веретешко переломи, кончик брось назад, а корешок перед собой: она и очутится перед тобой».

Само имя Яга в русских сказках синтезировалось вследствие перехода количества в качество, стало итогом сосуществования в финно-угорском информационном поле имён и названий: Яг-Морта, Яга – оленье ноги, рода Яги (Яга), сестёр-«ягаг», верхней меховой одеж-

ды – яги, болвана Яхи-бабы и т. д. Количество должно было перейти в качество, и оно перешло, синтезировав из множества сходных имён и понятий один образ – Бабы Яги.

Профессор А. А. Потебня в исследовании «Баба-Яга» предположил, что Параскева-Пятница и Яга изначально представляли один и тот же персонаж, со временем раздвоившийся. В доказательство он приводит вариант русской сказки, не оставляющий сомнения, что лягушка приходится Яге дочерью. Это его наблюдение хорошо согласуется с финно-угорской мифологией о Йоме, Сорни-най и Нарас-най. Несомненно, что они имеют общий со сказками о Яге мифотворческий источник, объединены по территориальному признаку и дали основу имени Наина.

Можно было бы рассказать ещё о реальных лукоморских чудесах, лешем и невиданных зверях, но недостаёт места и времени. Благодаря А. С. Пушкину оказалось не забыто с веками поэтическое Лукоморье. Сегодня с большой достоверностью мной определены летописные литературные источники, из которых А. С. Пушкин мог узнать это название сказочного обского берега, где жили Яга и Наина, бродил леший и другие сказочные по тому времени персонажи. Вряд ли Пушкин мог заблуждаться по поводу географического местонахождения Лукоморья. И правильно сказал он о нём: «Там русский дух. Там Русью пахнет». Возможно, потому что, хотя дух в Лукоморье русский и пахнет там Русью, всё же это не Русь, а Сибирь...

Когда я закончил писать эти строки, то не испытал особенной радости. Не покидало ощущение незавершённости, недосказанности сведений по происхождению и родственным связям Яги. В огромном фольклорном материале, который мне пришлось для этого переворачивать, не нашлось ответа на вопросы:

- Почему Яга в сказках всегда старая и живёт отшельницей, подобно Агафье Лыковой?
- Из того, что в ряде сказок у Яги присутствуют сёстры, следует, что молодой Яга всё-таки когда-то была. А если так, то кто её мать и отец?

- В некоторых сказках у Яги обнаруживается дочка. Значит, у Яги был муж. У сказочников северо-восточной Руси её уважительно величают то Егибишной, то Егибихой – по традиции производить прозвище от имени мужа или отца. И кто же тогда муж Яги? Он обязательно должен был обнаружиться.

В сборниках записей русских старинных сказок Афанасьева, Зеленина, Ончукова информации по этим вопросам найти не удалось. Не прояснил ситуацию и замечательный исследователь русского фольклора В. Я. Пропп в труде «Исторические корни русской волшебной сказки». Как впоследствии оказалось, искал я не там, где хранится клад, а «под фонарём», там где светлее и привычнее разыскивать.

Ответы на все перечисленные выше вопросы обнаружились неожиданно и ближе, чем можно было ожидать. Виною этому стал профессор Тюменского госуниверситета Юрий Лукич Мандрика, кропотливый архивист и книгоиздатель забытой с годами тюменской литературы. Именно он обнаружил в хранилищах Тюменского областного музея и с группой своих коллег – В. Чупиным, В. Темплингом, Н. Рогачёвой, М. Дистановым – подготовил и издал в трёх томах богатейшие архивные записи Петра Алексеевича Городцова под общим названием «Были и небылицы Тавдинского края» (Тюмень: Из-во Ю. Мандрики, 2000), оставшиеся почти не замеченными читателями и знатоками.

Личность Петра Алексеевича Городцова в сохранении русского сибирского фольклора настолько значительна, что о нём следует рассказать поподробнее.

Высокообразованный юрист, на тридцатом году жизни он покидает обжитую Рязань, чтобы принять назначение на должность судебного следователя Тобольской губернии, и поселяется в селе Покровском Тюменского уезда. Там исполняет сначала должность мирового судьи 5-го участка Тюменского округа, а в начале 1905 года переводится в ведомство МВД крестьянским начальником 3-го участка Тюменского уезда. За семь лет работы мировым судьёй Городцов приобрёл доверие местного населения и наладил контакты со «знатками»

людьми: сказителями, знахарями. Общение с ними дало возможность ему собрать и записать обильный и уникальный по своему значению материал. Не исключено, что увлечённость сбором фольклорных материалов отвлекала П. А. Городцова от административной деятельности и исполнения служебных обязанностей, что стало известно тобольскому губернатору Л. Н. Гондатти, который жёстко потребовал «прекратить общаться со сказителями, что непозволительно для крестьянского начальника». Но Городцов предпочел оставить службу и подал прошение об отставке. После увольнения П. А. Городцов переезжает в Тюмень, но продолжает заниматься собирательской деятельностью, встречается с крестьянами, обрабатывает собранный материал, готовит его к печати. В 1919 году П. А. Городцов умер, оставив после себя уникальный архив, поступивший в распоряжение Тюменского областного общества научного изучения местного края, при котором была и библиотека П. А. Городцова. И оттуда его архив попал в фонды областного краеведческого музея, где их обнаружил Ю. Л. Мандрика.

В изданном им наследии Городцова внимание привлекает былина об Илье Муромце, объединившая в один сюжет привнесённые на сибирскую землю выходцами из России предания о богатырских подвигах, но уже местными сказителями дополненная и завершённая на свой лад финалом несомненно сибирского происхождения. В заключительном эпизоде былины мы находим югорскую Ягу и её родственников. Известно, что былины, в отличие от сказок, корнями своими уходят в глубокое историческое прошлое народа и содержат отголоски реально происходивших событий и имена когда-то живших героев вроде Ильи Муромца и Никиты Добрынича (сибирский вариант Добрыни Никитича). Во всяком случае, современные исследователи нас уверяют, что такие дружинники у князя Владимира действительно служили. Всё это дела давно минувших дней и далёких от Сибири мест. А наша былина была записана в 1907 году Городцовым в пересказе замечательного рассказчика, знахаря и колдуна

Луки Леонтьевича Заякина, девяностолетнего малограмотного крестьянина из глухой деревни Артамоновой, что на таёжной реке Иске в Тюменском уезде, который слышал её в молодости от другого сказителя. А тот, в свою очередь, от предшественника. И так по цепочке из глубины веков и территорий передавалась информация, в которой каждое слово на вес золота и утрачено быть не может и не должно.

Поскольку в былине объединены несколько сюжетов героического эпоса, известных по другим источникам, то на ней можно бы не останавливаться, если бы в её конце не появились персонажи и герои, к богатырским подвигам Ильи Муромца не причастные и по происхождению инородные.

Это сказание о сражении Алёши Поповича с бабой Горынккой за обладание её прекрасной дочерью, волшебницей и богатыршей Ягой Ягиничной. Чтобы оправдать включение этого эпизода в былинку, сказитель делает Илью Муромца случайным свидетелем битвы между Поповичем и Горынккой. Довольно неприглядным свидетелем и подстрекателем: «Бей её по титькам, по белькам. Под гузно!»

В отличие от других супостатов, реально угрожавших спокойствию Руси и утихомирённых русскими богатырями, Горынка ничем не провинилась, никому не угрожала, не поджигала, никого не грабила, не убивала. И не было никакого основания для нападения на неё Алёши Поповича, кроме её языческой сущности да ещё её замечательной дочери Яги Ягиничны.

Обратите внимание: в былине впервые названа мать Яги – баба Горынка – и обозначен отец Яги, вероятно, Яг, Ягу или Ягве.

Прозвище Горынка происходит от глагола «гореть» (жечь, палить), и баба получила его по тому же принципу, что и Змей Горыныч – извергающий пламя. Языческая Горынка – волшебница, повелительница и душа огня, такая же как Огневушка-поскакушка из уральского сказа П. П. Бажова, явно вогульского происхождения. Иначе говоря, Горынка не кто иная, как героиня остяцкого эпоса женщина-пламя, золотой огонь – Сорни-най, наине-одыр,

най, Наина. Следовательно, совершенно точно можно утверждать, что Яга – одна из дочерей Наины. Попробуем определить её мужа и отца семейства. По отчеству – Ягинична – можно заключить, что отцом Яги был некий Яг.

Хазарского бога Ягве придётся из числа подозреваемых исключить, поскольку из-за удалённости территориального обитания и в силу своей морали вряд ли он мог вступить в отношения с этой языческой богиней. И если бы такое всё же случилось, Яга носила бы отчество Ягвинична. Гораздо вероятнее, что её отцом мог стать ближайший сосед, отрицательный герой коми-пермяцкого мифа Яг-Морт или положительный герой остяцкого эпоса «О богатырях города Эмдера»: Яг – оленьи ноги (быстроногий).

В мифах коми-пермяков Яг-Морт – злодей, разбойник и разоритель. А в эпосе у сопредельных им остяков Яг-быстроногий – это герой, победитель и добытчик. Можно предположить, что Яг-Морт (лесной человек) и Яг – оленьи ноги – один и тот же воинственный югорский князь, реально когда-то существовавший и ставший со временем эпическим героем. Дело в том, что коми-пермяки и остяки на протяжении веков территориально были соседями и соперниками. Между ними случались стычки за территории и промыслы, поочерёдные набеги и войны. Естественно, что удачливый предводитель остяков богатырь Яг – оленьи ноги в глазах пострадавших от его набега соседей-пермяков выглядел ужасным лесным разбойником и грабителем Яг-Мортом. Что, вероятно, не помешало ему заслужить благосклонность остяцкой богини и народить трёх дочерей-ягушек. Однако то, что он из эпоса остяков постепенно исчез, наводит на мысль, что в очередном набеге на соседей ему не посчастливилось и Наина овдовела. А Яга осиротела, потеряв отца. На мансийском языке слово «отец» звучит как «яг». Во всяком случае, к моменту появления Поповича мужа у матери Яги уже не было, и вступить за Горыню оказалось некому.

Настала пора перейти к личности другого разбойника – Алёши Поповича. Да-да, я не оговорился, назвав его разбойником. Это в глазах некоторых русских сказителей он добрый молодец, борец с бабой Горынкой, по-остяцки

«наиной-одыр». А с точки зрения хантов, почитателей Золотого огня, претендент на руку дочери Наины – обыкновенный, нет, не обыкновенный, а особо опасный разбойник, хотя и Попович по прозвищу. За что он получил такое прозвище, не очень ясно. Илья Муромец – родом из Муромы, Никита Добрынич – родом из Дебрянска, а Попович – откуда? Из попов? Впрочем, кличка Попович вовсе не означает, что её носитель происходит из сословия священнослужителей, которым запрещено носить оружие. Возможно, она означает его принадлежность к окружению, наёмной охране или свите высокопоставленного священника. Для обывателя-старовера они все – поповичи. И удалец Алёшка из их числа. Но отнюдь не из дружины князя, в которой он не замечен и не числится. Кстати, во времена князя Владимира Киевского на Руси попов ещё почти не было. Преобладали волхвы-язычники. Следовательно, не могло быть и поповичей. Но это допустимый для легенды огрех в хронологии...

А вот каким путём он, возможно, попал в противники сибирской языческой богини, попробуем разобраться.

В эпизоде противоборства Алёши Поповича и бабы Горынки мы встречаем глухой отголосок и мотивы реальных событий, происходивших в XVII веке на территории Тобольской губернии: миссионерского похода ратников тобольского митрополита Филофея Лещинского на Север, в Югру, с целью обращения в православие поклонников Сорни-най, захвата и уничтожения остяцких идолов. В том числе легендарной Золотой бабы – Наины. В свиту (поповское войско) сосланного в Тобольск из Киева Филофея Лещинского вошли и ссыльные украинские казаки, бывшие сторонники Мазепы, и в их числе казачий полковник Григорий Новицкий, написавший впоследствии «Краткое описание о народе остяцком». Вполне вероятно, что в их числе находился дотоле безвестный казак Алёшка, во время похода отличившийся в уничтожении языческих идолов, замеченный и обласканный митрополитом и за то получивший прозвище Попович. В своей миссии Лещинский добился значительных успехов: большая часть изображений остяцких богов была уничтожена, а ново-

обращаемые принудительно окрещены. После окончания похода часть казаков-поповичей была отпущена со службы митрополиту, и некоторые затем возвратились в Киев. И даже с молодыми жёнами. Во время похода некоторые поповичи, не церемонясь приличиями, брали в жёны вновь окрещённых остячек: женский вопрос в то время стоял очень остро. Но большинство из них так и остались в Сибири. Их рассказы о событиях миссионерского противоязыческого похода поповской дружины Лещинского легли в основу легенд, былин и сказаний. Последовательно преломлённые фантазией многочисленных сказителей, события того похода приобрели мифический окрас и былинный характер, утратили достоверность, но сохранили подлинную сюжетную канву. И вот как описаны злодейские подвиги Алёшки Поповича в былине:

«...И убил Алёша бабу Горынку своею палицей боевою. После того Алёша Попович взял нечестно дочь бабы Горынки Ягу Ягиничну, и все трое поехали в город Киев», к такому же знаменитому распутнику и блудодею князю Владимиру, затем чтобы именно у него справить свадебный пир... Справить пир не с родителями жениха и невесты, не с роднёй, не с соседями, как на Руси веками принято, а у князя, с его прислужниками, из его княжьей к тому милости. Для сибирского сказителя с украинскими корнями было совершенно естественно в своей былине адресовать Поповича и Ягу именно в недосягаемо-далёкий священный город Киев, где правит «святой князь Владимир», окрестивший Русь и сбросивший в Днепр языческих идолов. Кому, как не ему, обратиться в православие урождённую язычницей Ягу, окрестить её и выдать замуж за своего сторонника? Такая свадьба могла иметь и политическое значение: распространение православия на области, подвластные Яге Ягиничне.

Хранитель древней народной нравственности, сказитель явно неодобрительно отзываясь о Поповиче, вся воинская доблесть которого состояла в убийстве бабы ради овладения её дочерью. Попович убил мать на глазах её дочери, чтобы на дочери жениться, не соблюдая понятий о чести.

«Взял нечестно» означает против воли невесты, силой, принуждением, без согласия и благословения родителей, без строгого обряда венчания. Далее по тексту былины: «Обвенчали Алёшу Поповича с дочерью бабы Горынки и на славу справили брачный пир. Дочь же бабы Горынки была, как и её мать, сильная богатырша и великая волшебница. Шибко она невзлюбила своего мужа Алёшу Поповича и уже на подклети сказала ему: "Немного мы с тобою, Алёшенька, наживём!"» Понимала, несчастная, что с такими замашками и норовом, как у Алёши Поповича, на свете долго не живут. А может, и догадывалась, что языческие злые духи не спустят Поповичу и расквитаются с ним за гибель своей пристешницы Горынки.

Так вскоре и случилось: гордое и хвастливое слово и разудалые замашки погубили богатыря. Нашлась и на него утрava в виде волшебных сил, которые воздали ему по заслугам и превратили в каменного болвана – каменную бабу. Сказитель относит каменное изображение Алёши Поповича к числу нечисти, которая, возможно, оживёт перед концом света. Прозвище Попович для сказителя-старовера, беспоповца, отнюдь не означает благочестия и не гарантирует его носителю спасения от высшей справедливости.

В сознании сказителей осталась тогда Яга Ягинична вечной вдовой, вернулась на свою родину, вырастила дочку и состарилась в лесном уединении, но не ожесточилась против выходцев с Руси.

Яга – полная сирота и вдова. В этом объяснение её вечного одиночества. Отчество её с годами забылось, и все стали называть старушку просто Баба Яга. И мы её помним под этим именем.

Так пресёкся род Яги. Но в сказках она продолжает здравствовать.

Вот такие открытия в родословной известной всем, но не очень знакомой Яги удалось сделать в архиве П. А. Городцова. Там ещё много чего найдётся интересного и неожиданного. О народных истоках сказок Ершова и Пушкина например. Но об этом как-нибудь в другой раз.

Аркадий ЗАХАРОВ

«АЛЕКСАНДРЪ» В ДОНБАССЕ: ТАК ПОБЕДИМ!

Литература Новороссии в силу того, что война ещё не закончена, неразрывно связана с борьбой за свободу, с поиском своей идентичности, с культурой России и интеграцией в Русский мир. Интерес к этой литературе огромен как со стороны врагов (фамилии поэтов и писателей вносятся на сайт «Миротворец», и они становятся врагами нацистской Украины), так и со стороны друзей (лучшие представители писателей ЛНР и ДНР были приняты в Союз писателей России, и их произведения публикуют в российских изданиях). Ярким примером такого интереса и дружбы является сентябрьский номер литературно-исторического журнала «Александръ» 2020 года.

«Александръ» № 9 (48) полностью посвящён литературе Донбасса. И это не разовая акция, а долгое и продуктивное сотрудничество редколлегии журнала и литераторов Новороссии.

Несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию, презентация номера состоялась 22 октября в Русском центре Луганской республиканской универсальной научной библиотеки им. М. Горького. Новинку привёз в Луганск Владимир Казмин, председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России, лауреат Международного фестиваля «Солдаты России», лауреат Международной литературной премии им. Юрия Долгорукого, национальной премии «Щит и меч Отечества» ВПК России и ряда других премий. Он представил номер, поблагодарил за сотрудничество директора библиотеки Наталью Расторгуеву. Отмечая давнее партнёрство журнала и библиотеки Горького, активное участие в подготовке журнальных материалов, проведение многочисленных совместных мероприя-

тий, от лица редакционной коллегии журнала Владимир Казмин вручил ей памятную медаль с символикой издания и почётную грамоту. Также грамота и медаль были вручены Марку Некрасовскому, одному из авторов номера, за его работу по сбору материалов для него.

Присутствующим на презентации авторам номера предоставили слово, и каждый из них поделился своими впечатлениями о журнале, рассказал о планах на будущее и прочитал свои стихи. Все авторы поблагодарили редколлегию журнала и главного редактора Анатолия Трубу.

Марк Некрасовский рассказал: «Для украинских националистов Донбасс – это территория, которую для процветания "неньки Украины" необходимо вернуть, и желательно без жителей. Жители Донбасса априори неграмотное быдло. Недочеловеки. Отсюда и неприятие Минских соглашений, и желание вести войну до победного конца. Смерть близких, разрушения городов и посёлков не сломили дух Донбасса. Недаром строчки из стихотворения Павла Беспощадного "Донбасс никто не ставил на колени / И никому поставить не дано" стали девизом для его жителей. Строятся не только новые республики, но и формируется новая культура – культура Новороссии. Для жителей Донбасса эта война – за свою свободу, за идеалы и ценности их отцов, за свою причастность к Русскому миру. И я рад, что редактор журнала Анатолий Труба дал нам возможность укреплять литературные связи с Россией».

Литературно-исторический журнал «Александръ» стал мостом дружбы между республиками Донбасса и Россией, он сохраняет историческую память и воспитывает дух патриотизма и любви к Родине!

«АЛЕКСАНДРЪ»
atextib.ru